

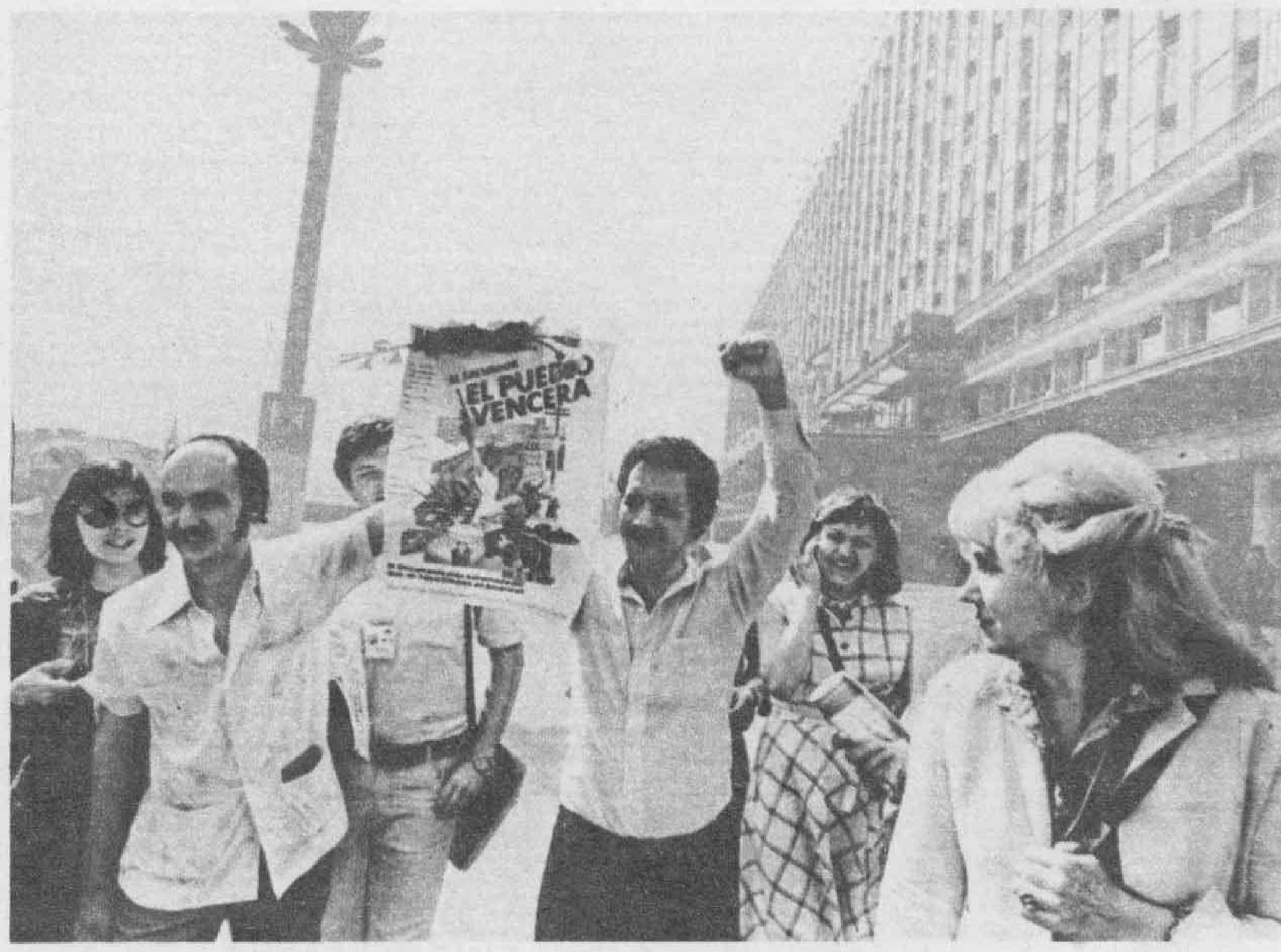
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 29 ИЮЛЬ 1981

Маягозель Аймедова играет главную роль в фильме «Дерево Джамал».

Один из создателей фильма «Сальвадор: народ победит» Карлос Альварес Пинеда (в центре).

◄Торжественно состоялось открытие фестиваля.

Радж Капур, Ирина Скобцева, Сергей Бондарчук и Ренди Капур.

ФЕСТИВАЛЬНОЕ

Участники фестиваля знакомятся с Москвой.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 29 (2818)

18 ИЮЛЯ 1981

Вьетнамская киноактриса Зиеу Тхуан.

Фото Г. КОПОСОВА

Веселым танцем приветствуют юные зрительницы создателей детских кинолент.

Очередной смотр кинематографии всего мира — XII Московский международный кинофестиваль в Москве — начался и идет как большой торжественный праздник, привлекающий внимание всей нашей страны, всего народа. Недаром же в приветствии Леонида Ильича Брежнева XII кинофестивалю было сказано о нынешней, как никогда значительной роли искусства кино, впрямую обращенного к сознанию и чувству миллиардов людей земли; отсюда и главная задача, единственное призвание деятелей киноискусства: отстаивать прогресс, мир, дружбу, взаимопонимание между народами, умение противостоять агрессивным силам поджигателей новой войны.

Московский кинофестиваль существует уже 22 года, и у него прочно сложились за это время ритуалы основной конкурсной работы, как и обычай интересно, познавательно использовать — пусть немногие — часы досуга.

Представленный на конкурс фильм туркменской киностудии «Дерево Джамал» как бы дал нравственный запев всему творческому соревнованию. Один за другим выходят на экран фильмы, каждый по-своему страстно призывающие к проявлению лучших человеческих нравственных качеств, к гуманизму.

Кинофильмы вспоминают и прошлое, показывают подвиги борцов за новую жизнь — таких, как герой Монголии Хатан-Батор, как греческий коммунист Никос Белояннис...

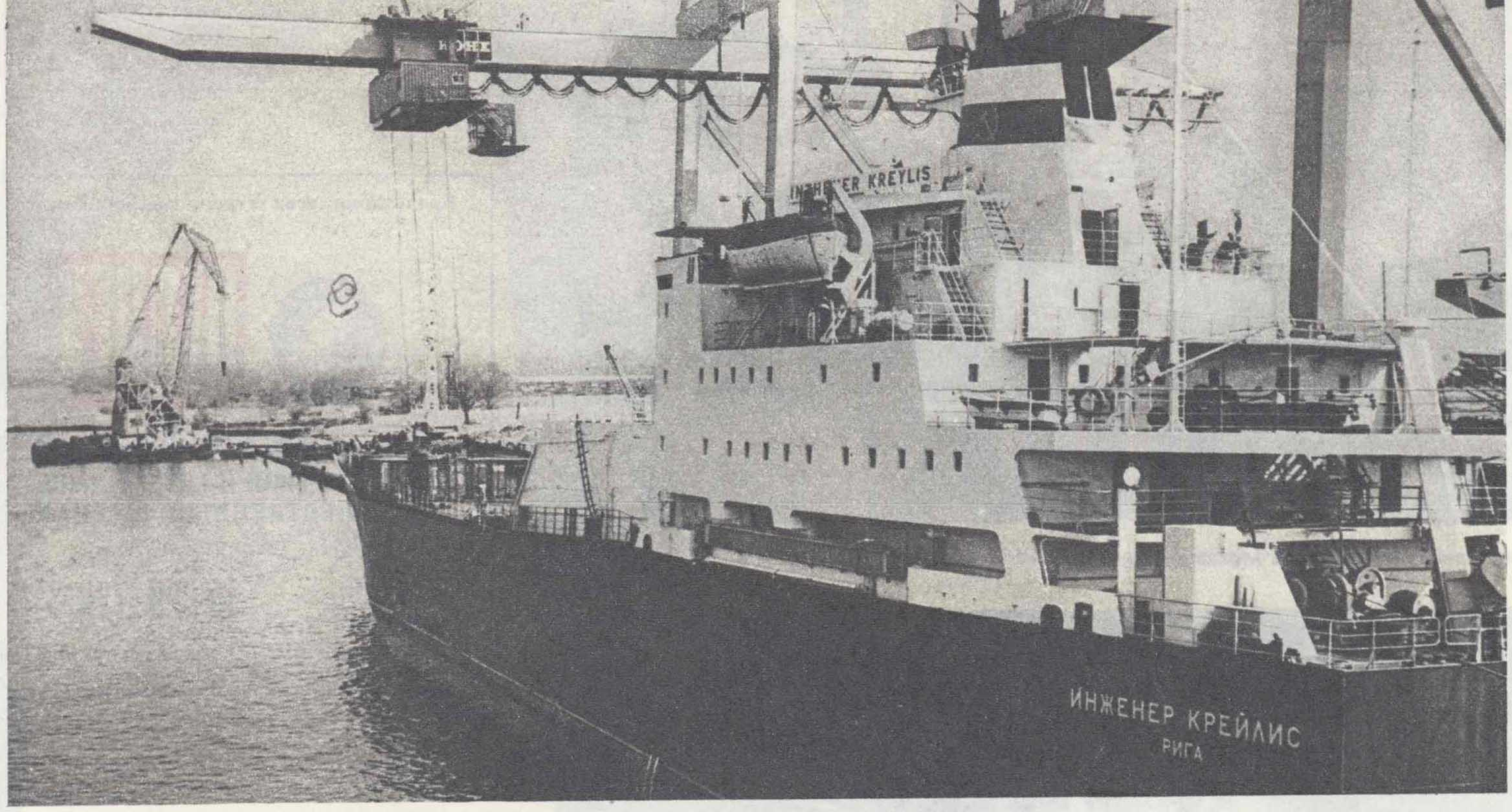
Фильмы идут буквально потоком. Напряженно работают три состава жюри, взыскательно рассматривающие — каждое по своему профилю — художественные, документальные и детские киноленты.

А в промежутках — конференции, живые встречи со зрителями, поездки на предприятия.

Москва встречает своих любимцев — всемирно известных деятелей киноискусства, хорошо знакомых по прежним фестивалям, и новых друзей,— как всегда гостеприимно, радостно.

И весь конкурс в целом идет не как соперничество или тем более борьба, а как полное дружелюбия и взаимопонимания большое общее дело, поднимающее кино мира на новую творческую высоту.

ЛЕТО В РАЗГАРЕ

Ролкер «Инженер Крейлис» у нового терминала Рижского морского торгового порта. Фото А. Репша

МОЛОДЕЕТ ДРЕВНЯЯ ГАВАНЬ

Адрес указан XXVI съездом КПСС

«В ЛАТВИЙСКОЙ ССР... ПРОДОЛЖИТЬ РАЗВИТИЕ МОРСКИХ ПОРТОВ».

«Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года»

Гряды песка подступают к основанию железнодорожной насыпи. Дальше, за мостом, через речную протоку, дюнная стихия усмирена бетоном: на Кундзиньсале, самом крупном из островов в нижнем течении Даугавы (Западной Двины), введена в строй первая часть глубоководного контейнерного терминала — просторная грузовая площадка. Соединенный железнодорожной веткой с основной территорией Рижского морского торгового порта, он стал третьим его эксплуатационным районом.

Контейнерный терминал только начинает действовать, но его роль в жизни порта становится все ощутимее. Причалы древней гавани на Даугаве перегружены: поток грузов непрерывно растет. Новый эксплуатационный район расширит ворота гавани, увеличит ее пропускную способность. Когда завершится строительство, мощность порта возрастет более чем вдвое.

Коллектив рижских докеров работает в хорошем темпе, ищет пути для ускоренного продвижения грузов. По опыту ленинградцев, наладивших содружество транспортников («Огонек» рассказывал об этом в № 27), рижские портовики обратили особое внимание на резервы в использовании железнодорожного подвижного состава. По инициативе комплексной бригады Владимира Аксючица здесь идет соревнование за улучшение качества обработки подвижного состава. И вот результаты. В прошлом году почти две тысячи вагонов было высвобождено в порту для дополнительной погрузки. В среднем наполовину сократились

урожай-81

СТЕПЬ ПАХНЕТ ХЛЕБОМ

— Не могу привыкнуть,— сказал он не то с удивлением, не то с восторгом,— не могу привыкнуть к новизне жатвы. Сколько лет убираю, а не могу. Всякий раз по-новому. Только одинаково пахнет спелым хлебным колосом. Как только подступает пора жатвы, как только запах этот услышу, не поверите, руки дрожат от нетерпения...

Эдуард Геберт, лучший комбайнер совхоза «Иссык» Алма-Атинской области, говорил, не отрывая глаз от своего комбайна. Тот медленно приближался к нам с низины поля, и даже отсюда, издалека, было видно, как ему трудно.

— По сдвоенному валку идет,— сказал Геберт,— ну, да ничего, Сашка справится.

Александр, его сын, еще только учился на комбайнера в профтехучилище, но отец считал, что лучшей науки, чем практика, не существует, и упросил директора училища отпустить сына на жатву помощником. Теперь они работали вместе, и, как видно, отец в своих расчетах не ошибся.

А поле тут было такое, каких я никогда и нигде не видел. Представьте, что пшеница вдруг выросла на булыжной мостовой. Невозможно? Я тоже был уверен в этом, пока не приехал в Иссык. Приближаясь к полям, я увидел вдоль кромки длинные гряды круглых обкатанных валунов.

— Что это? — спросил я.

— Камни с полей,— ответил директор совхоза Александр Васильевич Старченко.— Каждый год при пахоте их убираем, но они не исчезают — тоже словно бы растут...

— Лунный грунт,— пошутил главный агроном Кузьма Васильевич Золотых.— Если когда-нибудь вздумают пахать на Луне, пусть обратятся к нам за опытом. Поделимся...

Комбайн, наконец, одолел сдвоенный валок и остановился на краю массива. Тотчас же подкатил грузовик Петра Комышева, и золотая струя пшеницы ударила в дно кузова. Счастливый Геберт-младший смотрел, как зерна падают в кузов, как он постепенно наполняется, и старался казаться серьезным. Но рот его сам собой растягивался в улыбку до ушей.

— Как намолот? — спросил я его.

— Это поле больше двадцати центнеров не даст,— ответил он солидно.— Настоящие намолоты начнутся там.— Саша махнул рукой в сторону гор.

— Да, те поля щедрее,— подтвердил Геберт-старший,— там и по сорок центнеров на круг будем брать, а сред-

сроки обработки подвижного состава. За успехи во Всесоюзном социалистическом соревновании по итогам первого квартала Рижскому морскому торговому порту вручено переходящее Красное знамя Министерства морского флота СССР и ЦК отраслевого профсоюза.

Ввод новых мощностей — для порта это не только количественный рост. Терминал оснащен высокопроизводительными контейнерными перегружателями, мощными маневренными погрузчиками, другой современной техникой, полностью исключающей тяжелый ручной труд.

Одним из первых к новому причалу встало судно «Инженер Крейлис». Оно работает на постоянной советско-английской линии и выполняет свои рейсы строго по графику. Высокая культура труда экипажа, умение учитывать запросы клиентуры снискали ему добрую славу и на берегах Даугавы и в английском порту Элсмир, куда теплоход доставляет обычно грузы из Риги. Эффективность этой линии выросла за последние пять лет в полтора раза. Недавно в порту Элсмир как примечательное событие был отмечен сотый рейс «Инженера Крейлиса». На ленче, устроенном на борту судна посреднической фирмой «Герберт Ватсон», мэр города Джек Бродхауз выразил свое удовлетворение успешной работой линии, поблагодарил представителей сторон за их усилия в развитии взаимовыгодных торговых отношений.

Стиль работы образцового судового экипажа ко многому обязывает и портовиков. Они быстро, уверенно осваивают новую технику. Докерам послушны в управлении консольные перегружатели финской фирмы КОНЕ — за подъем они берут до тридцати тонн груза.

За одну смену более двух тысяч тонн груза снято с палубы. Контейнеры в большинстве своем транзитные. Они будут направлены из Риги по Транссибирской контейнерной линии в порт Находка и дальше — в Японию. Этот путь гораздо короче морского вокруг Европы и Азии. Перевозка транзитных контейнеров только судами Латвийского морского пароходства увеличилась за последние шесть лет почти в десять раз.

Завтра «Инженер Крейлис» примет на борт очередную партию хлопка для Англии, загрузит палубу транзитом и отправится в очередной рейс.

— Международная торговля развивается по своим законам,— сказал, прощаясь с портовиками, капитан судна В. П. Ткаченко.— У нас всегда много работы. Стремление портовиков сократить межрейсовые стоянки судов мы можем только приветствовать.

Л. ПРОКОФЬЕВА

Рига.

няя урожайность по совхозу ожидается где-то около тридцати...

— При плане двадцать пять,— внес ясность директор совхоза.

Отец и сын Геберты шли к комбайну. До вечерней росы было еще далеко, и они надеялись к этому времени закончить жатву «на лунном поле», чтобы перейти к земному. Я еще раз окинул его взглядом. По жнивью уже сновали верткие «Беларуси», стаскивая в сторону солому; спешили.

— К вспашке готовитесь?

— Нет, к поливу,— пояснил директор.— На этом поле мы вместе с пшеницей посеяли люцерну. Видите, сквозь стерню проглядывают зеленые ростки? Теперь с помощью системы арыков мы их напоим, а в сентябре будем косить. Прекрасный корм будет...

Вот так, казалось бы, совершенно непригодная, неудобная земля способна, оказывается, давать двойной урожай. Один за другим проходили мимо меня комбайны, оставляя за собой непередаваемый, ни на что не похожий запах хлеба, сжатого колоса и машинного масла. Комбайнеры торопились, и поле пустело на глазах. Жатва... Начавшись тут, на юге республики, ее фронт будет постепенно двигаться на север, все расширяясь, захватывая затем целинные области. От росы до росы будут сновать по полям комбайны, и не будет покоя механизаторам, пока хоть один колосок останется в поле. Через считанные дни закончится жатва в совхозе «Иссык», и Геберт-старший отправится со своим комбайном в соседний район, чтобы помочь в уборке. Младший в это время будет сдавать экзамены. А в сентябре они вновь встретятся на «лунном поле», чтобы вместе косить люцерну...

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»

НАШ ВЗГЛЯД

СЭВ: ГОРИЗОНТЫ СОДРУЖЕСТВА

Борис **РОДИОНОВ**

Плывет вниз по Дунаю атомный реактор, точнее, циклопический корпус реактора, пока еще не имеющий начинки. Маршрут его: заводы «Шкода» в Пльзене — братиславский порт — венгерский городок Пакш, где готовится к пуску первый блок первой венгерской АЭС. Чтобы такой маршрут стал возможным, потребовалась кропотливая и сложная работа по созданию в ЧССР (с использованием советского опыта) совершенно новой отрасли — реакторостроения. Работа эта, в свою очередь, является составной частью долгосрочных целевых программ СЭВ и в конечном счете — Комплексной программы социалистической экономической интеграции.

На XXXV заседании сессии Совета Экономической Взаимопомощи в Софии подведены итоги первых десяти лет реализации Комплексной программы. Процесс этот поднял сотрудничество в рамках СЭВ на качественно новую ступень, более четко ориентировал сотрудничество на технический прогресс, специализацию и кооперирование производства, совместное освоение природных ресурсов.

Страны социализма осуществляли свою интеграционную программу в сложных условиях перехода с экстенсивного на интенсивный путь развития, в обстановке затяжного спада капиталистической экономики, «взрыва цен» на мировом рынке нефти и нефтепродуктов. С позиций сегодняшнего дня особенно очевидна дальновидность таких совместных решений, как сооружение газопровода «Союз» или программа сотрудничества по строительству и оснащению атомных электростанций. Достаточно сказать, что, когда все предусмотренные программой атомные электростанции в европейских странах СЭВ и на Кубе будут давать ток, годовая экономия условного топлива составит 70—75 миллионов тонн, что примерно соответствует четырехкратной мощности газопровода «Союз»!

«Атомный профиль» модернизировал производственную структуру чехословацкой «Шкоды», Магдебургского комбината тяжелого машиностроения в ГДР и еще без малого полсотни весьма солидных предприятий восьми социалистических стран. «Некоторые наши соглашения предусматривают создание международных производственных комплексов, равных которым по масштабам и техническому уровню в мире нет, — говорил на сессии глава советской делегации Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов. — Достаточно напомнить соглашения, касающиеся строительства атомных электростанций и производства оборудования для них. Имеющийся у нас механизм планового управления и сотрудничества в области планирования обеспечивает достаточно надежно реализацию подобных уникальных программ».

Сессия в Софии с учетом только что завершенной координации пятилетних планов стран СЭВ приняла согласованный план многосторонних интеграционных мероприятий на начавшееся пятилетие. Советский Союз, Польша, Чехословакия и Венгрия совместно соорудят мощную Хмельницкую атомную электростанцию на западе Украины. Другая остронеобходимая совместная стройка нынешней пятилетки — Мозырский завод кормовых дрожжей из нефтяного сырья в Белоруссии, который поможет заинтересованным странам решать белковую проблему в кормопроизводстве. Специальный раздел согласованного плана многосторонних интеграционных мероприятий посвящен помощи Вьетнаму, Кубе и Монголии в ускоренном развитии народного хозяйства, в сближении их экономического уровня с другими странами СЭВ. Заключенные во время софийской сессии многосторонние соглашения, связанные с производством сахара и цитрусовых на Кубе, не только увеличат экспортный потенциал республики, но и помогут удовлетворению потребительского спроса в европейских странах СЭВ.

Особо отмечалась в Софии роль Советского Союза в интеграционном сотрудничестве братских государств. Наша страна щедро делится производственным и научно-техническим опытом, оказывает содействие в сооружении крупнейших народнохозяйственных объектов.

Из конкретных соглашений, подписанных в Софии, хочется остановиться еще на одном — на многостороннем соглашении по электронике. Отныне электроника стран СЭВ будет развиваться на единой унифицированной элементной базе. Это сулит и совершенствование и удешевление радиоэлектронной аппаратуры, средств связи, вычислительной техники, позволит во многих случаях обойтись без импорта компонентов за конвертируемую валюту. Станет возможным еще шире автоматизировать производственные процессы, поручать их роботам. По своему значению новое соглашение сравнимо с программой «Ряд» 70-х годов, которая позволила в кратчайший срок создать Единую систему электронно-вычислительных машин стран СЭВ.

Буржуазная пропаганда несчетное количество раз хоронила Совет Экономической Взаимопомощи, социалистическую экономическую интеграцию. Однако наше содружество равных живет и здравствует. Оно совершенствует свои методы и инструменты, добивается повышения эффективности сотрудничества. Принципиально важно принятое в Софии решение об организации систематического обмена опытом в области планирования и управления народным хозяйством.

Вопреки злопыхательствам буржуазной прессы содружество стран — членов СЭВ не направлено на экономическую самоизоляцию. По-прежнему весьма активно развивается сотрудничество СЭВ с социалистической Югославией; Ангола и Афганистан, НДРЙ и Лаос, Мозамбик и Эфиопия были приглашены на сессию в Софию в качестве наблюдателей, и это участие не было формальным.

Политическая реальность наших дней наглядно подтверждает, что содружество стран СЭВ, опираясь на свою постоянно растущую экономическую мощь, на углубление и совершенствование сотрудничества в рамках этой организации, идет в авангарде борьбы за мир, безопасность и социальный прогресс.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СТРОКИ НА ОБЕЛИСКЕ

Л. ДРУЗЕНКО

На большом камне-обелиске у восточной польской границы, неподалеку от поселка Дорохуск, написано:

«21.VII. 1944 г. в этом месте части 1-й Армии Войска Польского форсировали Буг, освобождая первую пядь польской земли». Название этого поселка давно обрело известность в Польше. И конечно же, к Дорохуску, к тем самым пядям польской земли, первыми оказавшимися 37 лет назад свободными после нескольких лет фашистской оккупации, идут, едут жители Польши и иностранцы. Ибо событие это было для Польши и ее граждан чрезвычайно важным, — решался вопрос о жизни страны.

Вспомним некоторые строки истории.

...На заседании рейхстага зимой 1944 года Гитлер удовлетворенно заявил о том, что столица Польши Варшава стала уже просто географическим понятием.

...Позже, на Нюрнбергском процессе, обергрупенфюрер СС и генерал полиции Эрих фон дем Бах вспоминал о своей первой встрече с Рейнефартом, командующим частями СС, полиции и вермахта: «Прежде всего он сообщил мне, что получил прямое указание не брать пленных и убивать всех жителей Варшавы. Я спросил, относится ли это к женщинам и детям. Он ответил: да, женщин и детей тоже».

...Документальными данными подтверждено, что три четверти человеческих потерь Варшавы в годы второй мировой войны не имеют ничего общего с военными действиями, с оборонительными боями, с Варшавским восстанием или интенсивными бомбардировками. Были они следствием педантичных, тщательно организованных гитлеровцами расстрелов, «обработок» в концлагерях и фабриках смерти. Точно так же и большинство разрушений было итогом фашистского плана «сровнять город с землей»...

Помню, с каким волнением вспоминали старые учителя Антоний и Юзефа Квятки из города Забже о первых послевоенных неделях, когда им приходилось учить польских детей родному языку. В годы оккупации польский язык под страхом смертной казни был запрещен, многие ребята успели его забыть, а младшие не могли услышать родной речи. Да, конечно, и во время оккупации такие люди, как Антоний Квятек и его жена, обучали детей польскому языку — тайно, рискуя жизнью. Но много ли может найтись матерей, что решатся рисковать своими детьми? На первые уроки приносили учителя «наглядные пособия» — кусочки хлеба.

— Однажды столкнулись мы со словом «повар»,— рассказывал Антоний Квятек.— Немецкого я сам не знаю, объясняю жестами — не понимают! Пришлось вести ребят в столовую — она тогда была организована у нас с помощью советских солдат.

— Но какая была радость,— добавляет Юзефа Квятек,— когда я могла написать на доске уже всем понятную фразу: «Здесь польская школа, польские учителя, польские ученики».

Дорогая цена была заплачена за то, чтобы это простое предложение появилось на классной доске в польской школе. Форсирование Вислы, бои за Варшаву, штурм Поморского Вала, бросок через Одер... Не перечислить, не описать всех примеров самоотверженности освободителей Польши. И рядом с польскими солдатами с белыми орлами на фуражках шли советские воины.

Первым освобожденным городом был Хелм. 22 июля 1944 года советские солдаты и воины 1-й армии Войска Польского выбили отсюда фашистов. И в первые же часы свободы был опубликован исторический Манифест Польского комитета национального освобождения, в котором провозглашались программа возрождения страны и курс на дружбу с Советским Союзом.

— Электричества не было,— вспоминал наборщик местной типографии Яцек Зайончковский.— Я начинал набирать текст Манифеста при свечах. Печатать приходилось вручную. Мы с напарником скоро из сил выбились. Попросили помочь прохожих. Когда люди узнали, что́ мы печатаем, выстроилась целая очередь помощников! Читая Манифест, многие плакали от радости.

День возрождения стал национальным польским праздником. И, отдавая дань памяти тем, кто в боях нес стране независимость, нельзя не назвать одну цифру — 600 тысяч советских солдат погибли, сражаясь за свободу братского народа.

Когда я уезжала в Польшу, мой знакомый сказал: «Будете в городе Августове, спросите — может, там знают, где похоронен Ветров Константин. Отчества не помню: мальчишкой совсем он выглядел, хоть и капитан. Не успели мы сами похоронить нашего капитана: дальше надо было идти...»

В городе Августове мне побывать не пришлось, но я слышала десятки рассказов о том, как здесь, в Польше, мирные жители хоронили в военные дни погибших солдат, как устанавливали на их могилах кресты и простые памятники, как потом приносили цветы.

Владислав Кшиштофолк, бывший танкист, не забудет, конечно, день, когда он по наведенному советскими саперами временному мосту одним из первых переправлялся через Буг. Не забудет и Леон Качановский, варшавянин, дня, когда он кинулся навстречу краснозвездному танку с криком: «Я с вами!» И Юзеф Беня не забудет лицо раненого солдата Владимира Акимова, которого он прятал у себя в доме.

Их великое множество — историй, связанных с днями освобождения.

Воевал на этой земле и Илья Федорович Климук. Его дивизия вела бои на левом берегу реки Радомки. Много лет спустя вся страна узнает имя Мирослава Гермашевского — первого польского космонавта. Его командиром и товарищем станет летчик-космонавт СССР генерал-майор авиации Петр Климук, сын того самого солдата, который в январе 1944 года пал в боях за свободу Польши.

Кровь, совместно пролитая на этой земле, проросла щедрыми плодами дружбы и братства. Ими дорожат простые люди Польши.

Вспоминаю интервью, которое я брала недавно, в дни, когда силы контрреволюции в стране всячески стараются оболгать социализм, ослабить ПОРП, посеять вражду и недоверие к Советскому Союзу. И вот в эти нелегкие дни я услышала от рабочего—ветерана Варшавского автомобилестроительного завода Здислава Засадинского следующее:

— В ранней молодости мне довелось и укреплять и защищать народную Польшу. Отстраивал разрушенную Варшаву, ремонтировал железные дороги, вылавливал в лесах бандитов-контрреволюционеров. Опасны были они и сильны — до нескольких тысяч в банде доходило, скрывались в лесах, в бетонных бункерах. И жестоки, коварны были. Как и сегодняшние враги Польши, часто рядились в чужую одежду. Схватят, бывало, солдата Войска Польского, поиздеваются над ним, повесят, а сами его форму надевают, чтобы других — в спину ножом... Но ведь покончили мы с ними! И радовались потом многому — каждому новому дому, каждому новому человеку, каждому бывшему батраку, который землю получил или выучился на агронома.

Мы, рабочие,— продолжал Здислав,— сейчас с особой остротой вспоминаем первые годы народной власти. Социализм наших врагов не устраивает. Потому кое-кто и подкармливает анархию. Известное дело: если в доме беспорядок, это выгодно вору: легче украсть. И те, кто посягает на нашу дружбу с Советским Союзом, предают интересы Польши. Кто из нас, поляков, не пожимал руку советскому человеку... И когда говорил ему «честь» как товарищу по фронту и на стройках! Мой брат, например, впервые познакомился с русскими, когда они строили Дворец культуры и науки— подарок СССР Варшаве. С тех пор у него масса добрых знакомых и друзей в СССР. А этой зимой на пожаре нефтеносного фонтана у нас в городе Карлино тоже огромную помощь оказали советские специалисты.

Социально-экономический и общественный кризис, переживаемый Польшей, тревожит тех поляков, которые сегодня видят, как силы международной реакции активно используют сложную ситуацию в стране для того, чтобы очернить социалистический строй, опорочить высокие цели социализма. Защита завоеваний социализма имеет решающее значение для будущего Польской Народной Республики. Ведь речь идет об исторических завоеваниях польского народа после разгрома гитлеровского фашизма Советской Армией, речь идет о независимости и суверенитете польского государства! И в это тревожное, трудное время советский народ солидарен с борьбой твердых, честных коммунистов в Польше, решительно выступающих в защиту социализма и социалистического содружества.

Верный своему интернациональному долгу, СССР и сегодня пришел на помощь Польше, увеличив в последнее время поставки сырья, топлива, минеральных удобрений, сельскохозяйственной техники. И, конечно, очень важна та стойкая моральная поддержка, которую оказывают Польше ее истинные друзья, и прежде всего Советский Союз.

Варшава — Москва.

Вот так иногда «разрешаются» жилищные конфликты.

ШЕСТЬ ВИТРИН И МИЛЛИОН КВАРТИР

Как решить сложные проблемы недостатка дешевых жилищ? Что касается баварских властей, то они нашли весьма простой путь. Колумбово яйцо на баварский манер выглядит следующим образом. Когда в Нюрнберге молодые люди начали протестовать против жилищной нужды, полиция, воспользовавшись тем, что при этом кто-то разбил шесть витрин, арестовала и отправила в тюрьму 141 юношу и девушку. Все демонстранты были объявлены бунтарями и даже террористами, а их требования — преступными.

И все же властям пришлось выпустить арестованных на свободу. Член нюрнбергского городского совета Герберт Штиффатер рассказывал мне, что возмущение жителей города было необычайным. Полицейские арестовали людей, которые не имели никакого отношения к тому, что им вменялось в вину. Даже архиконсервативная баварская юстиция признала свой просчет. Одновременно мой собеседник подчеркнул, что за подобными провокационными действиями стояла определенная цель: подавить широкое движение протеста, охватившее сейчас не только Нюрнберг, но и многие другие города Федеративной республики. Корни этого движения глубоко уходят в ту на первый взгляд парадоксальную ситуацию, которая сложилась в Западной Германии.

ФРГ — высокоразвитое индустриальное государство с мощной строительной промышленностью. В стране строится немало жилья, и в то же время крупнейшие города охвачены острейшей жилищной нуждой. Парадокс: в городах стоят пустыми сотни, тысячи квартир. Так, в одном лишь Нюрнберге пустуют 72 дома. В земле Рейнланд-Пфальц — 50 тысяч квартир. По всей Федеративной республике, по далеко не полной официальной статистике, пустуют 300 тысяч, а по другим данным — от полумиллиона до миллиона квартир.

Почему? Причины разнообразны, но все они связаны с социальным характером западногерманского общества. Новые квартиры, как правило, настолько дороги, что недоступны для рядового человека. В первые послевоенные годы государство финансировало так называемое «социальное жилищное строительство». В этих «социальных квартирах» плата была сравнительно низка. Сейчас доля подобных жилищ в общем жилом фонде стала мизерной. «Социальное жилищное строительство приказало долго жить»,— так определил существующее положение член президиума ГКП Юпп Ангенфорт.

Общая потребность в жилище сейчас определяется в стране в размере 1—2 миллионов квартир. Однако пустуют не только новые квартиры, но и целые кварталы старых строений. Их владельцы намеренно доводят дома до такого состояния, чтобы получить разрешение на снос. Тогда на месте старых домов, в которых квартиры были сравнительно дешевыми, встанут новые. Рабочим, платившим по 2—3 марки за квадратный метр в старом доме, недоступна новая квартира, где за каждый метр требуют до 20 марок в месяц. Однако это не заботит ни домовладельцев, ни землевладельцев. Как гласит официальная статистика, общая стоимость земельных участков и строений в стране удваивается каждые десять лет.

В крупных же городах она увеличивается за такой же период в 3—4 раза. Именно эту «динамику» используют домовладельцы и спекулянты земельными участками. За последние десять лет квартирная плата выросла более чем на 70 процентов. А ведь и раньше она съедала свыше четверти месячного бюджета рабочего или служащего.

Нетрудно понять, почему в ФРГ то и дело происходят «захваты домов». Сотни людей, преимущественно юноши и девушки, вселяются в пустующие дома и отказываются покидать квартиры. Часто они предлагают домовладельцам свои услуги для ремонта обветшалых помещений. Разумеется, это не устраивает тех, кто только и ждет, чтобы получить разрешение на снос. Не обходится и без инцидентов. Факта «захвата домов» бывает вполне достаточно для того, чтобы пустить в ход полицейские дубинки.

Как сформулировал однажды видный социал-демократический деятель, обер-бургомистр Саарбрюкена Оскар Лафонтен, «подлинная причина конфликтов лежит в кризисе общества». Действительно, она лежит в антисоциальном характере принципов частной собственности, находящих свое особенно яркое выражение в жилищной строительной сфере. Здесь, к сожалению, протест не поможет. Как сказал мне в беседе член правления союза квартиросъемщиков Рольф Вармке, «даже если захватить все пустующие дома, жилищная проблема в нашей стране решена не будет...».

Характерно, что на недавнем съезде Христианско-демократического союза был предложен такой рецепт: государство ни в коем случае не должно вмешиваться в дела домовладельцев и строительных компаний, пусть все решается на основе принципа частной инициативы. Другие буржуазные партии также предпочитают не вмешиваться в дела домовладельцев. В результате складывается ситуация, заставляющая вспомнить слова известного немецкого сатирика Генриха Цилле: «Жилищем можно убить человека, как топором». Недавно западногерманские коммунисты опубликовали специальный документ, озаглавленный «За демократическую социально-жилищную политику в интересах трудящегося населения». ГКП подтвердила свою программу, в которой говорится, что партия «борется против спекуляции землей и квартирами, против разрушения городов во имя интересов наживы». Она призвала расширить социально-жилищное строительство, ввести квартирные платы с учетом социальных нужд. Тем, кто жалуется на мнимый недостаток государственных средств на жилищное строительство, ГКП напоминает: сокращение военного бюджета лишь на десять процентов и высокое налогообложение крупных монополий могут высвободить по меньшей мере миллиард марок.

Эти требования продиктованы самой жизнью. Никакие полицейские меры не могут приостановить широкое демократическое движение, продиктованное насущными нуждами граждан Федеративной Республики Германии.

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,
собкор АПН, —
специально для «Огонька»

Бонн.

Пустующий дом в Гамбурге, занятый лишенными крова жителями города.

Джозеф Макдоннелл, заключенный печально известных «блоков Эйч», погибший на 61-й день голодовки.

ЖЕСТОКОСТЬ

В тюремном госпитале концлагеря Лонг Кеш близ Белфаста скончался Джозеф Макдоннелл, пятый участник голодовки, начатой в марте этого года томящимися в застенках ирландскими патриотами. Они протестуют против бесчеловечных условий содержания, пыток и издевательств, они требуют предоставления им статуса политических заключенных.

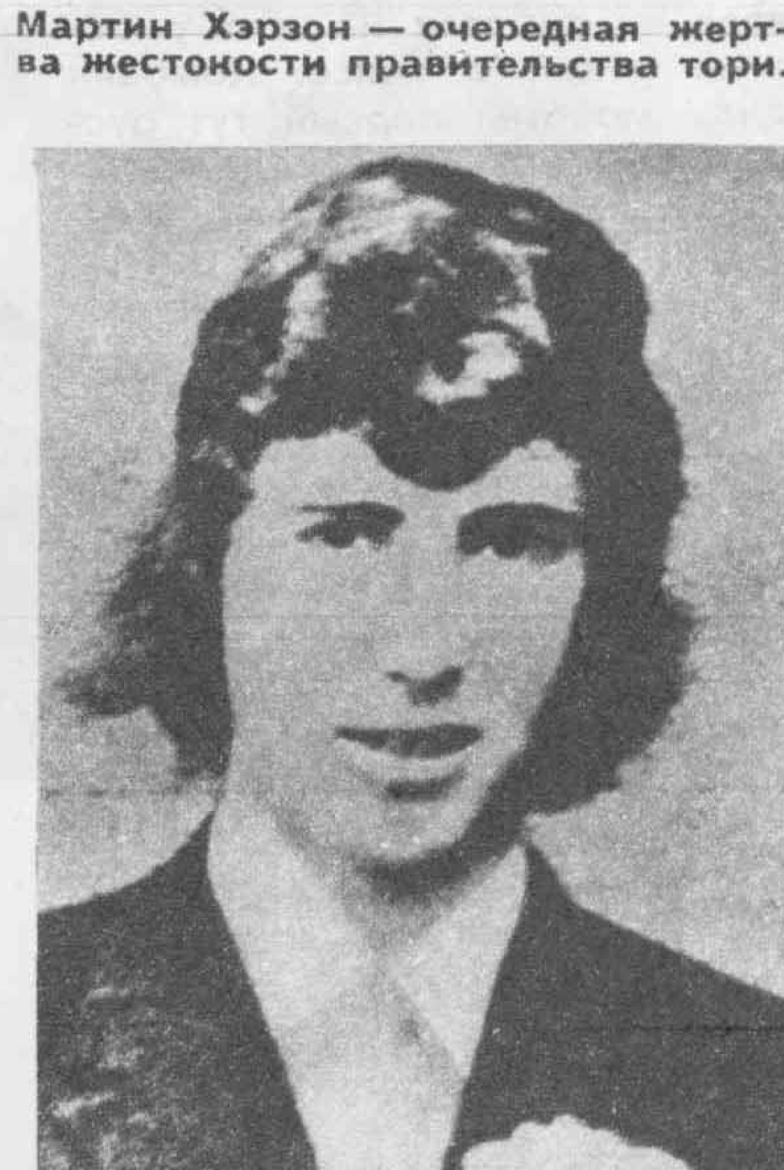
Он так хотел жить! После того, как английские власти упрятали его за решетку на четырнадцатилетний срок, он продолжал бороться в тюрьме. Он говорил, что ему надо жить, так как хочет сделать в жизни очень многое. Но после того, как его друг Роберт Сэндс, депутат английского парламента, избранный в палату общин, умер за колючей проволокой концлагеря, Джозеф Макдоннелл присоединился к голодовке протеста своих товарищей.

Сотни людей вышли на улицы города, чтобы почтить память мужественного борца. И вновь мостовые католического гетто Белфаста обагрились кровью. Прогремели выстрелы, и пуля сразила 16-летнего подростка. В этот же день в Белфастском госпитале скончалась от раны мать троих детей Нора Маккаби. Счет жертв борцов против бесправия и произвола британских властей растет. С августа 1969 года, когда в Белфаст и Лондондерри вошли крупные части регулярной армии, в Ольстере погибли более 2100 человек, в том числе дети и женщины.

Лондон категорически отказывается пойти на компромисс, предложенный участниками голодовки, и делает ставку на репрессии и вооруженных до зубов солдат, чтобы сломить волю борцов за гражданские права. Белфаст и другие североирландские города похожи сегодня на поля сражений: звуки выстрелов и всполохи пожаров, вдоль стен крадутся английские солдаты с карабинами наперевес, бронемашины и танки патрулируют улицы. Во многих районах происходят столкновения между «силами безопасности» и участниками демонстраций протеста против репрессивной политики английских властей.

Когда верстался номер, из Лондона пришло сообщение, что в ольстерской тюрьме Мэйз скончался еще один, шестой участник голодовки борцов за гражданские права — 27-летний Мартин Хэрзон. Смерть узника наступила на 45-й день голодовки. На улицах североирландских городов сразу же начался новый взрыв волнений.

Мартин Хэрзон — очередная жертва жестокости правительства тори.

ЗА ЛАВОЙ-РЕКОЙ

Николай БЫКОВ,
фото Бориса КУЗЬМИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Отсюда, от этих желтых ветел и спящих озер, сорок лет назад шагнула к нам, на восток, война...

За Лавой-рекой тракторы с прицепами то и дело пробегали мимо. Говорили мы на меже о весне — о нынешней и о весне сорок пятого года. Тридцать шесть весен минули...

Председатель Иван Игнатьевич Шуринов, считай, мальчишкой успел застать войну. Сюда, под Правдинск, он пришел на самоходной артиллерийской установке и участвовал в штурме бывшего Кенигсберга, штурме, беспримерном по ожесточенности. А вокруг бушевала неслыханной мощи весна. Сейчас пишут: весну не замечали... «Замечали!—говорит председатель.— Чего нам было-то? Кому девятнадцать, кому еще меньше».

Иван Шуринов, и тогда, в юности, выносливый, от природы очень сильный, был заряжающим. «Давай-давай» от командира он почти не слышал, работал, как автомат. В одной из атак их самоходка нарвалась на снаряд, едва выбрался Иван из горящей машины.

— Кончилась война... Нет, не для меня одного, она скоро для всех закончилась. Как тут считать, успел или не успел повоевать?.. Весну Победы встретил в госпитале, можно сказать, временно обезручил. Своего дома нет — вернулся в Белоруссию на пепелище, едва мать отыскал, надо было работать... А тут еще весна да любовь...

Предложили Ивану поехать в Калининградскую область. Обратно, значит... Каким тут все тогда было, напоминает военный очерк участника боев в Восточной Пруссии подполковника А. Т. Твардовского. В очерке есть и такие строки: «...в усталом, суровом и прямом взгляде дети глаз справедливое торжество и горделивое сознание собственной силы».

Комсомолец Иван Шуринов держал в руке переселенческий ордер на дом № 4. Был сентябрь сорок шестого... Скоро тридцать пять лет, как тут живет. С самого начала он работал на всех работах. А рука — в гипсе. Комбайн водил, молотил первый тут русский хлеб, будучи инвалидом войны II группы... Их, комсомольцев, сначала было всего трое: он да его Лида, да еще Антон Сенокосов, а партячейка тогда еще не составилась. Но люди работали не за страх, а за совесть. Стал колхоз богатеть, не сразу, конечно; и теперь — один из самых известных в области, а Шуринов уже четверть века председателем. Первые дети давно поднялись. И уже бегает по лугам да лесам второе поколение местных уроженцев — на них надежда особая у Шуринова, о них, урожденных на земле калининградской, он больше всего и говорил.

Иван Игнатьевич убежден, что из всего Нечерноземья именно их область прежде всего должна быть удостоена чрезвычайного материально-технического внимания. «Тут все преимущества социализма, государственного планирования должны проявиться»,— не раз уточнял свою мысль Иван Игнатьевич, деятельный поборник образцового — и никак иначе — ведения хозяйства в наших западных районах. И с ним нельзя не согласиться. Сам Иван Игнатьевич давно подает пример подлинной заинтересованности в многостороннем развитии жизни тех, кого называли когда-то переселенцами. Проблемы были, признаться, нешуточные; как говорили люди осторожные, своя сторона по шерстке гладит, а чужая — противъ... Председатель открывал, как бы наспех прочитывал неведомую мне страницу жизни. Я сразу понял, что Иван Игнатьевич из тех колхозных вожаков, которые органически соединяют в себе партийность с глубокой компетентностью, а врожденную дисциплинированность с творческим, если не сказать мужицким, крестьянским, подходом к любому делу. Своеобразна его судьба: Шуринов начал жизнь новобранцем, брошенным с ходу в наступательный бой. И уже через год жизнь подтолкнула его, инвалида, в переселенческий поток, и нужда каждый раз начинать с нуля научила его учитывать во всей своей хозяйственной деятельности как политические, так и воспитательные аспекты, а главное — быть чутким к повседневным потребностям людей. Еще приходилось Шуринову всегда держать в уме, что обязан он быть примером в работе и в быту. Принципиально партийный он человек, Иван Игнатьевич Шуринов. Таким его и надо воспринимать — не уходившим с передовой все тридцать шесть лет...

Сегодняшний колхоз имени Горького Правдинского района — детище Ивана Игнатьевича. Тут живут основательно. Шуринов — сторонник строгого порядка. Во всем. Центральную усадьбу проектировали ученые из калининградского института. Колхоз — участник ВДНХ. Переходящие Красные знамена ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ колхозу вручали ежегодно в течение минувшей пятилетки! Случай не такой уж частый.

— И урожайность, и мелиорация, и строительство — для нас тут все главное. Но особенно гордимся мы тем, что остановили миграцию, а вопрос этот долгое время оставался больным. Видели наше приволье? Ухоженные поля, не дороги — аллеи. Леса прекрасные, а в них навалом и грибов и ягоды разной. Рукой подать до моря... Человек не перекати-поле, я всегда в уме держал вопрос оседлости. И вот положение стабилизировалось — сначала в колхозе, а сейчас и во всем районе...

Иван Игнатьевич заметил, что преимущество крупных социалистических хозяйств проявилось здесь, как нигде. Наш советский мир пришел в страну микропоместий, где в дробленых, никак нам не подходящих хозяйствах все было чуждо, все не с руки, все самой структурой сопротивлялось размаху колхозной распашки, многоголовью общественного стада. Сопротивлялась и технология производства с тонкостями мелиорации на мелких полях-лоскутах с их бесчисленными водосборами, плотинами, гирляндами многоступенчатых прудов... Жить поначалу было и тесно и неудобно, не по росту вновь организованным социалистическим хозяйствам. Новое доброе дело сдерживалось и тем, что не было в первые годы специалистов, а обустраивались, обживались тут вчерашние воины-победители. Например, Иван Игнатьевич припомнил, что пять лет на весь Правдинский район не было ни одного агронома, тем более мелиоратора. Райземотдел возглавлял бывший старшина из спецчасти гвардейских минометов, райком — демобилизованный капитан-пехотинец, райисполком — гвардии сержант, в прошлом сапер... Кстати, саперы тут действовали так, будто война не кончалась: земля была нашпигована взрывчаткой. Огрызалась война люто, била все больше по мальчишкам. Взрослые долгие годы с опаской выходили в поле, на луга, боялись войти в лес...

Герой Социалистического Труда И. И. Шуринов был делегатом XXVI съезда КПСС.

Мы проехали колхозные поселки Ермаково, Малиновку, Поддубное, Рябиновку... Глаз радовался праздничной их новизне. Строительство — и любимый конек и верный козырь в руках председателя. Дается оно, конечно, трудно. Беда в том, что проектировщики, работающие на сельское хозяйство Нечерноземья, больше пока думают даже не о культуре полей или комплексах для животных, тем более не о специфике бытия современного селянина — о нормативах! Смысл планирования сведен к лимитированию. Кубометры сводят с квадратными метрами, подгоняют впритирку цифирь к цифири, а вот о людском житье-бытье не думают. В Ермакове было и такое — переселенцы спали покатом, на телогрейках, не ведая того, что переселились-то навсегда. Теперь они собственные дома строят, сады свои у них плодоносят, покупают «стенки» и паласы—перелом давно наметился. «Надо бы закрепить эту охоту жить тут»,— беспокоится председатель. Он перечисляет промахи тех, кто планирует жизнь в деревне — шаблонный подход к нуждам особой в Российской Федерации области ведет к потерям, которые трудно восполнить. Например, типовой, переселенческий домик без подпола, без системы отопления, с походными печками, без надворных построек — их тут сразу отвергли. А что взамен? Искали тип дома ощупью, и всегда поселки строил колхоз, все затраты брал на себя. Что такое в условиях Калининградской области центральная усадьба со всеми ее благами и завлекательными особенностями? Это решенная половина проблем закрепления населения. Ведь на территории колхоза имени Горького когда-то было девять имений и десятка три хуторов. Вот почему Иван Игнатьевич, будучи избранным председателем колхозного правления, прежде всего занялся капитальным строительством, организуя вокруг нового, современного и отнюдь не типового Ермакова всю жизнь многолюдного коллектива, в котором не все были его единомышленниками.

Новый магазин... Новый детский сад — загляденье, потому как проект индивидуальный. Работает детский сад круглосуточно. Дети на полном довольствии колхоза. «Для детей ничего не жалко»,— сказал Шуринов. Но магазин, клуб и детский сад — это, как он выразился, программа-минимум. А максимум? Председатель твердо стоял на своем: жилье. Индивидуальное строительство. И улыбнулся: «Индивидуальное за счет колхозной кассы. Конечно, пока стройка идет. А потом полюбовный расчет с главой колхозной семьи, тут все согласно кодекса!..»

Ермаково красиво центральной улицей — как на макете генерального плана. Только кубики ожили, засветились окнами. Дома колхозников правление на балансе не держит. Колхоз только ставит дом и продает его новоселам сразу после торжественного вручения ключа. Стоимость определяет правление — коллективно, чтобы без лишних разговоров. Логика проста и понятна каждому труженику: на тебя работает стройбригада, а ты, будь добр, постарайся в поле или на ферме, да так, чтобы заработать на дом, который будет своим — твоим. Если заработаешь на него. «Свой дом надежнее любого якоря» — в это верит сам Шуринов, в этом он убедил всех своих супротивников в колхозе. Крестьянин давно уже коллективист. Коллективист — вовсе не значит, что должен жить квартирантом или в общежитии... Когда дом куплен на кровные, на трудовые, тогда ты хозяин, а не временный в колхозе человек. Да, дом, а к нему двор. И участок земли.

А где дом — там и сад. Это у Шуринова обязательно! Без дерева дом — комната с одними стенами. Дело и в красоте, и в уюте, и опять же в особой при-

вязке к земле, где тебе жить, где родились твои дети. Деревья растут, сад мужает, и дети за ними тянутся. Свой сад Иван Игнатьевич посадил более тридцати лет назад. Он уже старый, сад. Но он давно в Ермакове не один — не случайный оазис. Садами колхозные поселки тут давно славятся. Хотя и не все сады были посажены добровольно, не все... Кто чужд был яблоневой радости, тому или колхоз сажал, или вообще оставляли один огород. Но таких конфликтных случаев было мало. Зато садов нынче много!

И вот первое поколение уроженцев новой области повзрослело, вошло в силу, душой прикипело к земле с характерными рукотворными полями, в которых много от инженерной мысли, с бесчисленными загонами для пастьбы высокоудойных коров с ловкими, мобильными машинами. В числе новых хозяев и три взрослых, образованных сына Шуриновых — Ивана Игнатьевича и Лидии Прокопьевны. И дочь первого председателя колхоза П. Н. Смирнова — доярка, депутат Верховного Совета РСФСР Валентина Павловна Тимошенко. И главный агроном колхоза Надежда Васильевна Алейникова, и секретарь партийной организации Галина Юрьевна Шемякина... Сейчас в колхозе триста пятьдесят «штыков» — активных, грамотных колхозников. Среди них более тридцати специалистов. Колхоз давно и первым в области перешел на машинное доение. «Это не для коров, а ради улучшения труда и жизни животноводов»,— как пояснил председатель. Конечно, нужда в рабочих руках тут велика — дело не в благополучии одного правдинского колхоза...

Иван Игнатьевич заинтересованно и не без удовлетворения заговорил о тех мерах, которые предусмотрены постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дальнейшем развитии и повышении эффективности сельского хозяйства Нечерноземной зоны.

— Очень своевременна эта помощь! — говорил Шуринов. Он, чувствовалось, болел не только за свой колхоз.

Мелиоратор — первая скрипка в дружном обихаживании здешних разномастных земель. И вот результат: к началу нового пятилетия правдинский колхоз имени Горького получает по 850 центнеров молока на каждые сто гектаров угодий. Есть чем гордиться. Стабильны и весомы здесь урожаи зерна, трав, картофеля, кормовой свеклы. Да и нынешние озимые радуют глаз. Однако председатель по-прежнему озабочен, у него на все своя мерка. Например, мечтает надоить по тонне молока на гектар — цель благородная, сулящая немалый доход.

Но есть у Ивана Игнатьевича и другой ориентир, более отвечающий задачам хозрасчета: надоить каждому оператору не менее ста тонн молока за год. А для этого нужно резко повысить производительность труда.

— Вот пишут: доярка обслуживает пятьдесят, а иная даже сто коров. Откуда эти лестные цифры? От проектировщиков, от их нормативов. Нет, мы семь раз подумали, прежде чем оставить по сорок коров каждой доярке. Наша доярка индивидуально работает с каждой коровой.

«Сдоба», «Ласточка», даже «Злая» (на самом деле привязчивая коровка с великолепно развитыми молочными железами) — всех, всех своих подопечных знает, простите, в лицо Валентина Павловна Тимошенко. Работа на такой ферме ей, по ее словам, не в тягость; характер у нее легкий, веселый, дом — полная чаша. Валентина Павловна мать троих детей, что важно отметить, потому что именно полнота жизни характерна для здешних жителей. Поколение Валентины Павловны живет без оглядки на те или иные мелкие нужды, живет деятельно и вольно, как само дыхание молодого лета.

Вот к каким выводам привело рассуждение Ивана Игнатьевича об оптимальном варианте дойной группы на современной ферме. Вообще склонность к социальному анализу явна в характере Шуринова. Молчун-молчун, а как начнет тасовать все «про» и «контра», сразу четко обозначается одна тенденция во всей его повседневной деятельности: чтобы люди лучше жили.

Десятилетия ждал Шуринов, когда люди из Белоруссии, из центральной России почувствуют вкус к мелиорации, почувствуют ее силу, и дождался: почувствовали. Стали буквально холить старые поля и новые дренажные системы. Вот тут-то и надо бы хозяйства области поддержать удобрениями! Но их дают так мало, тоже, наверное, по нормам.

Урожайность зерновых в колхозе неплохая, а годами даже отличная, до сорока двух центнеров на круг. Это до четырех тысяч тонн зерна за год. Зернокомплекс — давняя мечта Ивана Игнатьевича. И она сбылась. Он комбайнер, и не раз, бывало, видел, как дожди на мелких токах «сжигали» зерно, которое он собирал в рекордные сроки. Теперь один ток в колхозе, но какой! Асфальт, моторы, подъемники, бункеры, сушилки, транспортеры. Зерно для сева, зерно для размола, зерно фуражное и для продажи — у каждого свое место. Бегут ленты транспортеров. Маршрут зерна рассчитан инженером и механиками так, чтобы ни цепи, ни ленты не рвались. График уборочной страды — закон для всех жителей колхоза. У жителей один интерес — хлеб, от него и жизнь и достаток.

Если учитывать (а не учитывать никак нельзя!) личный скот жителей колхозных поселков, то здесь давно держат по корове (либо бычку) на каждом гектаре. Но силы земли имеют предел. Вот почему нельзя таким хозяйствам отказывать в минеральных удобрениях, тем более, что есть тут поля, которые уже давали по шестьдесят центнеров зерна с гектара. В «коня» корм. Полная норма удобрений сразу бы дала пятьдесят (вместо нынешних сорока) центнеров кормовых единиц с гектара. Тем более что у колхоза появился требовательный конкурент — личный скот колхозников.

Мы давно ушли с поля, давно погас долгий зеленый день и отпели за окном птицы. Последняя песня одной из певуний была особенно хороша.

— Скворец, — предположил Иван Игнатьевич. Но то был не скворец. Иволга? Дрозд? Песня чистая, на высоких нотах, пронзала сгущавшуюся синеву. Вот уже и не видно яблонь — ни стволов, ни ветвей. Смолкла неузнанная птица — то ли иволга, то ли дрозд...

Откорм колхозного скота стал делом молодых механизаторов во главе с Вячеславом Моисеенко (крайний слева).

Валентина Павловна Тимошенко.

В Ермакове — новый магазин.

В ЦЕНТРЕ АЗИИ

Юрий КОЗЛОВ,
фото Алексея МАСЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Хочется объять необъятное. Плоскую, как тарелка, бескрайнюю степь, прихлопнутую голубой крышкой неба, оплывший от зноя, потерявшийся в пространстве горизонт, горы за горизонтом, стремящиеся с гор истоки Енисея — Ка-Хем и Бий-Хем. Соединить, уместить в едином впечатлении увиденное, услышанное, когда-то прочитанное об этом крае. Выделить в нем не разъединяющее, а столь необходимое сегодня объединяющее начало: человека и природу, современную культуру и древние народные обычаи. Хочется примирить коршуна, плавно кружащегося в небе над песчаным полем аэропорта поселка Мугур-Аксы, и новенький чехословацкий самолет Л-410, заходящий на посадку со стороны гор; буровые вышки, разведывающие кобальтовые жилы вблизи комбината «Тувакобальт», напряженно подрагивающие, словно огромные комары, впившиеся хоботками-бурами в каменистую землю, — и архара с закрученными в баранку рогами, убегающего в панике, продирающегося сквозь кусты и буреломы, подальше, подальше в тайгу; колонну могучих грузовиков, двигающихся по шоссе в отдаленные районы республики,— и любопытствующих тарбаганов (так здесь называют степных сурков, недавно занесенных в Красную книгу); современный многоэтажный город Кызыл — и круглую юрту, обтекаемую ночным ветром; корпуса, трубы огромнейшего асбестового предприятия в Ак-Довураке — и черный, во все стороны простреченный звездами небесный купол, по которому древние кочевники когда-то читали свой путь. Это они оставили в степи каменных баб с обращенными к небу лицами. Так те и смотрят навеки остановившимся взглядом и на бесшумного коршуна, и на облака, и на ревущий самолет... Возникают в памяти страницы истории: эту землю в 1207 году (в год Зайца) завоевал старший сын Чингисхана Джучи. Часть племен покорилась — били челом белыми кречетами, белыми меринами да белыми же соболями, а часть не покорилась и была жестоко наказана. По этим землям стучала копытами монгольская конница, устремленная к краю Ойкумены, к последнему морю и пришедшая на Русь. А еще со старой географической карты: Урянхайский край с 18 апреля 1914 года был под протекторатом России. А еще памятник в Кызыле: шар, вырастающая из него узкая пирамида и надпись на трех языках: «Центр Азии». И хоть разум противится: «Ну что здесь такого?» — все равно странное чувство овладевает тобой: есть, есть особенное, что в словах не выразишь. У памятника как бы замедляется время...

И все это Тува!

ЦВЕТНЫЕ КАМНИ

У Хову-Аксы — поселка, где живут работники комбината «Тувакобальт», первенца цветной металлургии автономной республики, две главные географические привязки: хребет Танну-Ола и горная речка Элегест. Хребет тянется вдаль, сливается с небом, а речка шумит чуть в стороне. В зависимости от времени дня горы меняют цвет. Утром — голубые, днем — зеленые, вечером — сиреневые. Хову-Аксы — молодой поселок, сейчас в нем живет примерно шесть тысяч человек.

Издавна местные жители находили в горах цветные камни, приносили играть детям. И однажды — было это уже после войны, когда на территории Тувы появились геологические партии, — один из жителей показал цветные камни геологам. Так было открыто крупное месторождение кобальта. С него и началось строительство Хову-Аксы.

С открытием этих месторождений стало ясно: первостепенное значение для развития республики имеют ее минерально-сырьевые ресурсы. Уже сейчас разведаны крупные запасы цветных металлов, асбеста, железных руд, каменного угля. Территория Тувы перспективна и на выявление новых месторождений полиметаллов, вольфрама, хромитовых руд.

Строителям поселка пришлось нелегко. До ближайшей железнодорожной станции сотни километров, сложный рельеф местности, нет базы стройиндустрии. И все же поселок вырос. Перед разведчиками недр Хову-Аксы открылись не только богатые жилы руд, уходящие на сотни метров в глубь земли, но и неведомые страницы истории Центральной Азии. Выяснилось, что месторождение раньше разрабатывалось. Были обнаружены горные выработки типа карьеров, штолен, остатки примитивных плавильных печей, орудия труда древних горняков. Это люди бронзового века добывали здесь и перерабатывали медную руду.

В 1970 году комбинат «Тувакобальт» дал первую продукцию. К этому времени облик района, некогда тихого, малолюдного, значительно изменился. Все пришло в движение. Вместе с пластами горных пород как бы сдвинулось и само время. Теперь каждый мог выбрать себе дело по душе, для любой специальности находилось применение.

...Далда Эрес-оол — главный механик гидрометаллургического цеха. Думается, судьба его очень типична. Тридцать два года, родом из соседнего района. Окончил школу, год трудился рабочим. Потом поступил в Ленинградский технологический институт имени Ленсовета. В 1972 году вернулся с дипломом в Туву, на комбинат «Тувакобальт». Сначала работал механиком участка, теперь главный механик. В первые годы на комбинате не все ладилось. По проекту предполагалась автоклавная технология извлечения кобальта из полиметаллических руд. Однако не были учтены коррозийные свойства растворов щелочей — реагентов. Оборудование стало быстро выходить из строя. В гидрометаллургическом цехе работали чуть ли не в скафандрах. На комбинате была организована специальная группа, она разработала принципиально новую технологическую схему извлечения кобальта из руды. Это крупное изобретение сейчас с успехом применяется на других предприятиях отрасли. В этом есть и частица труда Далда Эрес-оола. Сейчас он отвечает за работу оборудования. Обо всем связанном с комбинатом главный механик говорит с увлечением. Что кобальт — обязательный компонент всех высококачественных сталей, цена его на международном рынке очень высока, едва ли можно назвать отрасль народного хозяйства, где можно было бы обойтись без кобальта, и что гидрометаллургический цех ныне почти полностью автоматизирован: смена — 9—14 человек — поди разгляди их среди такой махины; и что труд сейчас не в пример легче, чем раньше; и что вред окружающей среде комбинат наносит минимальный. Вот уже два года сточные воды не сбрасываются в реку, а очищаются и снова идут в дело. К так называемым хвостам — остаткам невыработанной руды — тоже отношение хозяйское. Они сохраняются до лучших времен, когда изобретут новую, более совершенную технологию, позволяющую извлекать из руды все до конца. И о своем поселке Далда Эрес-оол говорит с гордостью: о теплице, где круглый год выращивают зелень и овощи, о детском саде с бассейном, куда ходят его дети, о Дворце культуры, где по абонементу можно слушать классическую музыку — каждый месяц приезжают из Кызыла музыканты...

Комбинат. Поселок. Связь между ними прямая. Каждый четвертый житель поселка работает на комбинате. Чем современнее, сложнее производство, тем благоустроеннее, интереснее должен быть организован быт, досуг работающих. В Хову-Аксы умеют и работать и отдыхать. Сама природа — река, леса, горы — располагает к этому. Тува — солнечный край, примерно триста солнечных дней в году. Когда-то у тувинцев был особенный календарь. Сутки исчислялись по освещенности солнцем тех или иных частей пейзажа, юрты, находящихся в ней предметов. Были такие периоды: «красное солнце, еще не показавшись, отбросило свет на противоположные восходу горы», или «пестрые тени, солнце бежит к горизонту», или «солнце село на верхушку горы». Подумалось: Хову-Аксы — прекрасное место для такого вот солнечного календаря.

Комбинат призвал в Хову-Аксы людей из самых разных мест. И все, с кем довелось здесь встретиться, говорили, что прижились, уезжать не думают. Поселок сейчас в том примечательном периоде становления, когда все как бы одна семья. Здесь нельзя на работе, допустим, быть одним, а дома — другим. Жизнь простая, открытая, во всем дух доверия, дружелюбия. Об этом тоже говорили все, с кем довелось встретиться. А встреч было много.

...Галина Бартенева. Родом из Красноярского края. Отец — слесарь, мать работала бригадиром на стройке. Но была одна особенность — все в семье пели. Сохранились еще, оказывается, такие семьи. После окончания музыкального училища Галина приехала в Хову-Аксы преподавать в музыкальной школе. Вот уже восемь лет учит местных детей играть на пианино. Надо видеть ее во время урока — вся в порыве, в стремлении донести свое понимание музыки. Здесь, в Хову-Аксы, Галина вышла замуж. Ее муж Александр Степанович — начальник горного цеха комбината. Живут дружно, хорошо. Но странное чувство испытывала Галина — жизнь может быть богаче, интереснее! А потом поняла: песни! Вот, оказывается, чего не хватает... Три года назад Бартенева организовала самодеятельный женский вокальный коллектив. Вместе с подругами Галей Козловой, Людой Фесенко она поет русские, украинские народные песни. Когда выступают во Дворце культуры, свободных мест нет. Смотришь на эту хрупкую голубоглазую женщину, слушаешь, как она поет, и думаешь: а ведь без Галины, без ее песен представление о поселке было бы неполным. Да и сама жизнь, наверное, здесь была бы беднее. Потому что всякий талант — это прежде всего тепло души и любовь к людям.

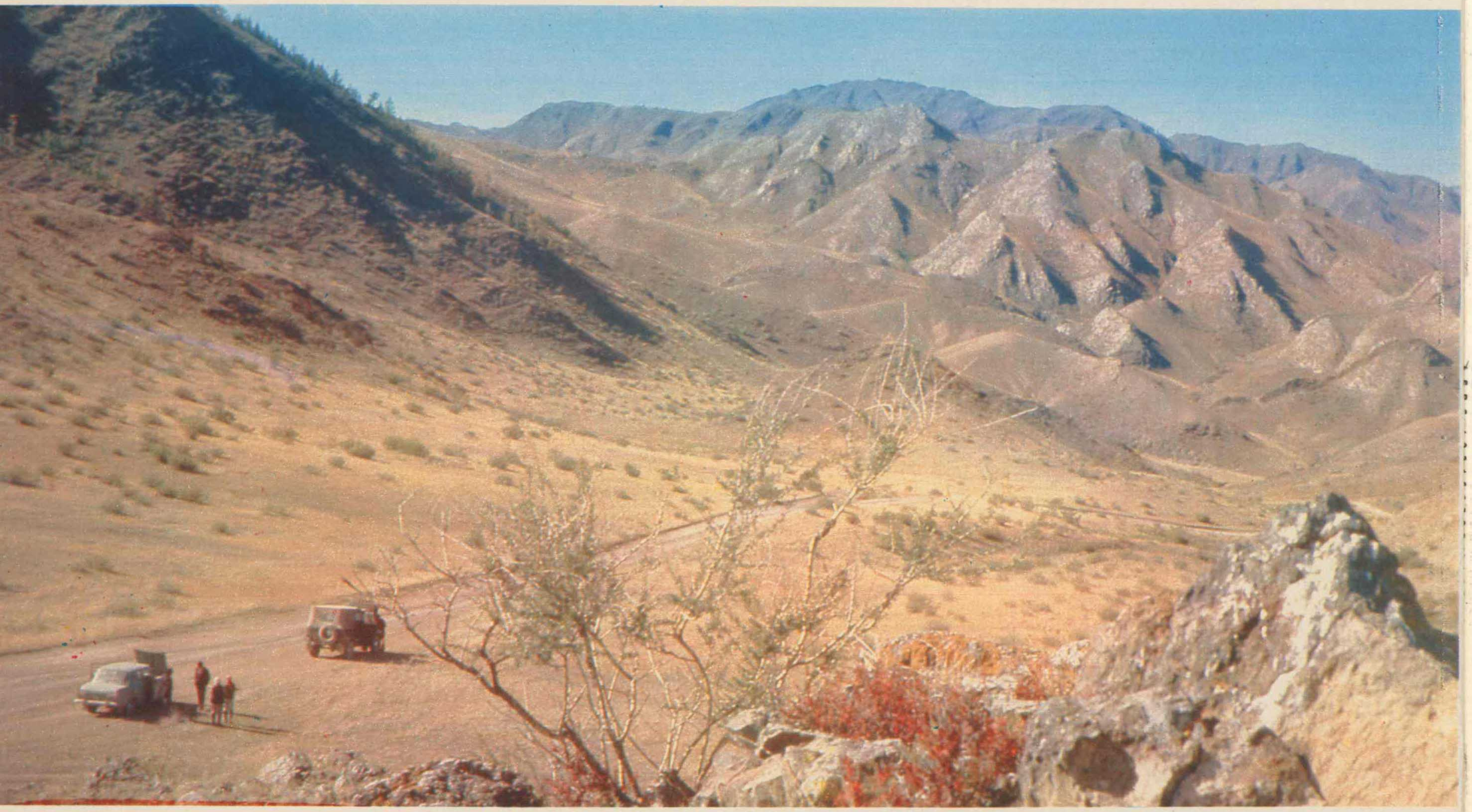
Или взять Ивана Андреевича Ерохина, начальника геологоразведочной партии, обслуживающей комбинат. Встретились мы с ним в воскресный день, он копался в моторе своей машины. В Туве уже больше четверти века. Облазил с партиями все отдаленные районы. Работал, выражаясь языком геологов, на ртути, на Улуг-Хемском угольном разрезе. Аккуратно одетый, интеллигентный, в старомодных круглых железных очках, он больше похож на учителя, чем на геолога, который «ветра и солнца брат». Но за его плечами яркая жизнь, вся отданная поиску богатств недр Тувы. И ночевки под открытым небом, и тяжкий физический труд, и небезопасные приключения. Даже в землетрясения попадал: «...словно вдруг трактор с небес на нас

Владимир Сергеевич Миткус, бригадир горняков * На летнем пастбище.

попер. Шум, грохот, куда бежать?» Его хозяйство — буровые вышки вокруг комбината. Здесь, в Хову-Аксы, дело налажено. Запасы разведаны на много лет вперед. Чем глубже в землю, тем богаче содержание кобальта в руде. Поэтому внедряется новый комплекс бурения. Благодаря ему скорость бурения значительно увеличилась. Ерохин рассказывает об этом обстоятельно, но чувствуется: налаженное, поставленное дело — это для него уже пройденный этап. Мысленно он там, в будущем. С увлечением говорит о ближайших перспективах: о крупном месторождении полиметаллических руд в Тоджинском районе. О Минусинской котловине — там нефть, уголь. Вот бы где поработать! Вот где размах! Иван Андреевич Ерохин — уже не юноша, но, кажется, он готов немедленно туда отправиться и вновь (в который уже раз!) оказаться в палатке, испытать все прелести жизни геолога «в поле». И в этой увлеченности, стремлении принести максимальную пользу краю видится общая устремленность в будущее, ясное осознание перспектив — все, что так свойственно жителям молодого поселка Хову-Аксы.

Вот, скажем, бригадир Владимир Сергеевич Миткус. Он со своей бригадой добывает руду. Они в темном подземном коридоре, скупо освещенном зарешеченными лампочками, где гуляют сквозняки, откуда поднимаются наверх вагонетки с зеленоватыми влажными камнями. Миткус работал в Забайкалье. На Чукотке добывал золото. Но главные успехи: постоянно перевыполняемый план, орден, почет—пришли к нему здесь, в Хову-Аксы.

Миткус человек обстоятельный. На вопросы отвечает не сразу, обязательно прежде подумает. И громких слов, высокого стиля не признает. А если вопрос не нравится — не отвечает, лишь пожимает плечами.

До пенсии Миткусу восемь лет. «Восемь касок износить»,— шутят горняки: каждый год им выдают новую. Но о пенсии Миткус говорить не хочет. Уйдет не уйдет — еще дожить надо, чего зря болтать! А на обычный вопрос, в чем же корень успехов бригады, отвечает так:

— Энтузиазм вообще-то бывает разный. Энтузиазм, чтобы любой ценой выделиться, — это одно. А чтобы побольше толку было да товарищам сподручнее—совсем другое. Я за такой энтузиазм обеими руками! А люди в бригаде подобрались надежные. Серьезные, самостоятельные. И с желанием работать. Каждый освоил необходимый горняку комплекс профессий. Мы и бурильщики, и крепильщики, и машинисты электровозов, и скреперисты. Приятно работать в такой бригаде. Одно слово — надежные люди!

Надежные. Хорошо сказано. Без Миткуса и других похожих на него людей впечатление от Хову-Аксы было бы неполным.

В ГОРАХ

В Кызыле был разговор с заместителем министра сельского хозяйства республики Виктором Дмитриевичем Куркутовым.

— Проблем много,— сказал Куркутов.— В последние годы погода нас не балует. Во-первых, засуха. Пять лет почти без дождей. Во-вторых, каждую зиму сильные снегопады. Это тоже очень плохо. Снег закрывает пастбища. А наше животноводство пока очень зависимо от зимних пастбищ. Приходится завозить корма с Алтая, заготавливать камыш по озерам. Поголовье скота в республике большое. Овец более миллиона трехсот тысяч. Крупного рогатого скота — более ста тысяч голов. Это и коровы, и лошади, и верблюды, и яки — их у нас называют сарлыками. Сейчас задача одна — сохранить поголовье. Зимовку в основном завершили успешно. Теперь — на летних пастбищах. Мы делаем многое, чтобы облегчить труд чабанов: обеспечиваем работу водовозок, ветеринарный надзор. Но главное все же опыт, умение, если угодно, патриотизм чабанов. Их самоотверженный труд — непременное условие развития животноводства республики, во многом пока традиционного типа, исторически сложившегося в Туве.

...К этим-то чабанам мы и полетели в Мугур-Аксы, центр Монгун-Тайгинского района. Самолет рубит солнечный луч пропеллером, отчего возникает вокруг него радужный нимб. Внизу проплывает самая высокая вершина Тувы — Монгулек. Приблизительный перевод — Серебрянка. Она действительно кажется сверху серебряной, так играют цветом снег, солнце, прозрачное небо. Воздушные массы перемещаются над горами. Попадая в их встречные потоки, самолет трясется, и тувинские женщины вскрикивают и закрывают лицо руками. А казалось бы, единственное средство сообщения... Прямой дороги из Кызыла в Мугур-Аксы пока нет. Так что привычен самолет. Но...

Мугур-Аксы—каменная площадка, со всех сторон окруженная горами. На этой площадке теснятся дома, почему-то все больше с плоскими крышами. Нет-нет, и юрта выглянет откуда-нибудь белым боком. До границы с Монголией рукой подать. Председатель райисполкома Тамба Соянович Хорлу с гордостью показал местную достопримечательность — пешеходный трехсотдвадцатиметровый мост через речку Мугур. Мост еще совсем новенький, не успел покрыться серебристым налетом, каким по прошествии времени покрывается здесь всякое дерево.

С этой каменной площадки — Мугур-Аксы — мы и устремились вверх, в горы, где пасут овец, лошадей, коз, сарлыков чабаны двух совхозов — «Мальчен», что значит «Животновод», и «Моген-Бурен»— это по названию реки.

За десятую пятилетку район добился лучших показателей в республике по животноводству, награжден переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. В прошлом году, например, от каждой сотни овцематок получили по восемьдесят три ягненка.

Мы встречались с чабанами среди гор, на воздухе или же вечером, в походных юртах, когда печь-«буржуйка» выдувала в небо искры сквозь откинутую полость на крыше. А с неба заглядывали в юрту звезды. Стада же либо паслись поблизости, либо находились на иных, недоступных взору пастбищах. За счет чего, благодаря каким секретам удается добиваться высоких результатов, чабаны объяснить не могли: попробуй-ка расскажи приезжему об этой необъяснимой, перенятой от предков науке чувствовать природу, разговаривать с травой и небом, определять погоду по крохотному облачку, досконально знать и понимать животных. Без нее, этой науки, здесь, в горах, не сделаешь и шагу. Она роднит с землей, приносит удовлетворение — не зря, значит, живешь,— поднимает на свершения, граничащие с подвигом. Этой зимой разыгралась в горах пурга. Чабану Иргит-Шиилею пришлось заночевать с овцами в лощине. Всех сохранил. Но как отыскал лощину ночью, на ветру? Уму непостижимо! Пришлось побегать, пока овец собирал. Руки чуть не отморозил, лицо снегом посекло...

Перед отъездом в Москву встретился я с заслуженным животноводом Тувинской АССР Михаилом Чадымчановичем Коже. Ему шестьдесят четыре года, он уже на пенсии, но пока работает, пасет сарлыков. На памяти Коже история Тувы последних лет. В 1932 году, еще во время Тувинской Народной Республики, вступил в ревсомол. Чем тогда занимались? И общественной работой и учились грамоте. Прошел курсы по ликвидации неграмотности. И сам организовал кружок по изучению тувинской письменности. Через пять лет стал председателем ячейки ревсомола. В 1940 году награжден почетной грамотой Малого хурала Тувинской Народной Республики. А в 1965-м присвоили звание заслуженного животновода РСФСР. Был в Москве на ВДНХ и просто так ездил, знает, как живут в России. С женой уже тридцать семь лет вместе, она и подруга и помощник. Восемь детей, внуков около двадцати. Старшему пятнадцать лет, а младшему всего месяц. Коже говорит, что жить сейчас стало очень интересно. На его памяти произошли сдвиги, равные по значению векам. Своей жизнью он доволен, ведь жил для того, чтобы сегодняшний день стал таким, каков он есть. Чтобы дети его могли получить образование и сами выбрать в жизни путь. Не может же весь народ жить как раньше! В народе есть духовные силы. Сейчас они проснулись. А он, Коже, еще попасет сарлыков. Ему-то поздно переучиваться. Жаль только, глаза слезятся. Насмотрелся за жизнь на небо, да на солнце, да на ветер...

Они вышли с женой проводить нас. Так и запомнились: он — высокий, худой, со слезящимися глазами, и она — в глухом синем тувинском платье «тон» — то есть наглухо закрытом. Кирпичные обветренные лица. Почерневшие от работы руки. А вокруг, у входа в юрту, играли их внуки и внучки. И неожиданно подумалось: некоторые из них, наверное, пойдут по стопам деда, некоторые выберут другой путь. Но ведь именно об этом и мечтал всю жизнь Коже! Для этого вступал когда-то в ревсомол, учился сам и учил других грамоте, голосовал со всем народом за вхождение Тувы в состав Союза Советских Социалистических Республик.

Время изменило облик центра Азии в главном: человеку отныне здесь открыты все пути.

Тува — Москва.

Оюн Байлак живет в поселке Хову-Аксы * На горной дороге * Тувинский пейзаж * Як-сарлык * Хореографический ансамбль «Нежность» Дома культуры комбината «Тувакобальт».

СИЛА ДОКУМЕНТА

«Правду! Ничего, кроме правды!» — вот творческий девиз режиссера Григория Денисенко, более четверти века работающего в кино. Его документальные ленты всегда опираются на факт, на явления жизни. Но это не просто добротно выполненные, хорошо смонтированные киноленты: в них всегда есть некое глубокое эмоциональное начало, которое находится в теснейшем содружестве со смысловой емкостью и наполненностью кадра. Документальный экран, перелистывая страницы истории, не уподобляется кропотливому архивариусу. И хотя ему необходимы и достоверность и тщательный отбор кинодокументов, режиссер выступает прежде всего как страстный публицист, как художник, воздействующий на чувства и мысли зрительской аудитории.

Показ конкретного героя и тончайший психологический анализ, исследование человеческой личности в экстремальных обстоятельствах — таков кинематографический очерк Г. Денисенко «Всем смертям назло». «Вернись человеком» — так называется фильм о людях, ставших преступниками.

Несколько фильмов Г. Денисенко посвящено событиям войны: «Бессмертие», «Расплата неотвратима», «Ради жизни на земле»...

Новая работа режиссера называется «Спросите вы у матерей...». Этот небольшой черно-белый фильм занимает совсем короткое экранное время. Здесь все, кажется, совсем просто. Несколько семейных фотографий, несколько хроникальных военных кадров. И еще неторопливый, скорбный рассказ старой женщины о сыне, погибшем на войне. Однако пересказать фильм трудно. Его надо смотреть всем, и он найдет ключи к сердцу каждого человека, в каждом доме будет принят и понят. Это фильм о женщине-матери, каких сотни тысяч — совсем немолодых женщин, потерявших своих детей в страшные годы войны. Они живут, доживают свой горький век среди нас незаметно, и каждая несет вечный крест непреходящего материнского горя. И вот перед нами одна из них, Екатерина Семеновна Перебейнова. Так же, как улыбающийся мальчик в матроске — один из миллионов, убитых войной, единая капля в этом страшном море, а для нее — весь мир.

Он погиб в Югославии, этот восемнадцатилетний паренек, Петр Перебейнов, с мальчишеской верой обещавший: «Я вернусь, мама!» А через много лет Джордже Марьянович, югославский певец, разыскал эту могилу в Белграде, поклонился холодной каменной плите и навестил Екатерину Семеновну, свою «ростовскую мать».

Дети и война... Сами понятия — детство, юность и смерть — несовместимы: здесь надругательство над природой человеческой. Камера показывает нам сегодняшний день: вон их сколько, детишек; их катают в колясочках по бульвару, они гоняют мячик, бегают, хохочут... И ведь в этом — тоже предостережение: вспомним о тех, кто был убит, не успев войти в жизнь...

Биографический документ преодолевает временные барьеры и становится большим, серьезным символом.

Е. ИВАНОВА

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ДРАЧУНЫ

Двумя минутами позже, предводительствуемые матерью и в сопровождении Жулика, прибавлявшего нам решительности, отправились на Хутор, на дальнюю его окраину, где притулилась избенка Селянихи. Споткнувшись по дороге о камень, Ленька на всякий случай прихватил его с собой. Не был безоружным и я: в моих руках находился сердечник — похожая на палку железка, которою соединяют тележную подушку с осью передка, я подобрал ее в сенях, где эта штука валялась без дела с самой весны. Ночь темная. И это кстати. Мы могли подойти к цели незаметно. Ваньку и его товарищей я не боялся, поскольку в такой поздний час все они спали. Мать, у которой сердце прямо-таки рвалось из груди и от волнения и от быстрой ходьбы, все время просила:

— Вы бы не так шибко, ребятишки!.. Не успеешь за вами!..

— Ладно, мам...

— Ну, вот так... дайте дух перевести — того и гляди сердечушко разорвется...

В каком-то дворе подала голос собака, Жулик вознамерился было вступить с ней в перебранку, но Ленька грозным окриком заставил его замолчать. Смолк и тот, в чужом дворе, лень, знать, стало, Однако тишина была уже вспугнута. Собачий короткий перебрех сменился первой кочетиной побудкой. Сперва прокричал петух где-то далеко-далеко, за самыми Кочками. Его поддержал другой, отозвавшись из-за озера, кажется, со двора Ивана Леснова, Катькиного отца. А потом покатилось уж по всему селу. Кочетиная эта капелла давала концерт не более чем три-четыре минуты. Затем все, как по взмаху невидимой во тьме дирижерской палочки, смолкло. Теперь мы слышали только, как колотятся в груди наши сердца. Но вот он, Селянихин дом. Мать, трясясь, остановилась, а мы с Ленькой, держа наготове свое оружие, приблизились почти вплотную к освещенному большой настольной лампой окошку.

Посреди стола попыхивал парком только что поспевший и поставленный тут хозяйкою самовар. Стоял он не в одиночестве, а в окружении двух поллитровок (одной полной, а другой опорожненной наполовину) и каких-то закусок (каких именно, мы не разглядели, было не до этого). За столом, затылками к окну, восседали два старых приятеля: наш папанька, секретарь, значит, сельсовета, и его помощник Степан Лукьянович. Даже со спины было видно, что пребывали они в самом великолепном расположении духа. Их сияющие физиономии, как в хорошем зеркале, отражались на расплывшемся в широченной, просторнейшей улыбке лице Селянихи, которая не сидела, а стояла против гостей и, шевеля румяными губами, обнажавшими ровный ряд ослепительной белизны зубов, что-то говорила им. И в минуту, когда эти трое взяли по стакану и соединили их для чоканья, Ленька изо всех сил бросил в окно камень и сейчас же побежал прочь к тому месту, где осталась мать. Я успел заметить, как влетевший в избу камень угодил в самовар, опрокинул его и все внутри дома заволоклось паром.

— Караул! — закричала мать, услышав звон разлетевшихся осколков стекла и, не помня себя, побежала по улице — назад, к нашему дому.

Мы догнали ее, взяли под руки и повели. С трудом переводя дыхание, она твердила:

— Сгубил, сгубил отца... Ленька, что же ты наделал?.. Пропали, пропали теперь все мы... Сгубил, нечистый тебя возьми!.. Святая богородица, заступница наша, оборони, спаси, прости меня, грешную!.. Ить это я все наделала!..

— Мам, да что ты, в самом деле?.. Ничего с ним не будет! — успокаивал Ленька маму.— Надо же хоть раз попугать их!.. Разве мы не видим, как ты убиваешься!..

— Ох, ребятишки, ох, дура я, дура... зачем покликала, позвала вас на такое...

Трое суток мы не видели отца и не знали, где он и что с ним. Трое суток мать охала, вздыхала и сокрушалась, проклиная себя за то, что совратила нас, глупых детей, на этакое злодейство. На четвертый день папанька объявился и сидел за обеденным столом молчаливый и необыкновенно ласковый в отношении нашей матери, которая, смаргивая с длинных, по-девичьи черных ресниц слезы безмерной радости, вилась над перевязанной его головой, обнимая и целуя эту, в сущности, очень непутевую и едва ли заслуживающую ее ласки голову. Сама вытащила из каких-то потайных мест бутылку доброго самогону, сама налила полную кружку и, вся светясь, виновато и заискивающе потчевала:

— Опохмелись, опохмелись, родимый!.. Господи, да игде же тебя так?

— А ты вроде и не знаешь — где?

Вопрос этот у матери вырвался непрошено, сам собою, она уж пожалела о нем, да было поздно. Не умеющая лгать, сейчас она промолчала, плечи ее задрожали, быстро поднесла уголок платка к глазам. Чуть слышно вымолвила:

— Прости меня, отец. Окаянный, знать, попутал.

— Господь простит,— сказал он необычайно тихо и примирительно. Увидав вошедшего в избу Леньку, так же спокойно спросил, указав на свою перебинтованную голову: — Твоя, сынок, работа?.. Убить папаньку захотел?

Ленька вмиг сделался пунцовым. Отнекиваться, однако ж, не стал, выпалил быстро и решительно:

— А тебя и следовать!

— Вот как хорошо! Ну-ну. Спасибо, сынок.

В груди у мамы так все и оборвалось, захолодело. Минута, в течение которой она ожидала взрыва, тянулась томительно долго, как бы вытягивалась в тонкую струну, от которой в ушах звенело. Но взрыва не последовало. Краска с Ленькиного лица схлынула. Бледный и молчаливый, он некоторое время стоял еще перед отцом, готовый, кажется, ко всему. Затем тряхнул белыми кудрями и выскочил на улицу. Отец долго еще смотрел на дверь, потом поднялся из-за стола. Спросил у жены:

— Карюха с Майкой где? Что-то ни в хлеву, ни во дворе не видать?

— Мишка в сад к дедушке увел. Там понад берегом попасутся маненько.

— Гляди, мать, как бы не угостить бирюков нашей Майкой.

— Днем-то? Что ты, господь с тобой!

— Они и днем могут. Их вон сколько развелось в лесу. У мельника, слышь, прошлогоднюю телку подвалили. На Клину, средь бела дня. Так что пойду-ка я в сад. А то чего доброго...

— К мельнику, поди, завернешь? — спросила мать упавшим голосом.

— Вот еще придумаешь!.. Вернусь скоро.

Он и вправду быстро вернулся и долго охаживал руками красавицу Майку, то обнимая ее лебединую, отороченную мягкой волнистой гривой шею, то целуя в теплые бархатные губы, то перебирая пальцами кудый пушистый хвост. Напевал при этом себе под нос старинную песенку про отца, который был природный пахарь, что было верным признаком душевного потепления. Песня эта размягчала папаньку, и он становился непривычно добрым и к людям и к животным. Не отшвырнул даже Хавронью, которая, похрюкивая, прилаживалась почесаться боком о его ногу — верно, догадывалась, что сейчас ей это будет позволено.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—28.

На целых две недели в нашем семействе водворился мир. Две эти счастливые недели преобразили нашу мать до неузнаваемости. Вылинявшие было, обесцветившиеся, вечно усталые ее глаза вдруг оживились, сделались, как в девичестве, темно-синими и лучистыми, на зарумянившихся щеках вновь объявились ямочки, так красившие и освежавшие ее лицо. Стан выпрямился, она не ходила — летала и по избе и по двору, не чувствуя усталости. Осторожно, ужасно при этом смущаясь, она дала нам, детям, понять, что было бы лучше, ежли б мы ночевали в пустующем покамест амбаре или на сеновале.

— Отец привезет нонче свежей травки. Гожа вам там будет.

Сороколетняя, она стыдилась проснувшейся в ней женщины с ее неистребимой жаждой мужской ласки и любви, пользовалась ими украдкой от взрослеющих и все понимающих детей, покидала супружескую кровать с третьими кочетами, то есть задолго до нашего пробуждения; не будила и мужа, оставляла его досыпать, неловко, неумело поцеловав в тщательно выбритую щеку (папанька следил за своей внешностью): потом прятала от нас за завтраком сияющие глаза; была все эти дни непохожей на себя, необыкновенно подвижной, то и дело улыбалась чему-то своему, ямочки играли на ее щеках, и была она в такой миг просто прекрасной, наша мама. Были, однако, минуты, когда она, как бы спохватившись, тяжело опускалась на лавку, безвольно укладывала руки на колени, делалась по-прежнему тихой и задумчивой, глаза останавливались, наполнившись так знакомой нам тревогой и печалью. Трудно сказать, что случилось с нею, что вдруг обеспокоило? Вполне возможно, что она чувствовала или догадывалась, что свалившаяся нежданно-негаданно на нее радость не может быть прочной и длительной; счастье женщины было слишком велико, чтобы она могла поверить в него. Да и не сон ли все это?..

XVIII

Каждый год на юго-западной окраине поселка Баланды, за большим прудом, на утрамбованном коровьими и лошадиными копытами и присыпанном овечьими орехами пустыре вырастал странный город из телег, фур и фургонов, ручных колясок, палаточных рядов, фанерных и брезентовых перегородок с нарядной, разукрашенной во все цвета радуги каруселью посредине. Центральную часть этого, как бы возникшего за одну ночь по щучьему велению городка плотною крепостной стеной окружали возки, и их было так много, что каждому приехавшему на площадку велено было поднимать вверх оглобли и дышла, чтобы смогли поместиться все. Имя этому однодневному городу — ярмарка. Она проводилась в году дважды: весною, сразу после посевной, и осенью, сразу после уборки урожая. Их так и называли — весенняя и осенняя ярмарки, или ярилки, как именовались они в наших приволжских краях: наречены так, пожалуй, за неизменно солнечные, яркие краски, в которые облачалось это развеселое народное торжище, которое, в сущности, и было праздником урожая: весною — со светлою, горячею надеждой на него, ну, а осенью — когда урожай уже собран и можно, ежели окажется излишек, продать его и купить по сходной цене какую ни то одежонку и обувчонку для семьи.

Главная же суть ярмарок заключалась в том, что землепашцу, до последней степени измотанному тяжким трудом, хотелось перевести дух, затеряться и забыться в пестрой ярмарочной сутолоке, потолкаться среди знакомых и незнакомых людей, посостязаться в остроумии, поторговаться ради смеха, набить и сбить цену на немудрящий товар, заглянуть приведенной для продажи лошади в зубы, глубокомысленно вздохнуть, покачать головой и отойти прочь, озадачив и купца и нацелившегося на конька-горбунка покупателя, поймав затылком хлесткую матерщинину. На ярмарку привозилось много детей — это для того, чтоб порадовать их прежде всего нарядной каруселью с ее оранжевыми, зелеными, красными и синими конями, ослепительно белыми лебедями, которых можно за копейку оседлать и пронестись с ветерком по кругу под веселую музыку граммофона, спрятанного где-то вверху, под самым куполом этого воздушного, невесомого, словно бы пришедшего сюда прямо из сказки сооружения. За одну копейку тебя могут впустить за белую занавесь, на которой изображены ученый медведь и красноносый клоун, и показать такие чудеса, что ты во весь свой век не забудешь. Клоун, которого ты видел на картинке, предстанет перед тобою живым в широченных смешных клетчатых штанах с отвисшей далеко книзу мотнею и будет запускать руку до самого локтя то в один, то в другой карман, нашаривая что-то там; потом вытащит бутылку с самогоном и будет носиться с нею по кругу с притворным паническим воплем, улепетывая от другого клоуна, который погнался за первым якобы для того, чтобы отнять у него драгоценную добычу. Побегав так и поорав, клоуны скроются, и на арену импровизированного цирка, раскачиваясь из стороны в сторону, выскочит преогромный страшный медведь, таща за собою на веревке своего хозяина-дрессировщика, за которым обязательно вылетит, подпрыгивая, в одних серебряных трусиках и в таком же лифчике его жена-ассистентка, вылетит не для того, чтобы помогать мужу, а для того, чтобы себя показать, особенно привлекательную рядом с наполовину облезлыми медведем и старым мужем-дрессировщиком, у которого с нею за минуту до выхода могло быть тяжелое объяснение. Фурия фурией минутою раньше, теперь она ослепит зрителей прелестною белозубою улыбкой, и всем станет еще веселей и от этих ненатуральных улыбок, от ровного ряда кипенно-белых зубов цирковой феи (в продолжение всего представления она уж не прикроет рта, ибо отлично помнит, где у нее наиболее выигрышные места) и от неуклюжих трюков ленивого замордованного медведя, который, разверзши в готовности кроваво-красную пасть, за каждый свой номер потребует немедленного вознаграждения в виде куска сырого мяса, свежей рыбины, пряника, раздетой донага шоколадной конфетки или кусочка сахару, помещавшихся в таком же, как у клоуна, бездонном кармане дрессировщика, действующего, как и полагается в таком случае, кнутом и пряником не в переносном, а в буквальном смысле. Затем ты можешь натерпеться страху за акробата, кувыркающегося черт знает на какой верхотуре, или за канатоходца, балансирующего одетыми в мягкие сапоги ногами на тонкой, провисающей под ним проволоке,— пока он доберется до противоположного мостика, сердце твое несколько раз екнет, сожмется от холодка, проникшего под рубашку. Правда, ты сейчас же получишь разрядку, завидя знакомого красноносого клоуна, который выбежит на сцену, растянет на полу шнур и, кривляясь, скорчив испуганную рожу, вытаращив глаза, будет пародировать канатоходца под ликующий рев неприхотливой публики. Под конец тебя могут угостить обезьянкой-наездницей, которая промчится несколько раз по кругу на маленькой, похожей на игрушечную, живой лошадке и на полном скаку спрыгнет прямо в объятия своего счастливого повелителя, чтобы получить от него длинную с махрами конфетину; обезьянка аккуратненько освободит ее от полосатой одежки и только уж потом начнет поедать, откусывая кусочек за кусочком, а вы будете удивляться ее человечьим повадкам и, удивляясь, от души хохотать.

От цирка, размещавшегося по соседству с каруселью и как бы конкурирующего с нею, радиально, лучами, во все стороны убегают ряды мелких торговцев, среди которых окажется немало вчерашних коммерсантов, принявших личину советских служащих, продававших, однако, не столько государственные изделия, сколько свои собственные, те, что не успели реализовать в обидно короткий золотой свой век, именуемый нэпом. Тут уж глаз твой и вовсе потеряется, будет метаться, не зная, на чем остановиться: на том ли вон качающемся на резиновом шнурке оранжевом фонарике, на леденцовом ли петушке, вспорхнувшем на кончик белой палочки, на размалеванной ли в разные яркие цвета трещотке, которая не умолкает ни на минуту в жирной руке баландинской хохлушки (при желании вы сможете увидеть ее и на весенней и на осенней ярмарках на одном и том же месте и все с одним и тем же товаром; чтобы покупатель подумал, что эта трещотка у нее последняя, а остальные все уже распроданы, хитрющая баба основную массу игрушек до поры до времени укрывала под своей широченной юбкой). С правого и левого торговых рядов в ваши уши будут назойливо ввинчиваться звуки разноголосых свистулек и дудочек, глиняных и жестяных, вылепленных, вырезанных, раскрашенных и под соловья, и под канарейку, и под синицу, и под зяблика, и под снегиря, и даже под воробья; напевая на все лады, они дружно примутся уговаривать вас, чтобы вы поскорее купили их и сделались обладателями певучих инструментов. Не станут сидеть молча и сами торговцы и продавцы. Заглушая друг друга и перебраниваясь, они начнут заманивать вас, заклинать, уверяя, что их товар единственный в своем роде и что не купить его — все равно что совершить преступление перед самим же собой, обездолить, сделать несчастными детишек (это когда по торговому ряду проходит взрослый); детишек же схватят за руку и силком подтянут к игрушке, тут же дадут устную инструкцию, как с нею обращаться. Наслушаешься вдосталь и разных шуток-прибауток, на которые больно горазд русский мужик, в особенности когда подвыпьет (на ярмарке без этого не обойтись), когда от соприкосновения с другими балагурами на него накатит творческое вдохновение.

В самом конце торговой узкой улочки ты можешь в конце концов натолкнуться заблестевшими глазами на то, ради чего и приехал на ярмарку. Ни конфеты с махрами, ни свистульки, ни фонарики, ни даже цирк и карусель меня не занимали в этот раз. Я искал пугач. Ничего другого мне не нужно было. А потому и зарделся весь, затрепетал от радости, когда в руках одного пьяненького и веселого дяди увидал искомое. Отливая серебром, пошевеливаемый пальцами мужика, передо мной лежал натуральный, во всем своем ослепительном великолепии пугач-наган с ребристым барабаном для патронов (потом, правда, выяснилось, что барабан этот не проворачивался и в нем не было отверстий), с длинным стволом, увенчанным мушкою на конце, с курком, который взводился, как у всамделишного револьвера. Дрожа и от нетерпения и от боязни, что кто-нибудь перехватит у меня эту драгоценность, я поскорее спросил:

— Сколько стоит, дяденька?

Мужик хоть и был под высоким градусом, но, верно, успел приметить, что скрывалось в моем туго сжатом кулачишке, а потому и объявил не раздумывая:

— Полтинник, сынок. Пятьдесят, стало быть, копеек.

Страшно обрадовавшись, я тут же разжал кулак, и серебряная монета перекочевала в руку мужика, ну, а в мою — пугач.

— Ты б, сынок, прикупил у меня и пробок с десяток. А то чем же будешь стрелять?

— У меня, дяденька, больше нету денег.

— А ты пошарь хорошенько в кармане-то.

— Нету. Я знаю. Папанька мне дал толечко вот этот полтинник.

— Скупой, знать, у тебя папанька.— Мужик вздохнул и, видя, что в глазах моих скапливались слезы, а губы уже кривились, сжалился надо мною:— Ну, ну, не реви. Пяток пробок, так уж и быть, дам тебе бесплатно. Покупатель ты хороший — не рядился, не торговался со мною, а сразу... Бери, сынок, и бабахай на здоровье!

Взял на минуту у меня пугач и показал, куда надобно вставлять пробку, чтобы она «бабахнула» под ударом бойка.

— Вот так. Понял?

Понял,— сказал я, поскорее забирая покупку.

Насилу отыскал свою телегу, которую оставил, когда она находилась немного на отшибе, почти у самой высокой насыпи пруда, а теперь сплошь была обставлена другими повозками, и поднятые наши оглобли затерялись в частоколе чужих оглобель и дышл. У телеги, а точнее, под телегой, лежали животами вниз мой отец и его старый приятель Авраам Кузьмич Сергеев, отличавшийся от своих односельчан тем, что обязательно затеет на своем подворье какое-нибудь новшество с единственной целью, чтобы удивить всех. Незадолго до осенней ярмарки он неожиданно для монастырских жителей и даже для своей большой семьи продал двух добрых кобыл, потом, ничего не сказав ни жене, ни детям, куда-то на целый месяц исчез с деньгами. И когда семья собиралась уж объявить всесоюзный розыск, прикатил вдруг в село на двуколке, в которую был впряжен преогромный одногорбый верблюд. Поскольку ни люди, ни животные у нас отродясь не видывали такое страшилище, то все и шарахнулись от него в разные стороны, а собаки по всем дворам подняли такой лай, какого не подымали даже с приближением волчьей стаи. Всеобщий этот переполох не только не смутил Авраама Кузьмича, а поприбавил ему спеси. За полуверсту до своего дома он взмахнул кнутом, дотянулся его кончиком до вершины стоявшего прямо высокого горба и, разбойничьи свистнув, заорал диким голосом:

— Бухар, гра-а-абют!

Верблюд рявкнул, кинул на землю шматок зеленоватой пены и, вытягиваясь, раскачиваясь, разбрасывая ноги, наддал так, что в ушах гордого донельзя нового его хозяина засвистел ветер, а избы по обеим сторонам улицы помчались назад как сумасшедшие.

И вот теперь, приканчивая под телегой, в ее тени, поллитровку, отец мой и Авраам обсуживали, как бы это вывести Бухара на ипподром и принять участие в скачках.

— Как ты думашь, Миколай, пустят меня туды, а?

— Должны пустить,— размышлял вслух папанька, предвкушая веселое, небывалое зрелище.— Отчего не пустить?.. Ты ить сделал заявку?

— Сделать-то сделал, да только не указал в ней, что выеду на верблюде.

— Ну, давай попытайся. Попытка — не пытка. Я с тобой поеду, вон и Мишка мой вернулся. Посидит, покараулит телегу.

— Што ж. Спробуем.

— Пошли. Там всем распоряжаются Шадрин да Завгороднев, а они мои дружки. Не прогонят.

— Ну, ну. Дай-то бог. Пошли, Миколай Михалыч.

Двуколка Авраама Кузьмича стояла далеко в стороне от ярмарочного табора, куда, чтобы не пугать лошадей, Бухар не был допущен. Теперь он, поджав под себя длиннющие ноги, лежал возле целившихся в небо оглобель и преспокойно шевелил большими оттопыренными губами, разминая жвачку. Белая, с прозеленью, пена клубилась по углам рта, временами срываясь наземь. Появление хозяина и его товарища для Бухара, судя по злой, презрительной его морде, не было желанным. Он недовольно рявкнул и окатил обоих, точно из огнетушителя, теплою пенистою струей.

— И за каким только... он тебе понадобился? — сейчас же заорал отец, оправляясь от верблюжьего плевка.— Да я б такую уродину и за так не взял!..

— Не торопись, Миколай!.. Вот как я возьму нынче главный приз, ты по-иному заговоришь.

— Ну, ну, поглядим.— В рыжих усах папаньки шевельнулась ухмылка. Авраам, однако ж, ее не приметил и принялся уговаривать Бухара, чтобы тот поднялся на ноги.

Недовольно вскрикивая и отплевываясь, верблюд никак не хотел подыматься, лишать себя блаженного состояния, в котором пребывал и которое ему хотелось бы продлить.

— А ну, встать, Бухар! — повелительно в десятый раз уж приказывал хозяин, а в ответ верблюд посылал ему ругательства, то есть безобразно рявкал и плевался.

— Бухар, грабют! — разозлившись окончательно, взревел и хозяин, выпучив по-обычьи окровенившиеся глаза.

Сильная дрожь пробежала от ушей, через всю длинную кривую шею и по напружинившемуся вдруг горбу верблюда. Он еще раз рявкнул, погримасничал, кинул на мужиков откровенно брезгливый взгляд и медленно поднялся сперва на задние ноги, а потом уж и на передние. И во взгляде этом, и в отвисшей губе, и в пошевеливающихся коротких, словно бы обрезанных, ушах, помимо крайнего отвращения к тем, кто нарушил его покой, был еще немой вопрос: «Ну, вот я встал. Что же вы от меня хотите?» И, очевидно, решив про себя, что будет все-таки лучше, ежели он в дальнейшем во всем покорится воле хозяина, Бухар смиренно попятился назад и оказался меж оглобель: пожалте, мол, запрягайте, я готов!

Скачки были в самом разгаре, когда два слегка охмелевших друга подъехали на верблюде к ипподрому.

— А это еще что?! — закричал Завгороднев, инстинктивно хватаясь за кобуру. Узнав в одном из седоков моего отца, сменил тон, поубавил в нем милицейской строгости: — Миколай Михалыч! Никак и вы на скачки с этим чудовищем?

— Аль нельзя? — полинявшим голосом осведомился Авраам.

— А ты как думал? Неужли можно?! Да от него, как от черта, все рысаки разбегутся. Ты... как там тебя?.. смотри не вздумай! Угодишь прямо со скачек в нашу каталажку!..

— Да брось ты, Завгороднев!.. Если б ты знал, какой у этого черта скок, какая рысь!.. Пусти мужика, дай попробовать!..

В продолжение всего этого объяснения Бухар стоял неподвижно, возвышаясь над всем и вся тут, как изваянный, а его хозяин изловчился и переправил из своего кармана в карман Завгороднева бутылку самогону. Милиционер сделал вид, что не заметил этой операции, и начал понемногу сдавать позиции. Поохав, повздыхав для отвода глаз и для очистки совести, сказал вполголоса:

— Хрен с тобой... как тебя там?.. выводи. Вставай вон с очередной тройкой... Только не говори потом, что это я тебе разрешил.

— Спасибо. Хорошая у нас пошла милиция. Завсегда уважит простого хрестьянина,— расчувствовался Авраам Кузьмич, возвратившись на двуколку и разбирая вожжи.— А ты, Миколай, со мной али как?

— Нет уж, валяй, Авраам, один, а я отсюда погляжу,— ответил отец, уже немного подрагивая от скапливавшегося в нем смеха; кто-кто, а он-то уж хорошо знал, чем вся эта затея кончится.

Переполох, общее смятение начались на ипподроме даже раньше, чем ожидал озорной мой родитель. Едва рыжая живая каланча выплыла из-за ворот и заявила о себе характерным, не услаждавшим ни слуха, ни души ревом, три рысака, построившиеся было в ряд на беговой дорожке и готовые уж сорваться с места, всхрапнули, насторожили уши, взвились на дыбки и, выйдя из подчинения наездников, понеслись прочь от ипподрома, сбрасывая по пути с седел хозяев.

Другой бы на месте Авраама, завидя такое, сейчас же вернулся бы назад, но так поступил бы другой и вообще любой разумный человек, только не тот, о котором идет речь. Решительно не обращая внимания ни на угрожающие крики устроителей скачек, ни на панику среди соревнующихся, ни на восторженный вопль зевак-болельщиков, он вывел Бухара на отметку, на которой только что находились ускакавшие бог весть куда кони, взмахнул кнутом, прокричал свое заклинание «Бухар, грабют!», и верблюд попер, увеличивая и увеличивая скорость. Ни он, ни тот, кто сидел позади него на двуколке, ничего не слышали и не видели, кроме свиста в ушах и несшейся им навстречу, под мягкие лапы и под колеса дребезжащей таратайки беговой полосы. Верблюд, которого еще полчаса тому назад с великим трудом подняли на ноги и расшевелили, теперь был похож на осатаневшего, распаленного погоней за добычей зверя; могучее тело его вытянулось, он кидал свои длинные ноги на две сажени вперед; ржаво-желтая пена кусками срывалась не только с ощеренного в ярости рта, но и с пахов, и весь он уже дымился, делая круг за кругом, и никто (и менее всего его хозяин), никто решительно не знал, когда он остановится и остановится ли вообще. Смех в толпе сменился удивленным молчанием и готов был уступить место страху,— дети, которых было тут очень много, прижимались к своим отцам и просили, чтобы увели их поскорее отсюда. Первым, однако, дал деру мой батька: ему меньше всего хотелось быть соучастником этого безумия. С растерянною, виноватою улыбкой вернулся он к своей телеге и долго не мог свернуть цигарку: пальцы не слушались, тряслись, они, знать, были совестливее своего хозяина...

Чем кончились скачки для Авраама Кузьмича и Бухара, мы узнали только на другой день, когда, отсидевши остаток ярмарочного дня и последовавшую за ним ночь в обещанной Завгородневым «каталажке», Авраам вернулся к себе в село, убрал Бухара и заглянул в сельсовет. Никто, разумеется, не решился на ипподроме выскочить на беговую дорожку и преградить путь разгоряченному животному. В конце концов Бухар утомился и сам преспокойно вывез Авраама за черту соревнований. Вот там-то их обоих и заарестовали. Вместо главного приза, на коий рассчитывал Авраам Кузьмич, ему самому пришлось выложить красненькую в качестве штрафа за учиненный беспорядок на ипподроме и за нанесение если и не материального, то морального ущерба честным гражданам — владельцам скаковых лошадей. Но бутылка самогона, в нужную минуту переправленная в карман милиционера, сделала все-таки свое доброе дело: Завгороднев не дал этой истории дальнейшего хода, не привлек к ней внимания прокурора со всеми вытекающими последствиями. И на том ему спасибо!

Это происшествие, однако, и в малой степени не могло сравниться с бедою, которая обрушилась на меня под конец того же дня. Первое, что я сделал, оставшись в одиночестве у своей телеги,— это стал наблюдать за всем, что было вокруг меня. В какую-то минуту приметил, что мои односельчане хоть и расположили свои возки на отдельной от других площадке, но и на ней хуторские и непочетовские группировались порознь, чего в прежние годы не случалось. Не придав этому особого значения, я тем не менее раз за разом пробегал глазами по телегам, принадлежавшим Хутору, с тайною, скрываемою даже от самого себя надеждою увидеть на какой-то из них Ваньку Жукова. Ежели и раньше маялся душой без него, то теперь он нужен был мне до зарезу. Правда, перед тем, как спрятать пугач, я успел все-таки показать его некоторым своим непочетовским товарищам — Кольке Полякову, Миньке Архипову и Яньке Рубцову, телеги которых находились по соседству с нашей. Теперь эти ребята где-то шныряли по ярмарке, а я страдал оттого, что о моем приобретении ничего не знает Ванька, единственный, кто мог бы по-настоящему оценить его. В какой-то миг мне показалось, что Ванька прошмыгнул где-то совсем близко, и я чуть было не заорал: «Ванька, Ванька! Подь суда, что я тебе покажу-у-у!»,— но не успел издать этого клича. Скорее всего никакого Ваньки и не было. Просто мне очень хотелось, чтобы он был.

И теперь опять, как тогда в саду, только еще сильнее, я почувствовал в себе неколе-

бимое решение нынче же, сразу по возвращении в село, помириться с Ванькой и вместе с ним пострелять из пугача. Нетерпение сделать это как можно скорее было так велико, что я, как только отец вернулся с злополучных скачек, начал настойчиво просить ехать домой.

— Что это ты так заторопился? Видишь, никто еще не запрягает. Что это ты надумал? — спросил папанька, совладав наконец с самокруткой.

— Голова у меня болит,— соврал я, пряча глаза.

— Ну, что ж. Коли так, поедем. Заводи Карюху в оглобли.

Отец понимал, что я говорю неправду, но ему и самому захотелось убраться с ярмарки пораньше: чего доброго, заметут и его вместе с Авраамом, а то, что Авраама заметут, у отца не вызывало ни малейшего сомнения.

Карюха охотно вошла в оглобли, не задирала головы, когда хозяин надевал хомут: она торопилась к своей дочери, оставленной дома, вымя старой кобылы нагрубло, атласно лоснилось, налившиеся молоком соски торчали вразлет, и Карюхе хотелось поскорее подпустить к ним Майку. Всю обратную дорогу она, конечно, не неслась вскачь, но шла шибко, споро, не ожидая, когда по ее крупу пройдется кнут.

Согревшееся тело пугача жгло мне кожу под карманом штанов. «А что, ежели я попробую стрельнуть, а?» — И я вспыхнул от этой мысли, сердце бурно застучало под рубахой.

— Папанька, можно я стрельну? — сказал я вслух.

— Возьми да стрельни,— равнодушно буркнул отец.

— А Карюха не испугается?

— Не должна.

Я вытащил пугач, погладил его, поласкал и руками и глазами, вложил пробку так, как научил меня продавец, поднял оружие над головой дулом в небо и, зажмурившись, нажал пальцем на спусковой крючок. Раздался негромкий хлопок, от которого Карюха лишь встряхнула слегка гривой и вспрянула одним ухом. Я же и вовсе не услышал его, потому что был совершенно оглоушен другим: от плевого этого выстрела мой пугач развалился на две половинки. Ствол, из которого продолжал вытекать вонючий, пахнущий серой дымок, валялся на моих коленях, а рукоятка с барабаном, курком и спусковым крючком оставалась в правой, трясущейся, как давеча у отца, руке.

Это была катастрофа. Потрясение было так велико, что я даже не заплакал — смотрел перед собой остановившимися, распяленными ужасом глазами и ничего не видел и не слышал, что говорил отец. А он пытался утешить, грозился вернуться назавтра в Баланду, отыскать обманщика, кинуть ему в нахальную рожу обломки пугача и потребовать взамен исправный.

Когда смысл гневной папанькиной речи начал проясняться для моего сознания, я не только не утешился, но впал в еще большее отчаяние, потому как был совершеннейшим образом уверен, что никуда отец не поедет, а ежели и поедет, то обидчика моего все равно не сыщет,— как бы это он его разыскал, ежли и в глаза не видал на ярмарке?! И вообще откудова он, этот старый негодяй? Может, и не баландинский вовсе, а приехал из Аткарска, Лысых гор или Екатериновки,— попробуй-ка разыскать иголку в стоге сена!

В который уж раз в одном только нынешнем году так обидно и безнадежно рушились мои планы! И мог ли я предположить, что именно на ярмарке, с которой обычно связывается столько веселых и светлых надежд, произойдет то, что сделает меня самым несчастным человеком на свете?!

— Папанька, а склеить его нельзя? — спросил я, глотая слезы, которые лишь теперь начали пробиваться наружу.

— Нет, сынок, этого не склеишь,— сказал отец и нахмурился, утопив пальцы в лохмах моей головы. Помолчав, проговорил еще тише: — Не склеишь...

Продолжение следует.

ИССЛЕДОВАНО — В ПРАКТИКУ

Научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы следует теснее сомкнуть — экономически и организационно — с производством...

Более полно надо использовать научный потенциал вузов, в которых сосредоточена почти половина всех наших докторов и кандидатов наук.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на XXVI съезде КПСС.

РОЖДЕНИЕ ДВИГАТЕЛЯ

Сергей МАРКОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Р. М. Фоншрайбер, В. Т. Беликов, Б. А. Паролло в мастерской.

Мы спустились по лестнице, прошли по длинному, уставленному старыми шкафами, столами и нагромождениями стульев коридору и проникли в небольшую комнату с квадратными решетчатыми окнами и низким потолком. После полных воздуха и света аудиторий Одесского политехнического института, лестниц с высоченными пролетами — после всего того, что с гордостью показывал мне сотрудник института Виктор Трифонович Беликов с утра, в полуподвальной комнатушке чувствовалось не слишком уютно.

— Кто-то из русских ученых-классиков сказал, что наука делается в подвалах, где крысы — нередкие гости,— улыбнулся Беликов.— Можно было бы, конечно, выхлопотать хорошее помещение, но... сердцем чувствую, уйдем мы отсюда — уйдет и от нас что-то... Нам здесь хорошо работается, правда, Боря?

— Неплохо, — ответил Борис Алексеевич Паролло, слесарь-универсал, «мастер на все руки с золотой головой», как его называют в политехническом институте.

— Хотя не мешало бы токарный станок побольше иметь и инструментов, — добавил Рувим Моисеевич Фоншрайбер первоклассный токарь, которому на пальцах достаточно показать требуемую деталь — деталь выходит из-под его рук лучше задуманной учеными.

Всего в исследовательской группе Беликова семь человек. Пять инженеров, двое рабочих. Связь науки с производством начинается здесь, в мастерской, зримо; любое открытие, любое изобретение (а свидетельств об авторских изобретениях с мировым приоритетом группа получила только за последние несколько лет двадцать семь, девять из них патентуется сейчас за границей: в США, Франции, ФРГ, Англии, Японии) рождается почти одновременно в голове, на чертежах и на станке, стоящем в их мастерской.

Ну, а докторская диссертация, которую заканчивает В. Т. Беликов — «Линейные двигатели постоянного тока для промышленных механизмов»,— сложилась, можно сказать, сама. Продиктовала ее практика. В 1969 году в институт, на кафедру электрических машин, обратились инженеры Одесского конструкторского бюро специальных станков, чтобы проконсультироваться по поводу плоскошлифовального станка, в макете которого они установили линейный двигатель постоянного тока. Без промежуточных механических передач, ненадежных и дорогих, без всевозможных шестерен, валов, цепей двигатель должен был осуществлять поступательное движение, преобразовывать электроэнергию в механическое прямолинейное перемещение.

Собственно, двигатели с линейными приводами известны давно. Исследуются и разрабатываются так называемые асинхронные, конструктивно несложные, что очень важно, но на практике и транспорт, для которого главным образом они предназначены, работает по-старому, и в других областях техники не удается широко применить асинхронный линейный двигатель. Почему? Прежде всего потому, что мал диапазон скоростей. А сегодня от двигателя требуется и самая низкая скорость, до нескольких миллиметров в минуту, как у часовой стрелки, необходимая, например, внутрицеховым транспортным устройствам, сварочным автоматам и установкам термической резки, и самая высокая, приближающаяся к скоростям самолетов. На это способен двигатель постоянного тока. Но после того, как его сделали линейным, он стал слишком сложным. Группа Беликова была создана для того, чтобы попробовать упростить линейную машину, сохранив при этом все ее возможности.

— Сейчас уже время подвести кое-какие итоги, — говорил мне ректор института, доктор технических наук Константин Иванович Заблонский. — Несколько лет назад исследованиями группы заинтересовалось научно-производственное объединение «Кислородмаш», и уже в этом году, надеемся, будет изготовлен опытный образец портальной газорежущей машины, надежной и экономной. Мало того — в государственный план уже внесены четыре модели машин с линейными двигателями. Должен сказать, что это будет принципиально новый, оригинальный класс машин.

Не все, конечно, идет гладко. Бывают и трудности. Но в целом мне очень нравится стиль работы группы Беликова. К сожалению, нередко еще ученые недостаточно добросовестно относятся к своему труду. Творческая честность — это, пожалуй, самое важное в науке. И не только в науке. Я активно не согласен с мыслью, что незаменимых людей нет. Они есть. А мы порой за нагромождениями формул, за станками и деталями теряем исходное, забываем о нем — о незаменимости человека, человеческой совести.

Но и этого мало, говорил ректор. Необходим еще дар до конца отстаивать свое мнение, огромная энергия, пробивная способность и упрямство, если хотите...

...Шесть лет продолжались поиски нового двигателя — сотни чертежей, расчетов, сотни пробных деталей и механизмов. Идеи, идеи... Порой кажется: найден выход, вот она — машина, и регулировка, и скорости, и темнота за окном мастерской полнится смыслом; а наутро: «Не годится, Виктор Трифонович, — говорит кто-нибудь из группы, — токи с таким приводом неправильно будут распределяться, вчера ошибся кто-то»; и все сначала, гудит токарный станок, вторит ему, подвизгивая, фрезерный, снова вытирает руки ветошью Рувим Моисеевич, и берется за рукоятки Борис Алексеевич, и хрустит ватманский лист с чертежами в руках Беликова и доцента Владимира Ивановича Артеменко, чаще несогласного, умеющего говорить правду в глаза, и, торопясь, выкладывает новую идею Анатолий Ивлев... Но не только у сотрудников группы — и у аспирантов и даже студентов-старшекурсников, принимающих участие в работе, равное право голоса.

— Трудно устоять под напором Беликова, — улыбнулся генеральный директор научно-производственного объединения «Кислородмаш» Борис Евтихиевич Тринчук.— К нам он всегда врывается словно наэлектризованный, воздух у них там, в этом подвальчике, что ли, какой-то особенный... Я далек от идеализации, но, по-моему, такое отношение к делу — пример связи науки с производством. Эта исследовательская группа умеет кровно заинтересовать производственников, умеет втянуть, заразить своим энтузиазмом наших инженеров, конструкторов, рабочих...

Термическая резка вредна, — продолжал Тринчук. — Во-первых, неизбежны облучения, во-вторых, шум, превышающий шум самолета... Следовательно, нужно до минимума сократить обслуживающий персонал. Добиться этого можно лишь при безотказном и очень надежном оборудовании. А новые линейные машины постоянного тока, над которыми работают сейчас ученые политехнического института вместе с рабочими завода, способны решить, думаю, большую часть проблемы. Разработки группы Беликова очень помогут и в создании промышленных роботов.

Исследовательская группа кафедры электрических машин появилась не на пустом месте. В Одесском политехническом институте вообще трудно представить себе обучение без постоянной проверки, цементирования теории практикой. И это сокращает дистанцию, на преодоление которой у молодого специалиста, недавнего выпускника, уходят годы,— дистанцию между новичком-инженером и повидавшим виды рабочим. В производственном объединении студентам не боятся доверять ответственных заданий, дают возможность почувствовать себя и рабочим и руководителем. «Только тем, на кого надеются в будущем, в ком заинтересованы?» — могут спросить. Не только. Но в первую голову.

Плодотворно сотрудничество института и завода на основе хозяйственных договоров. Несколько лет назад генеральный директор объединения и ректор политехнического решили создать своеобразные творческие бригады, в которые входят и теоретики и практики и работают в строгой зависимости друг от друга.

Пожалуй, самым конкретным и ярким примером результатов этой связи — прямой и обратной — может служить то, что Одесский политехнический институт привлечен к выполнению государственной комплексной целевой программы по развитию атомной энергетики страны; мало того, институт — единственный в стране вуз, назначенный головным исполнителем одного из ее пунктов.

...Мы гуляли с Виктором Трифоновичем по старой Одессе, и он рассказывал:

— Увлекшись линейными двигателями, я отказался от преподавания, от неплохой зарплаты, а до этого проработал девятнадцать лет, был и доцентом, ученым секретарем института... И вдруг — одна идея перевернула всю жизнь. Случится же такое... Я счастлив, по-настоящему счастлив. Я вижу, как осуществляется мучительная мысль, и самое большое для меня наслаждение — да, да, не смейтесь—смотреть на работу нашей машины. Она ведь безумно красивая... Несколько лет назад мы все бились над двухкоординатным двигателем, подвижная часть которого может описать любую заданную плоскую кривую. Это очень важно в робототехнике, в устройствах автоматического проектирования. Все наши ребята ходили, как лунатики. И однажды перед рассветом—только ради этого мгновения стоило жить, честное слово,—я увидел во сне двигатель, увидел, как наяву, не чертеж, а весь двигатель с мельчайшими деталями! Было это в Каролино-Бугазе, проснулся, вокруг море блестит, я чуть с ума не сошел от счастья, на руках бегал, как мальчишка, кричал во всю глотку и не верил, не верил...

Фото автора

У меня в книжном шкафу стоят книги Е. Евтимова двадцатилетней давности, когда он только начинал путь в литературе. И сейчас, когда я перечитываю давние стихи поэта, я обнаруживаю в них то главное, что позже привело его к большому творческому урожаю. Я имею в виду тему героического в человеке, нравственной цельности и любви к своей родной земле. Вспомните небольшое стихотворение о мальчике из горного села, приходящем на уроки в школу через перевал в любую погоду. Есть там строки:

Он входит в класс, сняв мокрое пальтишко,
И хочется мне крикнуть классу: «Встать!»

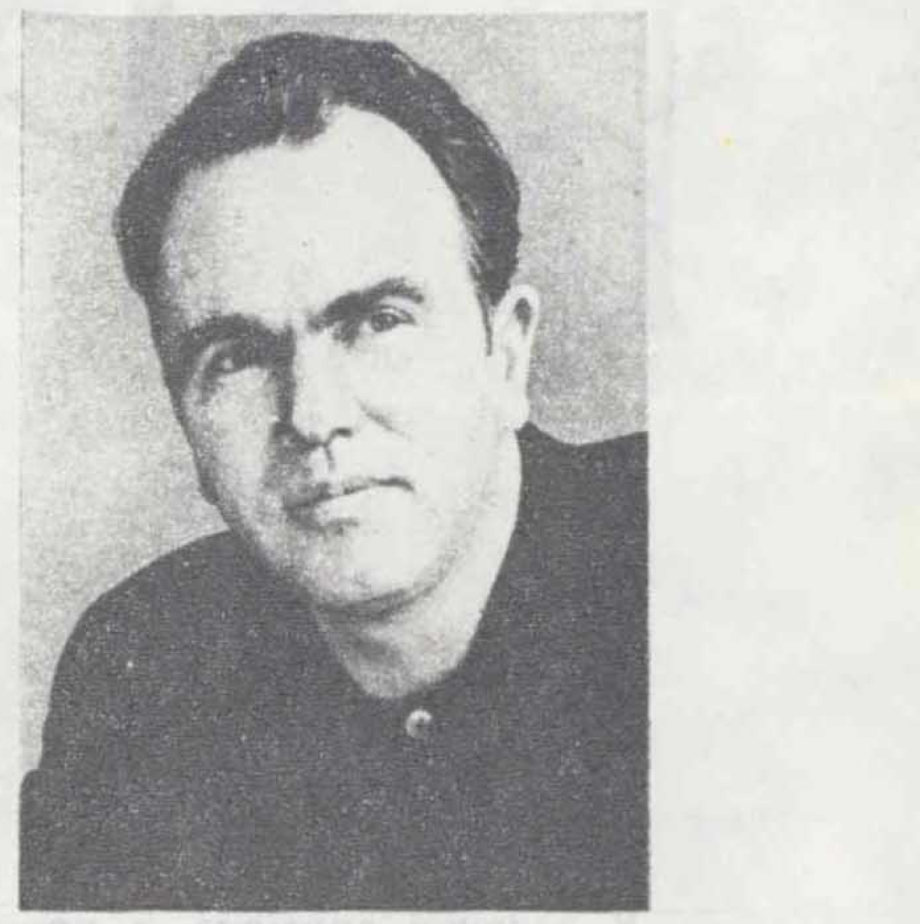
Да, это восхищение силой человеческой души поэт несет через всю свою творческую жизнь.

А как по-своему вникает он в мудрость болгарского фольклора, воссоздавая через него национальный характер народа.

Предлагаю новые стихи Евтима Евтимова в своих переводах.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Евтим ЕВТИМОВ

ЛЮБОВЬ — КАК ДЕТСТВО

* * *

Знай: любовь — как детство.
Для тебя
смастерю из радуги я сходни,
чтобы, улыбаясь и любя,
ты опять сошла ко мне сегодня.
Каблучок настилом простучит...
Землю отдаю тебе в наследство.
И никто меня не обвинит,
что тебе я лгу.
Любовь — как детство.

Синь небесных праздничных полей...
Звезды подарю я с этой сини,
чтоб еще светлей и горячей
полюбила ты меня отныне.
Посмотри же, как звезда горит,—
небо отдаю тебе в наследство.
И никто меня не обвинит,
что тебе я лгу.
Любовь — как детство.

Взглядом не обнять простор морской,
ты возьми себе мои дороги,
чтоб доплыть к черте береговой,
первой выйти чтоб на склон отлогий.
Ветер за тобой вослед помчит...
Море отдаю тебе в наследство.
И никто меня не обвинит,
что тебе я лгу.
Любовь — как детство.

Я хочу тебя такой любить —
страстной, порывистой, желанной.
Между нами лжи не может быть,
могут быть лишь детские обманы.
Пусть твоя рука в моей лежит,
песню отдаю тебе в наследство.
И никто меня не обвинит,
что тебе я лгу.
Любовь — как детство.

СТАРАЯ ПЕКАРНЯ

Я голову склоняю благодарно,
мне памятью своей не пренебречь...
И память входит в старую пекарню
и разжигает, словно в детстве, печь.

И память выпекает караваи,
замешенные на моих слезах,
те караваи, небо доставая,
покоятся на худеньких руках.

И улочками со своей раздачей
пойду, в ворота сонные стучась;
война была войною, но иначе
война в ту пору — голодом звалась.

И, видя пара тонкие колечки,
и пекаря, пропахшего мукой,
я верю, что он вытащит из печки
не просто хлеб —
а счастье и покой.

ЛЕВАДА

Левада стала шумным летним полем,
кружили самолеты в синеве...
И не скакали лошади привольем,
не радовались молодой траве.

Крылами самолета — не косою
выкашивали травы в ясный день...
И свастика висела над землею,
бросая с неба пасмурную тень.

И слышал я, мальчонка босоногий,—
левада, изнемогшая от зла,
гнедых коней, копытящих дороги,
к себе, как избавление, звала.

Враг отступал среди огня и грома,
слетались птицы в дорогом краю,
вновь превращалась твердь аэродрома
в леваду деревенскую мою.

Не думал раньше я, как много значит
для жизни и мальчишеской души,
что кони по густой леваде скачут
и ласточки планируют в тиши.

БЕГ К ДЕРЕВУ

Лишь вспыхнет на заре небесный свод,
Когда луна, бледнея, исчезает,—
Спешит к оброку-древу пчеловод,
И рой пчелиный к улью поспешает.

Зазеленеет ли весенний луг,
Когда вокруг духмяный запах тает,—
Спешит к оброку-древу пахарь-друг,
Вослед за ним и жито поспешает.

Родник ли зашумит в тиши полян,
Когда трава источник окружает,—
Спешит к оброку-древу брат-чабан,
Вослед за ним и стадо поспешает.

Река ли станет вдруг пересыхать,
Когда жестокий ветер пыль вздымает,—
Спешит к оброку-древу в полдень мать,
За ней ребенок малый поспешает.

О древо жизни, ты — судьба моя,
Ужели взор твой толщу лет пронзает?
Спешу к оброку-древу там и я,
За мною стая песен поспешает.

ОГОНЬ

Поленья подровняй, пускай, огнем
Объятые, они трещат мятежно,
Когда уже построен новый дом,
До зимних ветров и метели снежной.

По угольку, зажженному вчера,
Свою судьбу узнают на рассвете:
Коль не сгорит —
Ждет горькая пора,
А коль сгорит —
Счастливо жить на свете.

Верь!.. И под левым трепетным соском
Найди очаг, еще как будто спящий,
Но капли крови вспыхнут пусть огнем,
Да будет тот огонь животворящий!

Войди в огонь. И на костре гори,
Постигни эту огненную вьюгу,
И жизнью яркой песню одари,
И радостью непреходящей—муку.

Сгори до уголька. Пускай потом,
Лет через сто, судить мужам речистым:
Мол, счастлив ли был на пути своем
Иль сник ты одуванчиком пушистым.

ИГРА РЯЖЕНЫХ

Неугомонны ряженых затеи,
Царит веселье в праздничные дни.
Ты маску на себя надень скорее—
И станешь ряженым, как все они.

Играй, мой друг! Ведь жизнь — игра по сути,
Мой друг, ты эту истину пойми —
Смотри, как ряжеными станут люди,
И ряженые станут вновь людьми.

Играй, мой друг! В игре есть смысл высокий,
В игре старинной смех звучит светло,
И, обходя крестьянские пороги,
Гони ты от порогов ложь и зло.

Играй, мой друг! Познай улыбку, ласку,
Пока хоро плетет свое кольцо.
Но, коль потом не снимешь эту маску,
Ты потеряешь навсегда лицо.

ОБРЯДОВЫЙ ТРИПТИХ ОБ ОГНЕ

1. Прыжки через огонь

Это светлый праздник с чудесами!
Как уже ведется с давних пор,
Разжигают где-то за домами
По обычаю большой костер.

Каждый через пламя прыгнуть хочет,
Не смиряя праздничный свой пыл —
Честный через пламя
Перескочит,
Обгорит
Тот, кто нечестным был.

Древнее поверие сурово,
К нам оно пришло через века.
Я мечтаю, чтобы кто-то снова
Разложил костер из сушняка.

Пламя ввысь взовьется языкато,
Озаряя небо и плато.
Все мы перепрыгнули когда-то,
А сегодня перепрыгнет кто?

2. Проход сквозь огонь

Мать спросил в раздумье я глубоком:
«Отчего по вечерам весной
Пламя раздувают над порогом,
Пламя ходит вольною волной?»

Мать с улыбкой тихою своею
Отвечала в час полночный тьмы:
«Чтобы неповадно было змею!»
...И спокойно в доме жили мы.

Пастуха с седою бородою
Я расспрашиваю в свой черед:
«Выжигают пастбище весною,
А потом по полю гонят скот.

Отчего?..»
Пастух мне отвечает:
«Знамо, что огонь, предав суду,
От нечистой силы очищает!»
...И вот сам я сквозь огонь иду.

3. Разжигание огня

Изморозь ли схватит в тихой рани
Ширь, что на заре белым-бела,—
Разжигают костерки крестьяне,
Чтобы изморозь с полей ушла.

Волчий вой ли слышен по оврагу,
Волчий шаг ли вкрадчив между гор,—
Пастухи, явив свою отвагу,
Пред волками разожгут костер.

Волки сгинут, воя одиноко.
Об огне лишь мысли у меня.
Знали наши пращуры глубоко
Таинства великого огня.

Дан огонь нам, чтоб со злом бороться...
Всюду ты к огню ищи пути.
Пусть же ярко мой огонь зажжется.
Может только он меня спасти.

ВРУБЕЛЬ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

В далекие времена в прекрасной Венеции инквизиторы призвали на свое страшное судилище Паоло Веронезе и спросили его, как посмел мастер вольно изобразить канонический евангельский сюжет. Художник гордо ответил: «Мы, живописцы, позволяем себе вольности, какие позволительны поэтам и безумцам...» Пораженные его словами грозные судии молчали.

«Безумцы»... Сколько раз мы читали это слово в истории искусства. Так говорили современники о своих гениальных живописцах. Вельможные флорентийцы почитали чудаком Леонардо да Винчи. Самодовольные голландские бюргеры величали сумасшедшим Рембрандта ван Рейна лишь за то, что он не укладывался в их параметры бытия. Парижские биржевые маклеры считали свихнувшимся своего коллегу Поля Гогена, сменившего профессию на кисть художника... Потом проходило время, и все становилось на свои места, все, как говорится, «обретало свою полочку». Но бывали случаи, когда иные большие художники не выдерживали накала борьбы, горечи непризнания, разрыва между стремлением к творчеству и трудностями жизни — тогда их одолевал тяжкий недуг, суровая реальность будто карала дерзких. Эти живописцы как бы сгорали в пламени костра своего гения. Так было с Винсентом Ван Гогом. Такая же судьба постигла Михаила Врубеля. Самое поразительное, что уже больные мастера в конце судьбы в минуты просветления продолжали творить. Врачи, лечившие их, в один голос заявляли, что психика художников в эти часы была абсолютно здорова. Да, много, много еще не открытого хранят в себе тайны природы человека, его духа. Где грань прозрения? Как открываются новые горизонты прекрасного? Мы называем Андрея Рублева, Микеланджело Буонарроти, Михаила Врубеля предтечами; теперь есть более современное понятие — новатор. Но вечный смысл нови в том, что эти люди, их гений давали возможность всему человечеству становиться выше, добрее, чище, проникать в еще не познанное.

Однажды Альберту Эйнштейну задали вопрос: что поразило его больше всего в жизни? Он ответил: «Ощущение таинственности». И это сказал человек, имевший дело с цифрами и формулами.

Но вернемся к искусству.

Третьяковка. Белая лестница, немолчные звуки тысяч шагов. Бесконечная анфилада зал второго этажа. Виктор Васнецов, Нестеров, Суриков, Репин... Ступени ведут вниз, на первый этаж. И сразу загорается дивными красками витраж. «Рыцарь». Белый конь несет гордого победителя. Он склонил тяжелое копье перед прекрасной дамой. Цветные стекла сверкают алыми, бирюзовыми, лиловыми колерами. Это маленькое окно. Его самоцветная мелодия сразу вводит нас в мир легенды, сказочных грез. Заломила тонкие, нежные руки Волхова. Блестят слезы в широко открытых очах сказочной царевны. Она прощается с призрачным миром грозного царя морского. Ее мысли полны разлуки с любимым. Плещут волны, шумит густая осока. Гаснет свет вечерней зари. Мерцают драгоценные камни венца царевны... Рядом на стене «Тени лагуны» — огромная раковина-жемчужница и как бы рожденные ею волшебные девы. Изумрудную рябь рассекают черные плавники чудесных рыб. Чуть намечена фигура Нептуна. В картине — гармония рождения мечты, безудержный поток зрительных ассоциаций, чарующих своей раскованной художественностью.

Мир Врубеля.

Залы выставки, посвященные стодвадцатипятилетнему юбилею со дня рождения этого гениального русского художника конца XIX — начала XX века. Летят в свинцовых сумерках, оседлав волшебных скакунов, доктор Фауст и Мефистофель. Вьются гривы бешеных, могучих коней, развеваются от дьявольского полета плащи. Под всадниками в серой глухой пропасти земля. Спящий средневековый город. Тяжелые башни замка. Острые шпили готических храмов. Задумчив, печален взор Фауста, устремленный в неясные просверки будущего. Он почти счастлив, но тяжесть страшной клятвы лишает его прелести ощущения полета. Свобода лишь призрак. Мефистофель зрит смятенность жертвы. Его сверкающий взор проникает в самое сердце Фауста, лицо дьявола искажено зловещей всепонимающей улыбкой.

Глубокий философский смысл заключен в этом панно. «Какова стоимость заложенной души человеческой? Надо ли даже за любую цену, во имя самых сладких благ продавать себя, свой бессмертный дар?»

...Кто мог лучше Александра Бенуа знать эту среду резонерствующих покровителей, циничных и милых, жестоких и обаятельных? С какой горечью написал он строки о Врубеле, дающие возможность понять правду о его связях с просвещенными миллионерами, сделавшими для художника немало добра. Вчитайтесь:

«Он предлагал себя, свои богатства. Он готов был подарить нас храмами и дворцами, песнями и кумирами. Он ничего не просил за это; он молил только, чтобы ему давали выявляться, чтобы освобождали его от тяжелого бремени, наполнявшего его существо вдохновения. Но мир не принимал его, чуждался и даже презирал. Зачем блеск, игра, краски, веселье, когда и так живется в тусклости, в делах, во мраке и суете. И не верил никто Врубелю. Изредка кто-нибудь из чудачества купит у него картину или закажет ему стенопись, но сейчас же связи обрывались, филистеры погружались в отдых от сделанного усилия стать чудаками, а художник снова оказывался без дела и применения...»

Они, эти богачи, бывали порою и прогрессивными людьми, но все же оставались купцами. Врубель хотел отдать свой шедевр «Царевну-Лебедь» Морозову за пятьсот рублей, но могущественный покупатель выторговал его у художника за триста рублей. Автор простодушно согласился. Знаменитый «Пан» был куплен всего за двести рублей — цена ужина в столичном ресторане, а немного позже некий предприимчивый владелец предложил его Третьяковской галерее за пять тысяч!

Особняком в этом сложном мире нуворишей и дельцов стоял Савва Мамонтов, который первым приютил Врубеля, пригласил работать в свою студию, заказал два грандиозных панно для Нижегородской ярмарки, составивших художнику громкую, хотя несколько сенсационную славу «крушителя основ», и сделал вообще немало в истории русского театра, русской культуры. Художник Поленов, помогавший Врубелю закончить панно для Нижнего Новгорода, пишет жене в июне 1896 года:

«Иногда я люблю работать у Саввы в доме, когда там носится художественная атмосфера. Первым делом, когда я приехал, я пошел к Врубелю и с ним объяснился, он меня чуть не со слезами благодарил... а сам в это время написал чудесное панно «Маргарита и Мефистофель». Приходит и Серов, так что атмосфера пропитана искусством... Время от времени эти панно развертываются на дворе и там работаются...»

Это маленькое отступление в мир реалий, в которых жил и творил Михаил Александрович Врубель, поможет нам объемнее и точнее осмыслить судьбу художника.

Всего два зала Третьяковской галереи — Врубелю тесно. Много работ осталось в запаснике: первый этаж Третьяковки закрыт на ремонт. Это печально в год юбилея галереи. Здание сокровищницы русского искусства находится в аварийном состоянии.

«Демон сидящий». 1890 год. Далекая золотая заря загорается за колючими скалами. В багрово-сизом небе расцветают чудо-кристаллы неведомых цветов. Отблески заката мерцают в задумчивых глазах молодого гиганта. Юноша присел отдохнуть после страшного пути, его одолевают тяжкие мысли о надобности новых усилий и о верности избранной дороги. Тяжелые атлетические мышцы обнаженного торса, крепко сцепленные пальцы сильных рук застыли. Напряжены бугры лба, вопросительно подняты брови, горько опущены углы рта. Поражающее сочетание мощи и бессилия. Воли и безволия. Весь холст пронизан хаосом тоски, горечью неосуществленных сновидений. Жизнь продолжается. На наших глазах как бы формируются поразительные по красоте минералы. Но радость бытия уходит вместе с тающими лучами зари. Холодными голубыми гранями поблескивают ребристые лепестки огромных цветов. И в этой душной багровой мгле неожиданно и пронзительно звучит кобальт ткани одежды юноши. Здесь синий — символ надежды.

Это полотно Врубеля не имеет аналогов во всей истории живописи по странным сочетаниям холодных и теплых колеров, напоминающих самородки или таинственные друзы никому не ведомых горных пород. Тлеющие багровые, рдяные, фиолетовые, пурпурно-золотые тона как будто рисуют рождение какого-то планетарно нового мира. С ними в борьбу вступают серые, пепельные, сизые мертвые краски, лишь оттеняющие фантастичность гаммы картины. Художник недаром в юности увлекался минералогией, делал модели из гипса, а с возрастом подолгу изучал игру граней драгоценных камней. Вся эта грандиозная мистерия цвета, словно плазма, переливается, мерцает, высверкивает. Желание живописца создать образ патетический, призванный будить душу зрителя величием, монументальностью содеянного, достигнуто полностью. Но Врубель не был бы самим собою, если бы в этой огромной картине не было второго плана. Ведь ни непомерные по мощи объемы торса, ни вздутые в страшном напряжении мышцы рук, ни саженный разлет плечей — ничто не может скрыть бессилия, тоски, горечи юного титана. В чем тайна?

Попробуем, прочтя строки из письма к сестре, написанные в дни создания «Демона», понять сверхзадачу картины.

Итак, май 1890 года:

«Но что делать, когда моя жизнь все еще состоит только из обьянений да самогрызни и ворчаний на окружающее. Ужасно как-то ожесточаешься. Ты знаешь, что я всю эту зиму провел в Москве и теперь

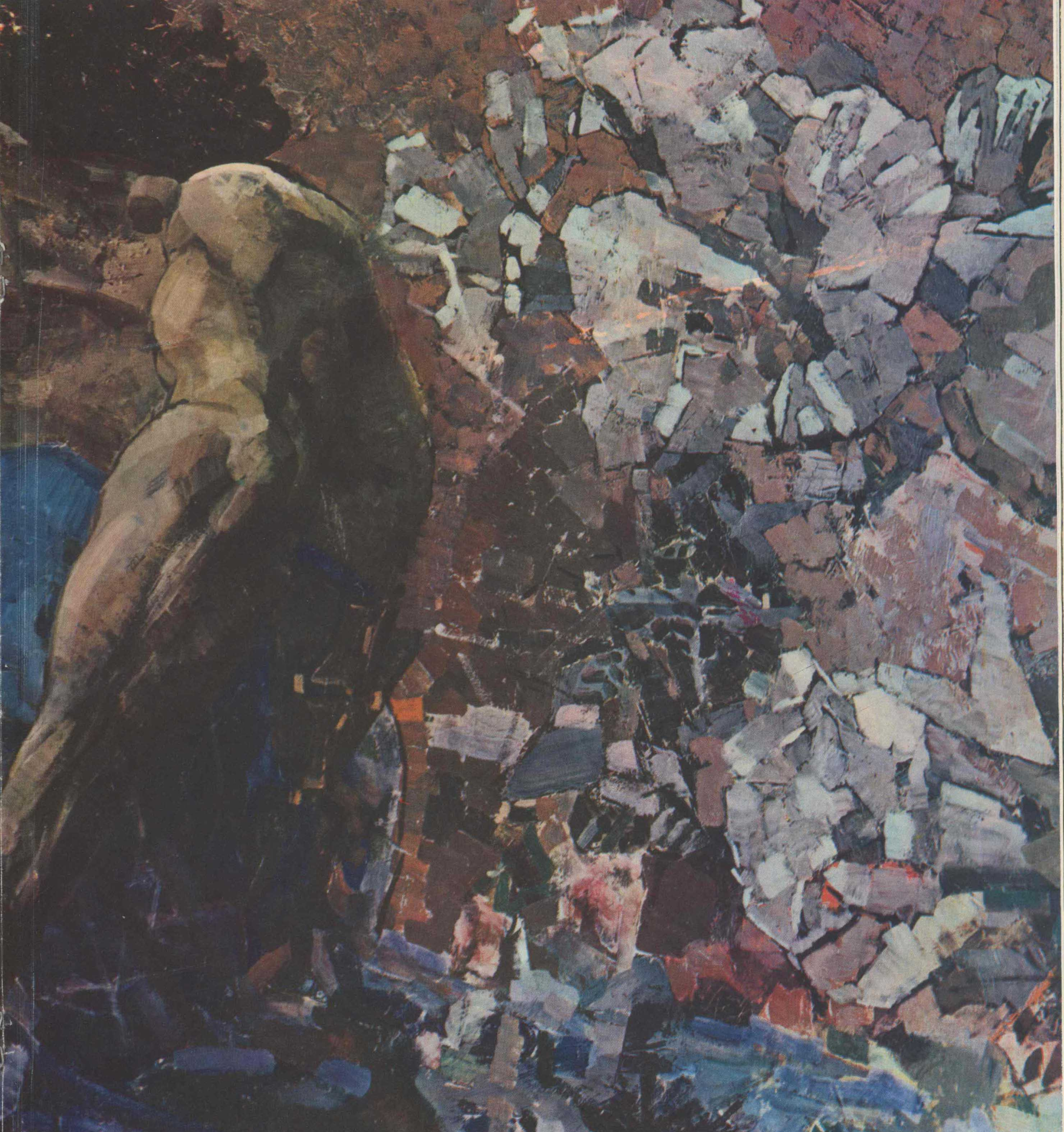

М. Врубель. 1856—1910. ЦАРЕВНА-ЛЕБЕДЬ. 1900.

Государственная Третьяковская галерея.

М. Врубель. ДЕМОН СИДЯЩИЙ. 1890.

Государственная Третьяковская галерея.

М. Врубель. СИРЕНЬ. 1900. Государственная Третьяковская галерея.

здесь же. Васнецов правду говорил, что я здесь попаду в полезную для меня конкуренцию. Я действительно кое-что сделал чисто из побуждения, «так как не дамся ж!». И это хорошо. Я чувствую, что я окреп — т. е. многое платоническое приобрело плоть и кровь. Но мания, что непременно скажу что-то новое, не оставляет меня; и я всетаки, как, помнишь, в том стихотворении, которое нам в Астрахани или Саратове (не припомню) стоило столько слез, могу повторить про себя: «Куда идешь ты? Я этого не знаю»...

«Куда идешь ты?» Вот лейтмотив этой дантовской поэмы в красках. Всезнание и бессилие — адский искус, эта тема становится любимой мелодией лиры Врубеля. Сражение мглы и сиянья, зла и добра отражено в маленьком алом блике зрачка Демона. В этой точке собран весь ужас незнания, томление без надежды, глубоко запрятанный страх перед неведомым. Художник пытается заглянуть за грань земного бытия. Но напрасно Врубелю приписывали упадничество. Симфоничность масштаба этой глубоко жизненной драмы чарует гармоничностью пропорций, ракурсов, колорита, виртуозным мастерством живописца.

Можно только поражаться, как люди, понимающие и любящие искусство, не услышали в работе странного и для многих непонятного живописца голос предтечи, вещавший новое, доселе невиданное развитие русского искусства. Ведь в этом полотне при всей его своеобычности, как ни в одном другом произведении современников Врубеля, отчетливо проступает великолепное владение всеми традициями мировой культуры. В колорите холста слышны звуки мелодий несравненных венецианцев, а в лепке формы угадываются ритмы самого великого Микеланджело.

«Настоящему художнику предстоит громадный труд поставить перед лицом людей зеркало, от которого бы сердце забило тревогу» — эти вдохновенные слова написал художник Иван Крамской, и эти строки немного приподнимают завесу над задачей, поставленной Врубелем еще во время работы над эскизами росписей Владимирского собора в Киеве.

Здесь же, в Киеве, сложился у живописца образ Демона. К сожалению, до нас не дошли созданные мастером холсты. Но смысл, этическая задача, связанная с появлением этой темы, ставшей кардинальной во всем творчестве Михаила Александровича, не случайна. Еще в юности будущий художник зачитывался поэмой Лермонтова. В образе мятежного духа его влекли жажда подвига, черты невыразимого стремления человека к совершенству, к счастью, добру, звучавшие в лире поэта. Демон Врубеля, несмотря на очевидные лермонтовские истоки, носит свою, другую — врубелевскую трактовку. Это глубоко личностное выражение сложного миропонимания, представляемого как борьба света и мрака. Все существо живописца восставало против мещанства, косности, банальности житейской круговерти. Он страдал. Эта скорбь Врубеля, его думы о прекрасном, о гармонии, которая невозможна в атмосфере, где властвует чистоган, нашли выражение в образе легендарного духа — Демона.

Бесконечная доброта, бескорыстие художника, превосходящие все границы, и скаредность, прагматизм сильных мира сего; вечная мечта Врубеля о красоте и уродливая, пошлая атмосфера «сладкой жизни» богатых особняков, прикрывающая порою меценатством и игрой в искусство пустоту души; личная жизнь почти люмпена, вечно испытывающего чувство неловкости, неустроенности,— все это при бесконечно ранимом сердце доводило Михаила Александровича до отчаяния.

Должно было пройти много лет, прежде чем Врубель наконец получит в 1896 году заказы, в которых он покажет свою богатырскую силу, масштаб своего дара.

К сожалению, грандиозное панно Врубеля «Принцесса Греза», написанное в 1896 году, покоится мирно в запаснике. Его негде экспонировать — нет помещения. Огромный холст, подобный колонне, свернут в рулон и ждет своего часа.

1895 год. Врубель пишет таинственный провидческий холст. История его создания поразительна: живописец прослушал оперу «Кармен», его потрясла тема гадания, неотвратимости Рока. Фатальность случайностей. Он приходит в мастерскую, берет почти готовый портрет Н. И. Мамонтова и в страстном порыве счищает написанное. По этому же холсту пишет свою изумительную цыганку-гадалку. Когда возмущенный заказчик, пришедший позировать, начал крупный разговор, Врубель откровенно сказал ему: «Не могу больше писать ваш портрет, осточертел он мне». Нельзя не согласиться, что это заявление Врубеля не было образцом вежливости, но, зная по воспоминаниям друзей о необычайно мягком и сдержанном характере живописца той поры, надо представить, до какого накала довели жизнь и тяжкие будни этого сорокалетнего мастера европейского класса. Как говорится, шесть лет, проведенные в Москве, имели свои сложности. Мир богатых особняков — «это роскошный луг, который часто оказывается трясиной»,— вот горькие слова самого Врубеля, сказанные о засасывающем влиянии смеси лжи и капризов, лести и надменности, которые принесли ему те годы.

«Гадалка». Запомните год — 1895-й. Пронзительно, буквально проникая в саму душу, глядят на нас темные, блестящие глаза молодой женщины. Чернобровая, смуглая, со странным, но удивительно привлекательным, милым лицом, чуть-чуть улыбаясь, пристально смотрит она на нас. Розовая шаль наброшена на плечи, тонкие руки украшены тяжелыми браслетами. На ковре перед ней раскинуты карты. Впереди лежит туз пик. Удивительно переплетается орнамент настенного ковра со складками шали, с небрежно разбросанной колодой карт.

Многие холсты Врубеля словно говорят, во многих слышны слова, но гадалка безмолвна, чем дольше вдумываешься и вглядываешься в этот портрет, тем яснее ощущаешь атмосферу предчувствия, ожидания, овладевшего автором картины и передающегося мгновенно нам. Что-то должно свершиться...

Врубель недаром записал уже готовый портрет, нетерпение его оправдалось. Цыганка была права.

Мелькнут несколько месяцев, и в июле следующего, 1896 года ликующий Врубель обвенчается со своей любимой — Надеждой Ивановной Забелой.

Творчеству истинных живописцев всегда присуща крайняя индивидуальность, несмотря на внешнюю схожесть таких признаков, как упорная школа в начале жизни, постоянный, неустанный труд, влечение к постижению традиций мировой культуры. И все же у каждого из великих мастеров в их бытии наступает миг, когда по велению Рока, на какое-то мгновение художник обретает способность увидеть весь свой путь в искусстве целиком, будто отойдя в сторону и взирая на него с высоты добытых годами раздумий. Он еще полон сил. И вот тогда, как бы переосмыслив свою творческую судьбу, с невероятной силой создает один шедевр за другим. Наступает кульминация, невыразимый взлет, дающий дивные плоды. Куда-то отходят, а вернее, становятся незаметными житейские неурядицы, мастер уже не слышит голоса хулы, его не заботят мелкие препоны. Он творит! Таким мигом в жизни Михаила Александровича Врубеля был 1896 год, когда вечный скиталец, неустроенный и бездомный живописец обретает свою пристань. В его бытие входит Надежда и вместе с ней к художнику пришла музыка, гармония бытия. Сбылась его мечта. Он полюбил. Только шесть лет останется у него для создания всех своих основных шедевров. Всего шесть лет. Но за эти годы, 1896—1902, был создан «мир Врубеля» — эпоха в истории не только русской, но и мировой культуры. Только тяжкий недуг — плод невыносимого нервного напряжения, нечеловеческого труда и многолетнего непризнания — вдруг оборвет блистательный поток картин, чарующих нас дивной красотой, совершенством языка, первичностью ощущения прекрасного.

В те годы он напишет ряд великолепных портретов — С. И. Мамонтова, Арцыбушевых, сюиту портретов своей супруги Н. И. Забелы-Врубель. Одни только эти превосходные полотна могли уже создать художнику бессмертную славу, в них он предстает перед нами как чудесный мастер, владеющий всеми тайнами станковой живописи, обладающий даром проникать в сокровенные глубины человеческой души. Поражаешься редкому таланту художника, почти проникшего в веласкесовский секрет использования черного цвета. Удивляет такт, с которым Врубель-живописец, владевший редким талантом декоратора, оперирующего буквально всей радугой цвета, в этих своих портретах как бы собирает, умышленно гасит яркость гаммы холстов, подчиняя все раскрытию психологии портретируемых.

В жизни каждого художника бывают счастливые и несчастливые годы. Одним счастье улыбается с детства, у других лучи радости озаряют лишь поздние годы. В сложной, многогранной судьбе Врубеля не было с 1856, года рождения, безмятежного благополучия, он рано потерял мать, много скитался, переезжая с семьей из одного города в другой. Потом тяжелая пора учения, окрашенная невзгодами, лишениями, затем долгие, долгие годы непризнания, и вот, наконец, после порога пятого десятка лет намечается перелом. Год 1896-й начался превосходно. Заказы Мамонтова на огромные панно «Принцесса Греза» и «Микула Селянинович». Трудный, но все же успех этих произведений положил начало громкому звучанию имени живописца. Это придало ему уверенности, и, как мы помним, он тут же создает сюиту панно на тему гетевского «Фауста».

Врубель проводит летние месяцы 1900—1901 годов на хуторе Ге, гостя у дочери знаменитого художника. Здесь написаны такие жемчужины русского искусства, как «Царевна-Лебедь», «Сирень», «К ночи» и начат «Богатырь».

Надо же было случиться, что Врубелю было суждено писать в студии Николая Николаевича Ге, который еще в 1890 году — в один год с врубелевским «Демоном» — создал свою изумительную по глубине и колориту картину «Что есть истина?», явившуюся этапным, огромным по духовному накалу и экспрессии полотном в русской школе. На первых порах эпикуреец Врубель не принимал толстовскую философию Ге. Но с годами он понял силу «Голгофы», «Распятия» и осознал этическую мощь этих картин. Кстати, Врубелю этих лет стали близки и поздние композиции Александра Иванова, поднимавшие глубинные философские темы.

Надежда Ивановна Забела внесла во внутренний мир Врубеля не только обаяние женской прелести. В его сердце еще больше вошла музыка, и музыка отечественная. Знакомство, а потом настоящая дружба с Римским-Корсаковым открыли Михаилу Александровичу новое для него царство русской сказки, легенды, былины.

Вот что писал он композитору: «...Благодаря Вашему доброму влиянию решил посвятить себя исключительно русскому сказочному роду. Утешает меня еще и то, что настоящая работа является искусом и подготовкой вообще моего живописного языка, который, как Вы знаете и я чувствую, хромает в ясности».

Однако Врубель, как всегда, относится к себе слишком сурово. С первых серьезных шагов художник был очень близок к самым сокровенным основам русской культуры. Будучи в Италии, писал сестре о своей тоске по Отчизне, вспоминал русскую весну. Позднее он признавался ей, что ему «слышится... та интимная национальная нотка, которую... так хочется поймать на холсте и в орнаменте».

В народном, русском, Врубель улавливал ту своеобычность, которая так поражает в его полотнах. Он нашел в сердце народа «музыку цельного человека», не тронутого отвлеченностью... «упорядоченного, дифференцированного и бледного Запада».

Царевна-Лебедь. Глубокий смысл заложен всего в двух словах. Очарование родной природы, гордая и нежная душевность сказочной девушки-птицы. Тайные чары все же покоренного злого колдовства. Верность и твердость истинной любви. Могущество и вечная сила добра. Все, все эти черты соединены в чудесный образ, дивный своей немеркнущей свежестью и той особенной величавой красотою, свойственной народным сказам. Каким надо было обладать даром, чтобы воплотить этот чистый и целомудренный облик в картину! Рассказать языком живописи о сновидении, о невероятном. Это мог сделать только великий художник, постигший прелесть Руси.

«Крылья — это родная почва и жизнь»,— писал Михаил Врубель, а в другом обращении к близкому товарищу он восклицал: «Сколько у нас красоты на Руси... И знаешь, что стоит во главе этой красоты — форма, которая создана природой вовек. А без справок с кодексом международной эстетики, но бесконечно дорога потому, что она носительница души, которая тебе одному откроется и расскажет тебе твою. Понимаешь?»

Так осознать глубину самого сокровенного в искусстве дано очень немногим, и Врубель потому-то и смог написать шедевр нашей школы, ибо любил Отчизну, народ, красоту.

«Царевна-Лебедь».

В самую глубину твоей души заглядывают широко открытые чарующие очи царевны. Она словно все видит. И сегодня и завтра. Поэтому, может быть, так печально и чуть-чуть удивленно приподняты собольи брови, сомкнуты губы. Кажется, она готова что-то сказать, но молчит. Мерцают бирюзовые, голубые, изумрудные самоцветные камни узорчатого венца-кокошника, и мнится, что это трепетное сияние сливается с отблеском зари на гребнях морских волн и своим призрачным светом словно окутывает тонкие черты бледного лица, заставляет оживать шелестящие складки полувоздушной белой фаты, придерживаемой от дуновения ветра девичьей рукой. Перламутровый, жемчужный свет излучают огромные белоснежные, но теплые крылья. За спиной Царевны-Лебедь волнуется море. Мы почти слышим мерный шум прибоя о скалы чудо-острова, сияющего багровыми, алыми приветливыми волшебными огнями. Далеко-далеко, у самого края моря, где оно встречается с небом, лучи солнца пробили сизые тучи и зажгли розовую кромку вечерней зари... Вот это колдовское мерцание жемчугов и драгоценных камней, трепета зари и бликов пламени огней острова и создает ту сказочную атмосферу, которой пронизана картина, дает возможность почувствовать гармонию высокой поэзии, звучащей в народной легенде.

Невероятная благость разлита в холсте. Может, порою только легкий шорох крыльев да плеск волн нарушает безмолвие. Но сколько скрытой песенности в этом молчании. В картине нет действия, жеста. Царит покой. Все как будто заколдовано, почти скованно. Но вы слышите, слышите живое биение сердца русской сказки, вы будто пленены взором царевны и готовы бесконечно глядеть в ее печальные, добрые очи, любоваться ее обаятельным, милым лицом, прекрасным и загадочным. Художник пленил нас магией своей волшебной музы. И мы, жители двадцатого века, на миг оказываемся в неведомом царстве грез. Живописец-чародей заставляет нас на миг забыть о скепсисе, свойственном нашему отношению к чудесам, и властною рукою гения усиливает в сердцах наших чувства веры в добро, прекрасное.

«Пан». 1899 год. Сумерки. Еще синеют, отражая вечернее небо, воды маленькой речки, а в густой мгле, за черным частоколом старого бора встает молодой румяный месяц. О чем-то шепчутся березы, но тишина незаметно завораживает природу, и вот начинают сверкать голубые, родниковой свежести глаза Пана. Я вижу в гладком стекле, покрывающем картину, десятки внимательных молодых глаз, всматривающихся в этого доброго старика-мальчишку, вот-вот готового заиграть на свирели, и вновь убеждаюсь, что зрителям конца двадцатого века нисколько не претит фантастичность в искусстве, наоборот, они видят в этой картине простор для мечты. Кто из нас не слушал странные и не всегда понятные голоса ночной природы. Казалось, все рассчитали и высчитали мудрые ЭВМ, люди уже проникли в недра атома и в бездну космоса, но ощущение непознанности, загадки почему-то не покидает нас. Я не раз спрашивал себя, почему в эту невыносимую июльскую жару залы выставки Врубеля полны людей. Они глядят и молча размышляют...

Редчайший дар колориста проявил Михаил Александрович в своей картине «К ночи», созданной в 1900 году. Надо было обладать поистине феноменальной зрительной памятью, чтобы запечатлеть сложнейшую гамму задуманного полотна.

Приближается ночь. Веет прохладой от темных просторов древней скифской, степи, где гуляет ветер. Но земля, кони, одинокая фигура будто напоены жаром ушедшего дня. Багровые цветы чертополоха, рыжий конь — все будто несет следы ушедшего солнца. Отчина пращуров. Бродят лошади на фоне сумрачного неба, бескрайние дали тают во мгле, царит атмосфера первозданности, чистоты природы. И как воплощение ее души — не то сказочный пастух, не то бородатый леший, с огромной гривой волос, с могучим, словно кованным из меди торсом. Еле мерцает серп молодого месяца, гулкая тишина объемлет степные просторы, только храп коней да печальный крик ночной птицы нарушают безмолвие сумерек...

«Сирень». 1901 год. (Второй вариант.) Этот ноктюрн не дописан Врубелем. Но волшебные гаммы фиолетовых, лиловых тонов созвучно поют гимн красоте. Прохладой, свежестью веет от этого большого холста. Кисть мастера предельно раскована, каждый ее удар точен. Колера сиреневые и глубокие зеленые создают удивительное настроение спокойствия, умиротворенности. Незавершенность полотна приоткрывает нам творческий процесс художника, его поразительное умение намечать большие отношения цвета, точно видеть тон, внутренний орнамент холста. Из-за кустов сирени выглядывает смеющаяся голова духа природы, одного из тех, которыми древние мифы населяли мир. Даже незаписанный кусок холста с намеченным силуэтом задумчивой женской фигуры, сидящей на садовой скамейке, нисколько не снижает общего впечатления гармонии и раздумья, которыми пронизан холст.

Трудно поверить, что близок грозный финал творческого пути.

«Демон». 1902 год. Художник ощущает приближение неотвратимого конца. Все силы его напряжены до предела. Он десятки раз переписывает огромный холст. Современники вспоминают, что уже на выставке «Мира искусства», где было экспонировано полотно, Врубель каждое утро над ним работал.

Это был «Демон поверженный» — так называют его сегодня. Как изменился герой картины 1890 года! Всего двенадцать лет отделяют того цветущего, полного сил юношу от этого смятенного, истерзанного облика. Лишь в глазах Демона сохранилась с тех лет та же тоска, сила прозрения. Но страшнее сведены брови. Глубокие морщины прорезали лоб.

С невероятной высоты упал Демон. Бессильно распластаны крылья. В безумной тоске заломлены руки. И если в раннем холсте мы ощущаем хаос рождения, в котором живет надежда, то в поверженном Демоне царит крушение. Никакое богатство красок, никакие узоры орнаментов не скрывают трагедии сломленной личности.

Напрасно трактовать врубелевского Демона как духа зла, свергнутого с небес всемогущим богом. Думается, оба Демона — и 1890 и 1902 годов — глубоко автобиографичны. Мастер, как никто знавший объем своего дарования, свою творческую силу, не исполнил грандиозных замыслов, которыми была полна его душа, он как бы прочертил сам свой путь в искусстве. И если в «Демоне сидящем» тридцатитрехлетний художник, испытавший непомерное разочарование в осуществлении многих надежд, еще полон сил, то сорокашестилетний Врубель мужественно и невероятно ясно ощутил грядущий финал своей бесконечно тяжелой и полной разочарований судьбы. Нервы его не выдержали. Ни забота любимой жены, ни желанное признание не смогли вернуть потерянных нервных клеток. Тяжкий недуг свалил художника.

В «Демоне» 1902 года есть деталь, которая не раз заставляет задуматься о секретах, заключенных в еще не до конца исследованной системе человеческого организма. Всмотритесь в розовый луч зари, осветивший корону демона. Свет упал из-за гор, он намечен двумятремя ударами кисти на фоне диких скал. В наступающей тьме безумия художник верил в возвращение света, в новую зарю творчества. И она пришла. Врубель вернулся к живописи. Эти мгновения были недолги. Жемчужиной той поры стал портрет Н. И. Забелы 1905 года «После концерта». Догорают, тлеют угли большого камина. На широкой тахте дама в вечернем туалете. Ее образ словно размыт временем. Резкими линиями намечено платье, декор камина, но нежны касания руки, рисующей портрет любимой. Художник будто прощается с дорогим ему человеком, видит ее через встающую между ними фатальную преграду. Этот холст глубоко трагичен. В нем с невероятной яркостью предстает вся драма судьбы мастера.

Врубель ушел... О похоронах, состоявшихся в апреле 1910 года, с волнением рассказывает дочь П. М. Третьякова — А. П. Боткина: «...похороны... Но какая ирония! Отпевали в Академии, заведовал всем Беклемишев... Царили ученики Академии, студенты, ученики школы Званцевой (Бакста) и члены Союза русских художников. Их была масса, несли гроб попеременно. Среди Вознесенского — несли Бенуа, братья Лансере, Добужинский. Вообще было очень хорошо. А на кладбище, на краю, среди поля гора венков. Блок говорил, а над головами жаворонки заливаются».

Репин с горечью вспоминал: «Чем больше лет проходит со дня его кончины, тем все значительнее и прекраснее предстает перед нами образ певца красоты, творца неувядаемых шедевров русского искусства Врубеля».

Михаил Александрович Врубель — фигура огромная и сложная, его искусство достигает поистине планетарного звучания. К сожалению, мы порою как-то вяло и стеснительно оцениваем вершины нашей живописи. Может быть, здесь вступает в действие загадка, которую в свое время отметил великолепный художник Борис Кустодиев. Он писал: «Мы, русские, не любим свое, родное. У нас у всех есть какое-то глубоко обидное свойство стыдиться своей «одежды» (в широком смысле этого слова), мы всегда стремимся скинуть ее и напялить на себя хотя «поношенный», но обязательно чужой пиджачок». И далее он говорил: «Конечно, надо знать мировое искусство, чтобы не открывать америк, не быть провинцией, но необходимо уметь сохранить в себе нечто свое, родное и дать в этом нечто большое и равноценное тому крупному, что дает Запад».

Россия — молодая страна. Это не Индия или Италия... Но и она успела создать величайшие самобытные памятники мировой культуры, огромны достижения ее в области литературы, музыки и живописи. Да, живописи. Хотя тут же немедля вспоминаю глумливое лицо одного институтского доцента, который нам доверительно сообщал, что «Ромен Роллан рысью пробежал всю Третьяковку, лишь два часа простояв в задумчивости у «Троицы» Рублева...». Это было лет сорок тому назад. Помню, я спрашивал у Игоря Эммануиловича Грабаря: правда ли это? Академик пристально взглянул на меня, его розовое лицо с гладко выбритой головой стало красным, безбровые глазки блеснули из-под стекол очков, и он сказал одно слово: «Чушь!..»

Боже мой, как ненавидели Брюллова, Репина, Васнецова, Врубеля, Сомова некоторые леваки поры двадцатых годов, каких только кличек на них не навешивали: и иллюстраторы, и пошляки, декаденты, и бездумные станковисты...

«Москва — Париж». Так называется огромная выставка, на которой экспонируются сейчас в столице сотни выдающихся произведений русского, советского и французского искусства. Живая связь двух великих стран, их народов нашла свое отражение в преемственности явлений культуры, и это имеет поистине глубокий и серьезный смысл, требующий неспешного, фундаментального анализа.

Именно на этой выставке особо ощутима масштабность пластического звучания шедевров Врубеля «Царевна-Лебедь» и «Сирень». Они в свое время подвергались нападкам формалистов, обзывались «декадентскими», причислялись к продуктам распада буржуазной культуры. Но, к счастью, пора всеотрицания и переоценок классических творений великих художников прошлого миновала. И с новой силой звучат вещие слова Гоголя:

«Мир — как водоворот: движутся в нем вечно мненья и толки; но все перемалывает время. Как шелуха, слетают ложные и, как твердые зерна, остаются недвижные истины. Что признавалось пустым, может явиться потом вооруженное строгим значеньем».

УРАГАН

Семен **ЦВИГУН**

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Костиков сидел в углу подвала на ящике, курил сигарету и время от времени поглядывал на часы. Его вторая боевая группа расположилась на полу. Одни дремали, другие тихонько разговаривали между собой, третьи набивали патронами запасные диски и рожки.

Когда стрелки на циферблате показали 1 час, Костиков подозвал к себе пулеметчиков Куркина и Елисеева.

— Берите станковый пулемет, обойдите депо с запада и оседлайте железнодорожную ветку, идущую от узловой станции. Держите ее так, чтобы ни один фриц не прорвался, пока мы будем в депо. Отходить будете в лес, примыкающий к цементному заводу. Сигнал для отхода — две зеленые ракеты. Сбор в лесу у теплого родника.

— Это там, где мы делали последний привал перед выходом к заводу?— спросил Елисеев.

— Совершенно верно,— подтвердил Костиков.

— Живы будем — найдем!— Елисеев, взяв за ручку пулемет и стараясь не задеть лежавших партизан, покатил его к выходу. За ним, осторожно переставляя ноги, держа тяжелые металлические коробки с пулеметными лентами, обвешанный гранатами, с автоматом на груди шел Куркин.

Они вышли с территории завода, остановились, огляделись. Где-то слышался лай собак; северный ветер доносил со станции слабые звуки паровозных гудков; с неба валил густой мокрый снег. Он залеплял глаза, таял на лицах, стекая холодными каплями за воротник.

— Похоже, что ночь для нас подходящая,— проговорил Елисеев и, не ожидая ответа, крепко взялся за ручки пулеметного станка, поставленного на широкие короткие лыжи. Двинулись, увязая в рыхлом снегу.

Наконец, изрядно вспотев, в 1 час 40 минут они вышли к железнодорожной ветке, выбрали удобную для обстрела позицию, установили пулемет и приготовились, внимательно вглядываясь в сторону станции, вслушиваясь в шорохи, шум, звуки.

Костиков поднял своих партизан ровно в 2 часа ночи. Встав на лыжи, они быстро и осторожно пошли к железнодорожному депо. Отойдя на некоторое расстояние, разделились на три части. Одна подобралась к западным воротам, бесшумно сняла двух немецких часовых, пробралась в депо и стала закладывать взрывные устройства под паровозы.

В это время один из партизан другой подгруппы, подходившей к северным воротам, неожиданно въехал на заминированный немцами участок. Сразу раздалось два взрыва.

Несколько немецких солдат мгновенно выбежали из караульного помещения и обнаружили приближающихся к депо партизан. Завязалась короткая перестрелка. Дежурный ефрейтор успел сообщить коменданту из караульного помещения по телефону о нападении и был убит.

В это время третья подгруппа во главе с Костиковым ворвалась через восточные ворота в депо. Все вместе быстро принялись за дело — выводить из строя танки, паровозы, оборудование, готовить здание депо к взрыву. Надо было успеть покинуть депо до немцев, которые, конечно же, примчатся на сигнал убитого ефрейтора.

Эсэсовцы не заставили себя долго ждать, но были замечены лежавшими за шпалами Елисеевым и Куркиным. Прямо на них летел броневик, следом бежали человек двадцать. Елисеев направил пулемет на бежавших, несколько упало на снег, остальные приблизились, стреляя из автоматов. Где-то рядом раздался взрыв — немцы кинули в пулемет гранату, но она не долетела. Взрывной волной пулемет отбросило в сторону, осколком ранило в голову Елисеева.

Взвалив на плечи Елисеева, Куркин оттащил его за штабеля шпал и пополз за пулеметом. Броневик настиг его за два шага от «максима». Но немцам не дано было знать, что за поясом у пулеметчика граната.

Как эхо, окрестности оглушил еще один взрыв — это взлетело на воздух депо. И в ту же минуту небо осветилось зеленым светом: в сторону станции полетели две ракеты.

Через десять дней на базу партизанского отряда вернулись с задания боевые группы Железняка, Костикова и другие.

Николаев выслушал доклад каждого командира о выполнении боевого задания, расспросил о погибших. Взглянув на стоящего у двери младшего Голубева, сказал с укором:

— Как же ты отца не уберег?

— Не смог, Георгий Сергеевич. Сам не знаю, как все это случилось.— Николай опустил голову.

Командир отряда помолчал. Горькие думы его одолевали — многих отличных ребят недосчитались сегодня. Трудно было с этим примириться. Но надо было жить дальше. Жить и воевать.

Он тихо заговорил:

— Вы нанесли серьезный удар по фашистским захватчикам. Поздравляю с образцовым выполнением задания. В боях пали смертью храбрых наши братья. Прошу командиров позаботиться об их семьях. Безмерно тяжела наша утрата, но война без жертв не бывает, это вы знаете. На место погибших встают новые бойцы. Уничтожим фашизм и тогда воздвигнем памятники героям, отдавшим жизнь за свободу и независимость Родины. Родина золотом впишет их имена в нашу историю.

— Товарищ командир,— обратился к Николаеву Железняк,— с нами пришли жители из сожженных деревень и группа отбитых нами у немцев военнопленных. Как с ними быть?

— Разберитесь с каждым из них сами. Здоровых потеплее оденьте, зачислите в свои группы вместо погибших товарищей, научите обращаться с трофейным оружием. Женщин и детей, а также тех, кто нездоров, определите пока на жительство в лесных поселках. Как окрепнут, их тоже возьмем в отряд. А сейчас всем, кто принимал участие в боевых операциях, отдыхать. Трое суток...

Оставшись один, Николаев вызвал к себе начальника штаба:

— Радиограмма готова, Сергей Николаевич?

— Так точно, готова!— Никифоров вынул из планшетки лист бумаги, исписанный убористым почерком, и положил на стол.

Командир достал из футляра очки, протер их белым носовым платком, надел и стал читать.

Москва

Штабу партизанского движения

Докладываем, что партизанским отрядом «Смерть фашизму», в котором насчитывается 357 партизан, с момента действия отряда пущено под откос 15 немецких эшелонов с военной техникой и войсками противника. Взорвано два железнодорожных моста, девять шоссейных мостов, железнодорожное депо с 29-ю паровозами, 20-ю находившимися на ремонте танками. Убито 527 немецких солдат и офицеров и 45 полицейских. Захвачено несколько немецких офицеров, представляющих интерес для Главного разведуправления Красной Армии. Если будет самолет, готовы отправить их на Большую землю.

За это же время отряд потерял убитыми 203 партизана, но пополняется за счет местного населения, окруженцев и военнопленных, бежавших из немецких лагерей.

В связи с проведенными гестапо массовыми арестами партийно-советского актива нами потеряна связь с подпольным обкомом партии. Отряд не имеет радиосвязи и медикаментов. Просим срочно направить к нам опытного радиста с радиостанцией, квалифицированного переводчика немецкого языка, медикаменты.

Командир партизанского отряда «Смерть фашизму» Г. Николаев.

Комиссар отряда П. Володин.

Начальник штаба С. Никифоров.

Пробежав глазами текст, Николаев вырвал из блокнота листок, размашистым почерком написал:

«Глубокоуважаемый Семен Иванович! Прошу срочно передать нашу радиограмму через ваши возможности в штаб партизанского движения. Ответ просим незамедлительно переслать через нашего связного.

С приветом Г. Николаев».

Затем вложил радиограмму вместе с запиской в конверт, заклеив, написал на конверте: «Вручить лично капитану Афанасьеву». Вызвал к себе Сергея:

— Ну, сынок! Настал и твой черед. Вот, держи конверт. Любой ценой это надо доставить начальнику разведгруппы «Пламя» капитану Афанасьеву. При угрозе захвата уничтожить. Вопросы есть?

— Отец, я же по твоему указанию сформировал боевую группу и подготовил ее для разведки немецкого аэродрома под Высокиничами. Как же быть теперь?

— Аэродромом займешься после возвращения, если по нему до этого не нанесут удар наши летчики. Учитывая, что расстояние от нас до базы капитана Афанасьева немалое, возьми для подстраховки из своей группы двух-трех ребят.

— Отец, спасибо за доверие! Разрешите идти?

Командир подошел к сыну, крепко обнял его, расцеловал в обе щеки, хлопнул по плечу.

— Иди, сынок. Только будь осторожен.

— Не маленький, сам знаю.— И радостно заторопился к выходу.

ПОЖАР

Второй батальон полка особого назначения, укомплектованный бывалыми пограничниками, под командованием майора Млынского, прибыл на железнодорожную станцию в тот момент, когда зенитчики только что отразили очередной налет вражеских самолетов. Горели нефтеналивной состав и стоящие рядом с ним вагоны, груженные строительным лесом. Здание вокзала лежало в развалинах. Густой черный дым и копоть стелились по земле. Дым ел глаза. Выбрасывая вверх клубы огня, взрывались цистерны с бензином. От горящих

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—28.

брызг загорелись расположенные у железнодорожных путей складские помещения.

Железнодорожники при помощи местных жителей самоотверженно пытались укротить огонь, вытаскивали из склада мешки с мукой, крупой, сахаром, ящики с консервами, коробки с маслом, но порывистый холодный ветер вновь раздувал охватившее склады пламя.

Подбежавшие к разбитому вокзалу пограничники во главе с майором Млынским увидели рядом с горящим на железнодорожных платформах строительным лесом эшелон с зачехленными зеленым брезентом танками. На некоторых из них брезент уже дымился. Рядом с этим эшелоном стояли вагоны с боеприпасами. Вдоль эшелона, придерживая правой рукой расстегнутую кобуру нагана, бежал к вокзалу пожилой старший лейтенант.

Млынский преградил ему путь, указал на вагоны с боеприпасами.

— Стойте! Куда бежите? Это ваш состав?

Старший лейтенант, не понимая, чего от него хотят, тяжело дыша, остановился. Взглянул на шпалы в петлицах Млынского, вытянулся, доложил:

— Товарищ майор! Я комендант этого эшелона. Там авиабомбы, снаряды, патроны... Ищу начальника станции. Надо немедленно вывести состав в безопасное место, иначе все взлетит к черту! А боеприпасы вот как нужны фронту.

Выслушав старшего лейтенанта, Млынский тут же приказал подбежавшему к нему капитану Боярскому:

— Срочно сюда роту пограничников. Будем спасать боеприпасы!

И когда через несколько минут рота пограничников подоспела к эшелону с боеприпасами, Млынский первым бросился к вагонам и схватился за стальную ручку тамбура. Громко приказал:

— Наша задача, товарищи, вывести эшелон из зоны огня. Любой ценой, чего бы это ни стоило. Давайте дружно!

Всем корпусом навалился на ручку тамбура. Его примеру последовали все пограничники. Упираясь ногами в замерзшую землю, напрягаясь, как сжатая пружина, прилагая все свои силы, майор громко выкрикнул: «Раз, два — взяли!»

Но как ни старались пограничники, эшелон сдвинуть с места не удалось. А пожар на железнодорожных путях разгорался.

— Надо делать иначе!— воскликнул Боярский. Подбежал к первому вагону и проворно отцепил его от остальных.

Бывалые пограничники тут же бросились к вагону, без особых усилий сдвинули его с места и покатили по путям. Сдвинутый с места вагон толкали вперед лишь несколько бойцов. Так же поступили и со всеми остальными вагонами. Эшелон был спасен.

Повеселевший пожилой старший лейтенант, приложив руку к покрытой гарью шапке-ушанке, бойко проговорил:

— Товарищ майор! Большое спасибо! Большое спасибо! И вам и вашим пограничникам! Разрешите узнать вашу фамилию?

— С детства Млынским величают,— впервые улыбнувшись, представился майор.

— А меня Самсоновым,— отозвался усатый комендант.

Во время этого короткого разговора солдаты первой роты под командованием капитана Боярского начали столь же успешно выкатывать из зоны огня и эшелон с танками, один вагон за другим.

После этой успешной операции разгоряченный капитан Боярский немедленно бросился с первой ротой к складам и подбежал туда в тот момент, когда языки пламени уже лизали всю крышу приземистого деревянного здания, в котором хранились мука и консервы. На двух других складских помещениях, расположенных рядом, тлели лишь небольшие части крыши.

Суетились пожарные и железнодорожники—с водой было плохо: водокачка разрушена. Тушили подручными средствами — закидывали огонь снегом, воду таскали откуда-то ведрами, кидали комья оттаявшей земли. Должно быть, внимание следовало сосредоточить на том, чтобы успеть вытащить со склада продукты, пока крыша не рухнула.

Жители выносили продовольствие через одну широкую дверь. На второй висел большой замок. Возле него возились два железнодорожника, пытаясь его сбить, но замок не поддавался. Увидев пограничников, они обрадовались.

Капитан Боярский отдал команду:

— Первому и второму взводам любой ценой потушить пожар. Третьему — принять меры к спасению государственного имущества.

Кто-то обратил внимание на лежавшее рядом со складом бревно. Бревно быстро подхватили и долбанули им по запертой двери. Дверь затрещала, сорвалась с петель. Вбежавшие в склад увидели упакованные в больших деревянных ящиках и подготовленные к отправке на восток станки и промышленные товары.

Дело наладилось быстро: ящики обвязывали веревками и по выщербленному цементному полу тащили к дверному проему, затем на подставленных к складской платформе досках спускали на землю. Там их подхватывали и относили в безопасное место.

Не прошло и десяти минут, как склад наполнился дымом, стало невозможно дышать. Дым невыносимо ел глаза. Боярский приказал надеть противогазы. Когда склад уже наполовину опустел, рухнула объятая огнем крыша. На выручку бросился подоспевший с третьей ротой Млынский.

Баграми разгребая горящие обломки, пограничники извлекли из-под них раненых и убитых. Среди них обнаружили капитана Боярского.

Его на руках вынесли на воздух, сняли нагревшуюся противогазную маску. Лицо капитана было в кровоподтеках. Крепко сжав зубы, он сделал попытку встать, но не смог. Увидев Млынского, Боярский потрескавшимися, сочившимися кровью губами прошептал:

— Товарищ майор. Виноват, так нескладно получилось.

— Успокойся, дорогой, твоя-то в чем вина? Сейчас тебя перевяжет наша Зиночка, и мы отправим тебя в госпиталь.

— Иван Петрович! Если я не выживу, не сообщайте пока жене, а то днями она должна родить.

— Дорогой мой Николай Степанович! Крепись. Мы с тобой еще на крестинах погуляем.

Боярский хотел улыбнуться, но не смог. Зина склонилась над ним, салфеткой обтерла его мокрое и грязное лицо, ножницами разрезала прогоревшую в нескольких местах гимнастерку, майку, стала перевязывать раны. Капитан застонал.

— Потерпи, миленький, потерпи еще немножко, скоро будет легче.

Как только она закончила перевязку, пограничники осторожно положили его на носилки, перенесли в санитарную машину и отправили в госпиталь. Погибших положили в кузов полуторки.

Пожар на станции затухал, догорал эшелон с лесом, в воздухе стоял неприятный запах от сгоревшей лакокраски, едкий черный дым медленно поднимался вверх над лежавшим в развалинах первым складом.

НА БАЗЕ РАЗВЕДГРУППЫ «ПЛАМЯ»

Группа лейтенанта Горохова, не заходя в населенные пункты, избегая стычек с мелкими подразделениями немцев и полицейскими, глухими тропами пятую ночь по азимуту двигалась на запад, к Гнилому озеру. На рассвете они выбирали в лесу удобное место, выставляли вокруг посты и останавливались на привал.

Чтобы никому не было обидно, лейтенант сменял часовых через каждые два часа.

Когда на пятые сутки к вечеру мороз стал крепчать, лейтенант распорядился выдать для согрева по сто граммов самогонки. Молодой веснушчатый партизан Димка с вихрастым чубом, выбивавшимся из-под черной кубанки, с канистрой в руках обходил сидевших под заснеженными деревьями или стоявших на поляне партизан, наливал в граненый стаканчик отдававшей свеклой белой мутной жидкости и подносил. Партизаны пили, морщились, вытирали губы. Некоторые просили налить по второй, но Димка всем отвечал:

— Лейтенант сказал: у партизан должно все быть так, как в Красной Армии. Там красноармейцы, командиры и политработники получают только по сто граммов водки, и вы извольте столько же... Не знаю уж, что будем делать, когда кончится эта влага?

— Не горюй, Димка! У фрицев отвоюем. Шнапс у них знатный,— утешил его усатый с седеющими висками помкомвзвода.

Стоявший рядом с ним пожилой партизан, вынув из висевшей через плечо противогазной сумки алюминиевую кружку, попросил:

— Эй, парень, пожалей старика, плесни-ка еще, а то все кости ноют, боюсь, как бы не свалиться в пути, не стать вам обузой.

Димка налил граненый стаканчик, опрокинул в кружку, старик выпил залпом и снова протянул кружку.

— Не положено, не имею права,— проговорил Димка и сделал шаг в сторону. Старик придержал его за рукав, протягивая кружку.

Помкомвзвода, посмотрев на начавшего злиться Димку, тихо сказал:

— Уважь бородача, добавь ему еще сто граммов за мой счет.

— Ну, за ваш счет — это другое дело.— Димка снова наполнил стаканчик.

Старик выпил, крякнул, провел ладонью по окладистой рыжей с проседью бороде, поглядел на помкомвзвода и сказал:

— Спасибо, сынок, что поддержал старика, добром при случае отплачу.

— Да что за услуга, я все равно не пью, в рот не беру это зелье,— отозвался помкомвзвода.

— Для согрева тела эта жидкость очень пользительна, проверено не однажды. И как хорошему человеку даю вам добрый совет: сто граммов ежесуточно пропускайте — хорошо организму прочищает. А коль душа не принимает, то оно, конечно. Тогда с благодарностью осушу и вашу порцию.

— Спасибо за совет. Учту и ваши пожелания. Пойду-ка проверю посты, чем пустые разговоры разговаривать. В пути и согреюсь,— проговорил помкомвзвода и направился в лес. Бородач сузил выцветшие глаза, с неприязнью посмотрел ему вслед, сердито прошипел:

— Ишь, пустые разговоры, сам ты пустой! — Как только помкомвзвода скрылся за деревьями, он сел на пенек, вынул из сумки консервную банку, стал подогревать ее на спиртовке.

В это время вдали, в западной части леса послышался быстро нараставший прерывистый гул самолета. «Воздух!» — крикнул лейтенант Горохов. Партизан с поляны как ветром сдуло. Только бородач продолжал сидеть на пеньке и с аппетитом уминал подогретую тушенку. Лейтенант Горохов, увидев его, строго спросил:

— А вас, товарищ Шацков, разве команда не касается? Почему проявляете недисциплинированность?

Бородач вскочил, вытянулся и, приложив руку к заячьей шапке, пробасил:

— Виноват, товарищ начальник, исправлюсь! — переступив с ноги на ногу и не спуская глаз с подошедшего к нему Горохова, сказал:—Стар я уже быстро бегать, товарищ лейтенант, да и фрицев я не боюсь, чтоб прятаться от них. Я добровольно пришел к вам в отряд, чтобы с ними воевать, мстить за разрушенные и разграбленные наши города и села, за муки и страдания нашего народа. Я свой век прожил, убьют — не велика беда, детей и родственников у меня нет, оплакивать некому.

— Вы, партизан Шацков, не выполняя приказ, демаскируете всю нашу группу, а это значит, что из-за вас мы можем погибнуть все, и задание, данное нам командиром отряда, останется невыполненным.

— Ну, понес на старика, понес!.. Я же сказал вам, товарищ лейтенант, что приму во внимание ваше замечание, исправлюсь. Чего вы еще от меня хотите?— уже сердито, раздраженно ответил Шацков.

— Только одного — чтоб вы были, как и все другие, дисциплинированным партизаном.

Шацков, взглянув исподлобья на лейтенанта, произнес:

— Постараюсь подтянуться, думаю, что вы будете мною довольны.

Они вместе направились к ельнику, где

укрылись партизаны. Не прошли и десяти шагов, как на бреющем полете над ними пролетела с большими черными крестами на крыльях и фюзеляжах «рама», обстреливая поляну из пулеметов.

— Заметили гады, теперь нужно быстрее отсюда убираться,— с горечью сказал лейтенант, подходя к партизанам.

— Это Шацков нас подвел, торчал на поляне, как прыщ на заднем месте. Наказать его надо за невыполнение приказа,— раздавались недовольные голоса.

— Успокойтесь, товарищи! Я строго предупредил Шацкова. Он осознал свою вину, обещал исправиться.

— Горбатого могила исправит!— выкрикнул Димка.

Шацков зло покосился в его сторону, сквозь редкие зубы прошипел: «Щенок!» Димка не слыхал этих слов, но, увидев его колючие, горевшие злобой глаза, отошел от него. Стоявший рядом с дедом помкомвзвода сказал:

— Я думаю, что Шацков понял свою ошибку и больше подобного не допустит.

— Поживем — увидим,— вставил партизан средних лет, перетянутый крест-накрест пулеметными лентами.

— Это точно, с этим дедком мы еще хлебнем горюшка, больно он у нас самостоятельный.

Горохов громко проговорил:

— Товарищи партизаны! Прекратить разговоры. Всем встать на лыжи и, укрываясь за деревьями, быстро двигаться за мной строго на запад. В пути на поляны и просеки не выходить. От группы никому не отставать. Через два часа стемнеет, тогда и отдохнем. Раненого партизана Квашнина я поручаю вам, товарищ Сулимов. В пути вас будет подстраховывать помкомвзвода Лихачев.

— Все будет как надо, товарищ лейтенант, не волнуйтесь,— отозвался фельдшер Сулимов.

— Все приготовились?

— Так точно.

— Поехали!— Взмахнув палками, Горохов с силой оттолкнулся и устремился вперед. За ним двинулась вся его группа.

«Рама» еще раз на бреющем полете прошла над лесом, но, никого не обнаружив, отвалила вправо и, набрав высоту, улетела на запад. К вечеру подул сильный северный ветер, повалил густой снег. Идти стало труднее. Ветер забивался под одежду, холодил тело, слепил глаза, обжигал лицо. Лейтенант через каждые два часа делал короткие остановки, поджидал отставших и снова двигался дальше. Далеко за полночь, видя, как сильно люди устали, он сделал привал. Выставив охрану у просеки, лейтенант отдал приказ отдыхать. Партизаны натягивали поглубже на головы шапки, опускали наушники, поднимали воротники, ложились на снег, под головы подкладывали вещмешки и тут же засыпали.

Фельдшер Сулимов бродил между заснувшими, смотрел на часы и через каждые двадцать минут заставлял переворачиваться.

— Зачем ты беспокоишь людей?— возмутившись, спросил Горохов.

— Боюсь, чтоб не простудились. Дело в том, что холод добирается к телу через полушубок за 30 минут, а я их бужу на десять минут раньше.

— Это что, научно обосновано медицинской практикой?

— Нет, это мой личный опыт, товарищ лейтенант, приобретенный и испытанный в нашем партизанском отряде. Советую в случае необходимости пользоваться им, ошибки не будет при условии, что все партизаны будут одеты по-зимнему.

— Посмотрим завтра, как будут чувствовать себя партизаны, не подведет ли ваш метод.

Через два часа лейтенант Горохов снова поднял всех на ноги, разрешил Димке выдать для согрева боевые сто граммов и сухой паек. Партизаны отдохнули, подкрепились, приободрились и по просеке пошли на запад.

Продолжение следует.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

ЭПОС «ТИ

Леонид ЕРШОВ,
доктор филологических наук

«Тихий Дон» открывается словами старой казачьей песни. Драматические судьбы одного из прекрасных краев русской земли, воспетые народным гением, перекликаются с суровым трагизмом эпического творения Михаила Шолохова. Неразрывность связей с землей, народной судьбой и песней — залог успеха художника. Все это полной мерой отпущено создателю крупнейшего эпоса XX века, полустолетие выхода из печати первого тома которого торжественно отмечали три года назад.

Константин Прийма, автор книги «С веком наравне» (Ростовское книжное издательство), сам уроженец южных степей России, и, видимо, оттого ему так близки народные корни, фольклорные истоки шолоховской эпопеи. Однако нигде нет и следа локальных воззрений, того, чем грешили отечественные и зарубежные интерпретаторы, нередко истолковывавшие «Тихий Дон» в узких рамках «казачьей эпопеи».

Достоинство труда К. Приймы в том, что автор его объясняет смысл шолоховских творений в полном согласии с их истинным содержанием. Законен вопрос: а как же иначе? Однако долгий и зачастую горький опыт раздела науки о литературе, именуемого ныне шолоховедением, свидетельствует об обратном. Только в последние полтора десятилетия усилиями Ф. Бирюкова, А. Мацая, В. Петелина, К. Приймы, А. Хватова и других стал утверждаться объективный взгляд на главное произведение писателя.

Деятельность этих литературоведов обозначила решительный поворот к подлинному исследованию творчества художника с использованием всего арсенала литературоведческой науки, выработанного ранее применительно к изучению наследия русской классики. Это ознаменовало, не могло не ознаменовать пересмотр многого, что накопилось к тому времени. Тогда-то и отпали ложные конструкции, возведенные еще в пору рапповской, вульгарно-социологической критики. Оказались несостоятельными концепции, не соотнесенные с истинным содержанием шолоховской эпопеи. Не выдержали испытания антиисторические, волюнтаристские трактовки истоков трагедии главного героя «Тихого Дона» Григория Мелехова.

В литературной мысли 70—80-х годов прокладывает дорогу тот метод, где органично соседствует скрупулезный анализ с широким социально-историческим синтезом.

Предшественники и современники Шолохова писали о трудностях революции в России, воссоздавали ее этапы, сложные и суровые коллизии. Автор «Тихого Дона» заговорил о трагизме исторической полосы перехода от старого, веками формировавшегося уклада к новому строю жизни. Он разглядел такое глубинное содержание переходной эпохи от капитализма к социализму, которое ускользало от взора многих как у нас в стране, так и за рубежом. Потому-то опыт его художественного исследования приобрел в XX веке поистине универсальное, общечеловеческое значение.

«Тихий Дон» — это не просто широкая панорама предреволюционной и революционной России. Это эпос народной жизни, где предстает не столько быт, сколько бытие русского народа в один из самых бурных моментов его истории. Огромное полотно, воссозданное кистью художника-эпика, переливается всеми цветами страсти, оно красочно и полифонично и вместе с тем объемно, удивительно рельефно. Шолохов протягивает нити в прошлое, пытает современность и дает прогнозы на будущее.

Шолоховская эпопея заимствует у народа не только оценку общественно-исторических событий, нравственные критерии, но и непосредственный художественный материал — песни, пословицы, поговорки. Судьба народа прослежена на протяжении многих лет с учетом всего лучшего, что накопилось в историческом опыте нации. При этом идеально сочетаются эпические по своей природе картины действий широких масс и резко индивидуальные и в то же время типические характеры русских людей. Своеобразие «Тихого Дона» в том, что его автору удалось добиться редкой гармонии: уравновесить в сложной полифонии романа образ главного героя Григория Мелехова и собирательный образ народа. Так борения и страдания, поиски и обретения широких народных масс воплощаются и в сценах, где действуют большие толпы людей: собрания, митинги, шествия, сражения,— и фокусируются на интимном экране души, освещая всепроникающим лучом самое затаенное и заветное.

Подвиг Шолохова, как создателя «Тихого Дона», гармонически совпал с объективно сложившейся исторической ситуацией: ведь именно Октябрьская революция возвратила надолго утраченное эпическое состояние мира. Таким образом, возможность возрождения эпопеи на советской земле, в советскую эпоху под пером Шолохова превратилась в действительность. Это и было чутко уловлено прогрессивными иностранными публицистами, учеными, литераторами, называвшими «Тихий Дон» «романом-фреской», «красной Илиадой», «пролетарской сагой».

Героями «Тихого Дона» движут большие страсти, высокие чувства и помыслы. Они стоят на перекрестке эпохальных дорог истории, и отсюда острота социальных коллизий, в пучину которых они ввергнуты. Но шолоховский герой не песчинка в этом кипящем водовороте. Про человека такого крутого замеса, как Григорий Мелехов, никак нельзя сказать, что его «заела среда». В «Тихом Доне» есть все, чего ждешь от трагедии: герой огромной нравственной мощи, его тяжкий путь борьбы и познания истины, мотивы вины и неотвратимость возмездия. Эпопея потрясает читателя бурей мятежных чувств, а в финале — очищающим душу катарсисом.

В книге «С веком наравне» показана глубочайшая, органичная народность шолоховского эпоса, верность художника правде истории. Исследователем, помимо всестороннего текстологического анализа, привлекаются самые многочисленные свидетельства. К. Прийма вводит в литературный обиход чрезвычайно ценные материалы: неопубликованные письма Шолохова, изложения бесед с ним, малоизвестные документы, относящиеся к периоду гражданской войны на Дону. Все это позволяет более убедительно и полно воссоздать историческую основу великой шолоховской эпопеи, глубже постичь ее реализм и народность.

В статье «К творческой истории «Тихого Дона» речь идет о колоссальной предварительной работе, которая предшествовала созданию эпопеи. Шолохов тщательно изучил десятки книг о Донском крае, многое из того, что было написано о первой мировой войне, событиях на Дону, проштудировал обширную мемуарную литературу. Архивы Москвы, Ростова-на-Дону, Новочеркасска видели в своих стенах молодого писателя.

«Для М. А. Шолохова, который безусловно соотносил информацию, поступающую к нему из архивов,— пишет К. Прийма,— с информацией, которую он черпал в книгах современников, стало совершенно очевидным, что некоторые историки предвзято замалчивали многие факты и события и в первую очередь причастность к проведению ошибочной политики «расказачивания» Дона председателя РВС Республики Троцкого и председателя Донбюро Сырцова».

В книге К. Приймы освещено и то, как по-новому, в полном соответствии с правдой истории, воплощена Шолоховым тема русского казачества. В этом вопросе было особенно много непроясненного, запутанного, а зачастую и попросту неверного (легенды о казачестве как едином «сословном монолите», «железной гвардии» престола и т. п.). Опираясь на строго выверенный материал шолоховской эпопеи, новые факты и научные разыскания последних лет (труды М. Алпатова и С. Семанова), К. Прийма восстанавливает истинную картину.

Противоречивость социально-исторической ситуации на Дону в годы гражданской войны существенно осложнилась неверными действиями представителей Донбюро и Реввоенсовета республики. К. Прийма показывает, насколько точно в шолоховской эпопее изображена подлинная историческая действительность, как заблуждения части трудового казачества были усугублены ошибочными шагами тех, кто отвечал за осуществление революции на Дону.

На страницах книги К. Приймы обстоятельно освещена драматическая история публикации третьего тома «Тихого Дона». Два года и девять месяцев упорной борьбы с «ортодоксами» РАПП потребовалось М. А. Шолохову, чтобы предпоследняя книга эпопеи увидела наконец свет.

Опираясь на документы, архивные данные, сведения из бесед с А. С. Серафимовичем и М. А. Шолоховым, К. Прийма прослеживает основные моменты изнурительной тяжбы автора «Тихого Дона» с «вождями» РАПП и теми, кто выполнял их указания. При этом существенно дополняются известные строки из письма М. А. Шолохова А. М. Горькому от 6 июня 1931 года, где речь шла о том, что «десять человек предлагают выбросить десять разных мест. И если всех слушать, то $^3/_4$ нужно выбросить...». К. Прийма так их комментирует:

«17 апреля 1978 года в беседе с Михаилом Александровичем я поинтересовался, какие главы романа редакция «Октября» требовала выбросить.

Михаил Александрович ответил так: «Руководство РАПП и редакция «Октября» браковали третью книгу «Тихого Дона» и требовали коренной переработки более сорока глав, т. е. рушили весь роман. Всем костью в горле стали XXII глава (наставления Штокмана), XXIV глава (Штокман на сходе), XXXIX глава — его бегство из хутора Татарского, встреча с казаком-старовером — до LVII главы... Я, конечно, не мог согласиться с этим разрушением романа...».

И здесь большое значение имеют приведенные в книге документы, частью архивные, а также свидетельства, полученные непосредственно в результате бесед автора с М. А. Шолоховым. Особенно важно то место, где Шолохов подробно рассказывает о своей встрече с И. В. Сталиным на даче А. М. Горького под Москвой: ведь именно эта встреча и решала судьбу третьей книги «Тихого Дона».

«30 сентября 1972 года в станице Вешенской Михаил Александрович сказал мне, что значение этой встречи было очень велико. Тогда он еще не знал полного текста письма А. М. Горького к А. А. Фадееву от 3 июня 1931 года (а в нем есть и ошибочные суждения), не знал подробностей сложной закулисной борьбы вокруг третьей книги «Тихого Дона».

ХОГО ДОНА»

Войдя в гостиную Горького, где сидел Сталин, он сразу понял, что они вели разговор о его романе.

— ...И когда я присел к столу,— рассказывал Шолохов,— Сталин со мною заговорил... Говорил он один, а Горький сидел молча, курил папиросу и жег над пепельницей спички... Вытаскивал из коробки одну за другой и жег — за время беседы набросал полную пепельницу черных стружек... Сталин начал разговор со второго тома «Тихого Дона» вопросом: «Почему в романе так мягко изображен генерал Корнилов? Надо бы его образ ужесточить...» Я ответил, что в разговорах Корнилова с генералом Лукомским, в его приказах Духонину и другим он изображен как враг весьма ожесточенный, готовый пролить народную кровь. Но субъективно он был генералом храбрым, отличившимся на австрийском фронте. В бою он был ранен, захвачен в плен, затем бежал из плена в Россию. Субъективно, как человек своей касты, он был честен, закончил я свое объяснение... Тогда Сталин спросил: «Как это — честен?! Раз человек шел против народа, значит, он не мог быть честен!» Я ответил: «Субъективно честен, с позиций своего класса. Ведь он бежал из плена, значит, любил родину, руководствовался кодексом офицерской чести... Вот художественная правда образа и продиктовала мне показать его таким, каков он и есть в романе... Самым убедительным доказательством того, что он враг—душитель революции, являются приводимые в романе его приказы и распоряжения генералу Крымову — залить кровью Петроград и повесить всех депутатов Петроградского Совета!» Сталин, видимо, согласился со мною и задал вопрос: откуда я взял материалы о перегибах Донбюро РКП(б) и Реввоенсовета Южного фронта по отношению к казаку-середняку? Я ответил, что в романе все строго документально. А в архивах документов предостаточно, но историки их обходят и зачастую гражданскую войну на Дону показывают не с классовых позиций, а как борьбу сословную — всех казаков против всех иногородних, что не отвечает правде жизни. Историки скрывают произвол троцкистов на Дону и рассматривают донское казачество как «русскую Вандею»! Между тем на Дону дело было посложнее... Вандейцы, как известно, не братались с войсками Конвента французской буржуазной революции... А донские казаки в ответ на воззвания Донбюро и Реввоенсовета Республики открыли свой фронт и побратались с Красной Армией. И тогда троцкисты вопреки всем указаниям Ленина о союзе с середняком обрушили массовые репрессии против казаков, открывших фронт. Казаки, люди военные, поднялись против вероломства Троцкого, а затем скатились в лагерь контрреволюции... В этом — суть трагедии народа!..»

Шолоховская концепция личности подразумевает не только поверку человеческих качеств опытом революции, но и включает момент испытания ее участников нравственно-гуманистическими идеалами, выработанными веками народной истории. Григорий Мелехов — гордая, вольнолюбивая личность и вместе с тем философ-правдоискатель. Революция в его глазах — грандиозный социальный эксперимент, чье величие и неотвратимость должны быть выявлены и доказаны всем последующим ходом жизни.

Это озадачивало некоторых критиков. Они обвиняли его в реакционности и абстрактном гуманизме, отстаивали точку зрения о так называемом отщепенстве Григория Мелехова. Тем самым игнорировалось глубинное содержание этого сложного и противоречивого характера, предавались забвению слова самого писателя, отметившего такую немаловажную черту в облике Григория, как «очарование человека».

По ходу сюжета Григорий испытан всем: тяжким крестьянским трудом у себя на хуторе и легкой, сытой жизнью в имении Листницких Ягодном; властью и карой; красными и белыми. Все испытания вынес, как герои народного эпоса или как главное действующее лицо античной трагедии. Эпическое время романа вмещает века и отрезок в несколько лет. Начальный отсчет можно вести от одного из первых сражений империалистической войны, когда Григорий перебегает в цепи вместе с казаками своей сотни и, оглядываясь, видит расплавленный диск солнца на полуденном небе и другой такой же в речной заводи, опушенной желтобарашковой лозой. А венчает, но не исчерпывает его трагическую судьбу финальный образ черного солнца.

Заслуга автора книги «С веком наравне» в том, что здесь доказательно (и будем надеяться, в последний раз) развенчиваются упрощенные, вульгаризаторские представления о самом значительном художественном открытии М. Шолохова. К. Прийма верно замечает, что Григорию Мелехову «присущи неугасимые черты русского национального характера — правдоискательство, трудолюбие, мужество, личная честность, бескорыстие, нравственное чувство внутренней свободы».

На примере образа Григория Мелехова раскрывается диалектика национального, народного и общечеловеческого в творчестве Шолохова. Ведь именно этот народный характер, поднявшись до высот огромного типического обобщения, стал вровень с крупнейшими образами мировой литературы.

Проникая в творческую лабораторию художника, К. Прийма прослеживает этапы кристаллизации общего плана эпопеи и роли в ней образа главного героя. Отсюда интерес к незаурядной личности Харлампия Ермакова, черты биографии которого близки сложной коловерти событий в судьбе Григория Мелехова. Публикация письма М. Шолохова от 6 апреля 1926 года к Х. В. Ермакову многое проясняет в формировании замысла стержневого пункта будущей эпопеи — места в ней Вешенского восстания.

Документально устанавливается интереснейший факт творческой истории «Тихого Дона»— отход писателя от раннего варианта «Донщины» с ее ограниченным временным и социально-философским заданием к широкому эпическому и трагическому полотну. Не менее интересны и позднейшие комментарии самого М. А. Шолохова в беседе с К. Приймой.

«Мое письмо к Ермакову,— говорил мне Михаил Александрович 29 ноября 1974 года,— творческая необходимость... Надо было поскорее кое-что «застолбить» в сюжете, набросать важные сцены, написать в третью книгу романа целые главы, определяющие генеральный план «Тихого Дона» в целом... Помню, однажды Ермаков, рассказывая, вспомнил страшный бой с матросами возле хутора Климовка. Казалось бы, что это — лишь частный случай из множества других боевых столкновений. А я эту кровавую сечу воспринял, как бы это этичнее сказать, как неоценимую находку — поворот в развитии образа Григория в его трагическом поиске правды...». И далее писатель так дополнил ход своих размышлений: «— Однако, поверь, что и жизненного опыта Ермакова мне не хватило для того, чтобы создать образ мятущегося человека-правдоискателя Григория Мелехова, несущего в себе отблески трагизма эпохи. Образ Григория — это обобщение исканий многих людей...»

К. Прийма не кабинетный ученый, а исследователь-публицист. Таким мы его узнали по боевой и новаторской книге «Тихий Дон» сражается». Эти же ценные качества приумножены в очередной его работе. Раскрывая позитивное содержание шолоховского эпоса, К. Прийма не ограничивается только этим. Хорошо понимая, с каким трудом преодолеваются устарелые каноны, он не раз на протяжении своей книги вступает в острую полемику. В этом смысле наиболее примечательны статьи «Еще раз о Григории Мелехове», «Один из уроков «Тихого Дона» и «К творческой истории «Тихого Дона».

Высокая гражданственность, нетерпимость к шаблону и догме — вот что определяет авторскую позицию. Особую весомость наблюдениям и выводам исследователя придает то, что они нередко поверяются авторитетными суждениями самого М. А. Шолохова. Так разрушается версия о «казачьем монолите», тенденциозная трактовка образа Григория Мелехова как «бандита» и «отщепенца», долго гулявшая по страницам солидных статей и монографий.

Темпераментно и остро написаны К. Приймой статья «Большевик Илья Бунчук» и отдельные фрагменты в других разделах книги, где речь идет о коммунистах «Тихого Дона». Тема эта и раньше привлекала внимание исследователей. Однако обстоятельность, с которой используются исторические документы, учет конкретной социально-исторической обстановки на Дону — все это позволило внести существенные уточнения в прежние трактовки образов Бунчука, Штокмана, Кошевого.

Принципиальное значение образа Бунчука К. Прийма видит в том, что с его помощью Шолохов особенно наглядно показал классовое расслоение в среде казачества, запечатлел «революционный гуманизм в действии». Однако бесстрашие и прозорливость художника не позволили ограничиться одним ликом революции. Иные ее грани высвечиваются в характерах Кошевого и Штокмана. Здесь многое обстояло сложнее, и об этом объективно и честно говорит автор книги. В частности, он замечает:

«Позиция Кошевого в споре с Григорием ярко очерчена отчужденностью, жестокостью и мстительностью. Кошевой хотя и стоит под красным знаменем революции, хотя и защищает Советскую власть, но в данной обстановке не является воплощением высоких идеалов революции и предназначений Советской власти. Кошевой за эти годы не извлек уроков из ошибок Штокмана (стоивших ему жизни) и своих собственных ошибок по отношению к Григорию Мелехову. И поэтому его подозрительность и все действия по отношению к Григорию в конце 1920 года свидетельствуют о том, что он не вник в новую директиву ЦК РКП(б) — «Тезисы о работе на Дону» (сентябрь, 1919), в которой четко было сказано: «...ЗА ПРОШЛОЕ НЕ МСТИМ!..»

* * *

Широкая панорама эпохи, могучий исторический поток — вот что такое «Тихий Дон». Здесь затрагиваются события и решаются общечеловеческие проблемы, которые волновали многих больших художников XX века. Историческая действительность России предоставила в распоряжение Шолохова особо взрывчатый материал и такого типа конфликты, которых еще не знало человечество. Старый мир до основания разрушен революцией, ему на смену идет новая социальная система. Все это и обусловило качественно новое решение таких «вечных» вопросов, как «человек и история», «война и мир», «личность и масса».

Новое качество шолоховской народности — предмет особого внимания в книге К. Приймы. Автор ее выявляет глубинный демократизм творца «Тихого Дона», показывая, как гуманистические идеалы революции рождают невидимые прежде эстетические принципы постижения и раскрытия внутреннего мира человека из народа.

Великое произведение, запечатлевая современность, смотрит отверстыми очами в будущее. Так и «Тихий Дон» М. Шолохова. Эпопея эта, будучи «с веком наравне», вместе с тем — урок и эстафета нашего столетия временам грядущим.

Ленинград.

УЧИТЕСЬ ДЕЛАТЬ ИЗ СЕБЯ ЛЮДЕЙ

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

В самом конце нынешнего мая пухлые снежные сугробы вдруг обильно и густо укрыли зацветшие уже скверы и парки красавицы Уфы; снег засыпал дворы, мостовые и тротуары, разладил работу городского транспорта. Под снегом оказались и подъезды к театру имени Мажита Гафури.

Со стихией, конечно, не поспоришь. Но не пропускать же было спектакль, тем более воскресную премьеру в конце сезона. И вместе со своими спутниками я отправилась в театр.

Осторожно шагали мы — след в след — по узенькой, едва протоптанной и еле заметной тропке.

— Наверное, кроме нас, никого в театре не будет,— мрачно сказала я.

— Не думаю,— вежливо возразил директор театра Рафаиль Шафиков.— У нас, знаете ли, зритель особенный. Очень активный.

Директор оказался прав. Зритель был настойчив. От тех, кто в конце концов добирался до подъезда, мы услышали — все равно! — просьбы о лишнем билетике.

— Обычная картина,—спокойно заметил Рафаиль Габдрахманович.— Уфа — город театральный.

Я убедилась в этом уже и в тот самый первый день своего знакомства с театральной Уфой, и потом, во все последующие дни. Действительно, зритель оказался здесь редкостно восприимчив и еще более редкостно единодушен. Как один человек, дружно реагирует зрительный зал на то, что дарит ему сцена... Зритель улыбается, вздыхает, смеется... Но эта общая душевная человеческая реакция отнюдь не есть проявление некой всеядной неразборчивости, нетребовательности. Напротив. Чуткий, напряженно внимательный зритель всегда очень серьезен и всегда справедлив. Он совершенно точен в своем отношении к сокровенному, тайному, непрямому иногда смыслу того, что происходит на сцене.

И таким он стал именно потому, что в течение многих лет сама сцена воспитывала его столь же требовательно и серьезно.

Театральное искусство Башкирии молодо. До Советской власти оно вообще не существовало. Того великого общения человеческого, которое растит, а не развлекает людей, которое делает их людьми, вовсе не было; все это надо было начинать с нуля. И вот теперь театры республики, как говорится, пожинают плоды. Прочные жизненные взаимосвязи тут просматриваются открыто; они давно налажены и действуют впрямую, по самой простой, кажется, и притом единственно возможной и нужной искусству закономерности: театр — зрителю, зритель — театру...

Увы, далеко не везде еще эта естественная и живая, острейше необходимая закономерность усвоена настолько, чтобы стать нормальной практикой, повседневным условием обоюдорадостного существования.

Конечно, очень и очень многое зависит от пристального, поистине неусыпного, бережного внимания, которое уделяют искусству партийные организации республики.

Тагир Исмаилович Ахунзянов, секретарь обкома по пропаганде, хорошо знающий не только высокие устремления работников искусства Башкирии, но и деловые их планы, и их свершения, справедливо считает, что сегодня самый широкий зритель должен находиться в поле зрения искусства. Оно постоянно должно быть обращено к людям, к нравственному чувству трудового человека. Обращено отнюдь не зрелищем— пусть самым броским и ярким,— но творчеством подлинным, глубоким, которое — при всей своей зрелищности — умеет отличать поназное, наносное, кричащее, «модное» от того, что должно привносить искусство в жизнь народа, укрепляя основы этой жизни, возвышая ее духовную суть.

— Обязательно посмотрите спектакль «Черноликие»,— посоветовал во время нашей беседы Тагир Исмаилович.— Это классика. Наш гневный Мажит Гафури... Он беспощаден к угнетателям народа во все времена. Вы увидите, как он был похож на Горького. Похож не только лицом и чертами биографии, но силой творчества... Весомым, значительным остается и сегодня его влияние на зрителя, хотя давно ушли в прошлое те нравы, те обычаи — вся та отвергнутая народом жизнь...

Для меня «Черноликие» в самом деле оказались настоящим потрясением. Спектакль стал как бы основой некой трилогии, которую я непредвзято «сложила» из нескольких постановок Башкирского академического театра драмы, показавших поочередно сперва давно минувшее, тяжкое время, потом нелегкое становление жизни иной, новой и, наконец, наши нынешние дни...

В «Черноликих» Мажита Гафури театр открывает зрителю страшный облик дореволюционного башкирского села. Открывает его глухой, бесчеловечный быт, его мрачные, отрицающие доброту и душевность обычаи — с самым грубым и безжалостным попранием достоинства людей, с жестокой, издевательской казнью любви, которая кончается смертью — по сути дела, убийством — прекрасной, чистой девушки Галимы... И только немногие жители села отваживаются не то что помочь — где там! — но хоть посочувствовать жертвам этой чудовищной расправы, этого мучительного истязания героев...

Казалось бы, да что они дают нам, людям сегодняшним, эти давние образы, эти нравы, ушедшие ведь уже навсегда, пусть и ожившие ненадолго на сцене с такой новой, вдруг неожиданной силой... Но нет — смотришь и на сцену и на замерший, прямо-таки оцепеневший зрительный зал и видишь: жив Гафури. Жив его театр. Полны понимания и отклика сердца зрителей, переполненные сразу и жалостью, и яростью, и могучим протестом... Гражданственным переживанием несправедливости. Переживанием общественного зла. А разве мало сегодня такого зла в окружающем нас большом мире Земли...

Целостный, ансамблевый спектакль сыгран как по нотам. И это единодушие, сплоченность творческого коллектива подтверждаются горячим зрительским единодушием. Спектакль не «стареет» с годами; в нем меняются только исполнительницы главной роли: Галима всегда должна оставаться юной и прекрасной... Я увидела на сцене замечательную молодую актрису И. Газетдинову, игравшую свою Галиму натурой незаурядной, одаренной, яркой. Что-то было в ней отдаленно напоминавшее Катерину в «Грозе» — наверное, общность жизни, попранной и раздавленной злом, против которого ведь и восстали потом все народы нашей страны...

Как бы продолжением, следующей частью некой воображенной «трилогии» становится спектакль «И судьба — не судьба» (по повести Мустая Карима «Долгое детство»)... Только эта пьеса, приближая зрителя к современности, помогает многим вспомнить и себя самих, вернуться в свое босоногое, трудное, но и счастливое детство, изобилующее тем доверчивым юным познанием сущего, которое уже несло перемены, несло новую, совсем иную жизнь... Своеобразную поэтическую интонацию и самой повести и пьесы театр доносит почти в целости, что не так-то уж и легко. Мустай Карим — писатель-философ, писатель-лирик. И грусть и радость жизни звучат в его образах в той сложнейшей нерасторжимой целостности, которая требует даже и не дара актерского, но больше — актерского самоотвержения: полного растворения актерского «я» в создаваемом образе. Такими и были главные действующие лица, а значит, и исполнители: Поэт — З. Валитов, Старшая мать — З. Бикбулатова и трогательный рыжий мальчик, чудесно сыгранный актрисой Т. Бабичевой... Они заставляли и во время спектакля следить за собой, и еще думать о себе после того, как кончится спектакль... Сцена смерти Старшей матери, ее прощание с людьми незабываемы: театр здесь снова многому учит своего зрителя. В частности, умению любить других, помогать другим, быть для **других** тем же, чем ты являешься для **своих.** А это и сегодня, ох, как нужно людям.

И, наконец, та самая премьера, с которой все для меня началось: спектакль «Живем только раз» по пьесе А. Мирзагитова.

Автор, лауреат премии имени Салавата Юлаева Асхат Мирзагитов, шутливо сказал мне, что название спектакля я могу еще и переделать на свой вкус, например, вот так: «Жизни счастливый миг». Можно и по-другому: «Жизнь не приходит дважды»... Суть, однако, от этих переделок не изменится, писатель прав. Он

Актриса Башкирского театра драмы Ильсияр Газетдинова * Сцена из спектакля «Царь Федор Иоаннович» в Русском драматическом театре в Уфе * В роли Старшей матери народная артистка СССР З. Бикбулатова («И судьба— не судьба» Мустая Карима).

Фото О. ПОЛЯНСКОГО

хотел сказать зрителям — и сказал — главное: важней всего для человека не то, сколько он будет жить, а как сумеет прожить отпущенное ему время... Жизнь сложна, многолика... И автор пьесы вместе с театром гневно обрушивается на приобретательство, накопительство, отсутствие больших человеческих целей... Тут в центре братья (вроде бы любящие друг друга Тимербек — Ф. Гафаров и Хасбулат — З. Валитов) ведут скрыто, но отчаянно, всею судьбой, всем смыслом их существования обозначенный спор. Благородство Тимербека, его высокое человеческое назначение на земле театр утверждает не крикливо и не однозначно. На сцене — жизнь людей сегодняшних, занятых и трудом и в равной мере своими достаточно сложными человеческими отношениями. Они любят и ревнуют, ссорятся и мирятся... И театр — без подсказки, не «в лоб» — снова учит зрителя добру и справедливости...

...А вот еще два спектакля. «Орфей» Е. Фомина и «Сестра Керри» Р. Паулса. О чем же они сказали зрителям, когда появились на сцене Башкирского государственного театра оперы и балета?

Думаю, не ошибусь, заметив и здесь достаточно отчетливо прочерченную — насколько это вообще подвластно балету — тему нравственную и даже социально острую.

В «Сестре Керри» она выявлена страстно и увлеченно исполнителями главных ролей. И если Э. Куватова, пожалуй, показалась более убедительной Эвридикой, чем ее же Керри, то Герствуд, возлюбленный Керри,— неудачник, лишенный того, что больше всего ценит злая Америка: денег и власти, — поистине незабываем. Молодой танцовщик Р. Зарипов в роли Герствуда полон обаяния. Какое-то время он ведь еще остается силен и дерзок, он еще уверен в себе. Он думает, что, может быть, сумеет справиться со своей судьбой, преодолеть ее, любыми средствами удержаться на поверхности жизни и удержать возле себя любимую женщину. Но, разумеется, безликое общество чистогана не может ни принять Герствуда, ни простить Герствуду, ни понять его юную, вызывающую самоуверенность, его стремление к независимости и свободе... Герствуд, конечно, должен в этом обществе понести кару: он расплатится жизнью за любовь. Более всего за любовь к личной свободе, к независимости. Они-то и опьяняют, пленяют его, эти чувства. Именно их выражает Р. Зарипов раскованным полетным танцем, справедливо отмеченным бурной зрительской овацией...

Такого же неравнодушного зрителя, тонко реагирующего на театр непростой, исполненный больших замыслов и очень интересно, оригинально их воплощающий, я встретила в Башкирском государственном театре кукол. Думаю, это один из сильнейших коллективов нашей страны среди аналогичных театров. Он привлекает и мастерством и еще более — гражданственными, патриотическими устремлениями, которые находят свое выражение в постановках, привлекающих глубиной мысли, оригинальностью, своеобразием художественного решения.

Кроме сказок, увлеченно исполняемых для маленьких зрителей, театр ставит еще и спектакли героические. Здесь идет эпопея «Урал-батыр»; идет легенда о Салавате Юлаеве, народном вожаке, любимце Башкирии, сподвижнике Емельяна Пугачева, «Орленок учится летать»; идет «Белый пароход» по одноименному произведению Чингиза Айтматова...

Актер и персонаж — каковы же они здесь, на этой сцене? Какими средствами воздействует театр на своего — маленького и большого—зрителя? Как воспитывает его, как возбуждает душевный отклик?..

Особенно необычным и оригинальным в этом именно — нравственном прежде всего — плане показался спектакль «Не бросай огонь, Прометей!»... Он одинаково трогает и юношеские сердца и людей взрослых. Здесь все — и для всех — одинаково интересно, одинаково волнует: и высокий смысл пьесы Мустая Карима и сама необычная техника исполнения — сама «игра», соединяющая как бы в одно нераздельное целое живого артиста и большую «партерную» куклу, этому артисту в каждом движении целиком подчиняющуюся.

И, действительно, их ведь принимаешь всерьез, эти куклы, в спектакле мужественном и гуманном. Театр трактует древний миф о Прометее как вечно живое напоминание о подвиге бескорыстия и самоотверженности. Театр говорит зрителю, что качества эти необходимы всегда. Необходимы, пока люди существуют на Земле.

Спектакль — высокая трагедия — равно очищает мысль и чувство... Тебе, зрителю, вроде бы уже и не странно видеть перед собой условные кукольные маски вместо человеческих лиц. Голоса «героев», их движения, жесты — все это принадлежит ведь живым, настоящим, талантливым артистам, которые, правда, остаются почти невидимы для нас на сцене в своих сплошь черных, глухих одеяниях-хитонах; и похоже, что кукла действует как бы сама по себе: живет, прикрывая собою актера. Но ведь это он, актер, остается движущей силой, идейно-художественным началом. Значит, это он и определяет силу «кукольного действа», где только борющиеся между собою Зевс — Павел Мельниченко и Прометей — Игорь Копатов имеют свое, человеческое лицо, что еще больше усиливает мощный эффект необычного спектакля...

«Учитесь делать из себя людей». Таковы последние слова, с которыми Прометей обращается словно бы еще и к зрительному залу. И зал понимает — и принимает — душевный посыл героя...

Молодые артисты балета: Э. Куватова — Китри и Базиль — Р. Зарипов в «Дон Кихоте» * На сцене Театра кукол идет спектакль «Не бросай огонь, Прометей!».

С ВЕКОМ НАРАВНЕ

Вряд ли есть нужда говорить, что перед исследователем, поставившим задачу проанализировать творческий путь того или иного выдающегося деятеля искусства, всегда встает реальная опасность пойти по проторенному пути устоявшихся оценок и мнений. И потому нередко именно умением найти свой поворот темы, ясно обозначить собственную концепцию во многом определяются достоинства работы, ее удача.

К таким работам с полным основанием можно отнести книгу Евгения Громова, посвященную жизни и творчеству одного из основоположников отечественного кинематографа, старейшего нашего кинооператора, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий, профессора Анатолия Дмитриевича Головни.

Автор сразу же определяет главные аспекты своей книги, дав ей подзаголовок: «Фильмы. Свидетельства. Размышления». Не ограничиваясь только анализом операторского искусства Головни, автор книги решил рассказать о его научно-педагогической деятельности; о многолетних и плодотворных связях с товарищами по операторскому «цеху» — А. Москвиным, Э. Тиссэ; с выдающимися кинорежиссерами, в частности со Всеволодом Пудовкиным, с которым он снял такие ставшие классическими фильмы, как «Мать», «Конец Санкт-Петербурга», «Потомок Чингис-хана», «Суворов», и другие; донести до читателя раздумья художника об искусстве и его роли в нашей жизни. И еще одно, не менее важное: показать Анатолия Головню в плане чисто человеческом. Вот один из фактов, о котором узнаем мы из книги: на следующий день после начала Великой Отечественной войны Головня подает заявление с просьбой о приеме его в Коммунистическую партию. Небольшой эпизод из жизни, штрих в биографии. Но как много говорит он о гражданском мужестве художника, как раскрывает и характеризует его духовный мир, его внутреннюю человеческую сущность!

Анатолий Головня пришел в кинематограф в самом начале двадцатых годов, пришел как типичный представитель новой творческой интеллигенции, призванной утвердить на мировом экране молодое, революционное, подлинно новаторское по самой сути своей киноискусство (кстати, проблема новаторства, очень четко, с позиций марксистско-ленинской методологии рассмотренная автором, занимает заметное место в книге, особенно применительно к двадцатым годам).

Путь Головни в кино не был при всем, казалось бы, внешнем благополучии легок и гладок. И как несомненное достоинство книги Е. Громова необходимо отметить то, что он и не рисует нам (как это порой бывает в подобного рода работах) этот путь в виде восходящей прямой. Подробно анализируя ставшие классикой советского кинематографа фильмы, снятые Анатолием Головней, автор не проходит и мимо менее удачных работ, рассматривая их в общем контексте всего творчества выдающегося мастера. И от этого оно, это творчество, предстает перед нами еще более зримо, еще более рельефно.

Участник гражданской войны, один из основоположников советской школы кинооператорского искусства — «школы пламенного, вдохновенного реализма», учений и педагог, «ровесник века, он энергично шагает с веком наравне».

Е. Громов. Кинооператор Анатолий Головня. М., «Искусство», 1980, 176 с.

С. ЖУРАВЛЕВ

ТЕАТРЫ ЖДУТ МОЛОДЫХ

Афиши дипломных спектаклей: «Без вины виноватые» Островского, «Нашествие» Леонова, «Лестница славы» Скриба, «Игра мотыльков» Железникова... Каждый год выпускной курс театрального училища имени Щепкина ставит четыре дипломных спектакля, и они в течение года выходят на основную сцену филиала Малого театра. Это не только учебная практика. С молодыми актерами знакомится требовательный московский зритель, студенты же осваивают спектакль по самому высокому профессиональному счету.

— Наше училище старейшее. Ему 172 года,— рассказывает ректор, профессор Михаил Михайлович Новохижин. — И прежде всего это школа Малого театра, высокие реалистические принципы которого мы исповедуем. Училище гордится своими учителями: Щепкиным, Ленским, Самариным, Анненковым, Пашенной, Царевым... Сейчас среди преподавателей есть и бывшие наши выпускники. Старейшие из них Головина и Гладков.

Многое мы делаем для того, чтобы создать кадры национальных театров. Наше национальное отделение существует почти сорок лет. Начинала эту работу В. Н. Пашенная. А в нынешнем году мы набираем — в четвертый раз — студию для якутского театра.

— Наши выпускники работают в Казахстане, Киргизии, Туркмении, Северной Осетии,— уточняет руководитель выпускного курса Владимир Багратович Монахов. — Через год закончит обучение чувашская студия.

Выпускники русского отделения работают практически во всех городах страны. Но процесс распределения молодых артистов непрост: режиссеры многих театров специально приезжают на дипломные спектакли, а потом идет принципиальный разговор. Представители училища защищают интересы своих студентов: кто же лучше знает их творческие и человеческие возможности! Правильный дальнейший рост молодых артистов, бытовые условия волнуют преподавателей.

— Наше училище, — сказал М. М. Новохижин, — завоевывает признание по качеству профессиональной подготовки. Но это не значит, что мы останавливаемся на достигнутом: резервы есть.

Более ранняя подготовка будущего актера — важная проблема. Ведь именно в юном возрасте дети более восприимчивы, их психика гибче, самая потребность играть естественна. В Москве есть школа № 232 с театральным уклоном, и хотелось бы закрепить это начинание, оно своевременно и необходимо. Мечтаем создать театр в нашем Дзержинском районе Москвы или в городе-спутнике Лыткарино на основе одного из наших выпусков.

И. МИХЕЕВА

Встреча сборных команд СССР и ГДР на Олимпиаде-80. Фото А. Бочинина

ВЫСОТЫ СБОРНЫХ

На стадионах всех частей света сейчас в разгаре отборочные игры очередного чемпионата мира по футболу, финальная часть которого будет проведена летом будущего года в Испании. Сборная СССР выступает в третьей европейской группе. Позади у нее три матча — две победы над командой Исландии и ничья с Уэльсом на его поле, впереди еще пять — по два с Турцией и Чехословакией и один с Уэльсом. В нашей группе на два первых места, дающие права выхода в финал, претендуют три команды: СССР, Чехословакия и Уэльс. Ситуация пока сложная, все решат оставшиеся матчи. Ближайший из них состоится 23 сентября в Москве со сборной Турции.

Лев ФИЛАТОВ

Мысль о сборной родилась тут же, следом за возникновением футбола. Матч Англия — Шотландия был проведен в 1872 году. Он положил начало, и замысел не был скомпрометирован даже тем, что встреча дала счет 0 : 0. На нашей земле мысль эта была реализована в 1907 году, когда сошлись Москва и Петербург. Уже гораздо позже, после организации регулярных международных турниров, сборные команды стран заняли особое положение, привлекли к себе всеобщее внимание, с ними в первую голову стали связывать футбольный престиж. А побудило к созданию сборных, как мне представляется, простое и естественное любопытство: что получится, если собрать вместе всех лучших игроков? Против такого вопроса не устоишь, он вполне в духе игры, ибо сам по себе в какой-то мере является игрой.

Что это так, убеждают бесчисленные письма болельщиков, предлагающих свой состав сборной, стекающиеся в редакцию на моей памяти уже более тридцати лет. Нет сомнений, что каждый такой «мой состав» продиктован добрыми побуждениями. Составлять по своему вкусу список одиннадцати избранников интересно, это будит фантазию, проверяет осведомленность, тешит самолюбие, если многие названные тобой фамилии окажутся в сборной.

О составах клубных команд речь практически не идет, они ясны и постоянны. Лишь изредка услышишь, что такого-то молодого затирают, а такого-то многоопытного рано списывают. Сборную же при желании можно конструировать заново накануне хоть каждого матча. И эта «игра в состав» настолько горячит иных нетерпеливых и самонадеянных любителей футбола, что они отметают любые возражения и неудачный исход матча объясняют тем, что их не послушали.

Между тем жизнь и игровая практика сборных команд уже давно подчиняются ряду строгих установлений, выработанных с годами и ничего общего не имеющих ни с наивным любопытством, ни с «игрой в состав». Сборные сделались высшей формой футбольной деятельности, которая требует от их руководителей, кроме само собой подразумевающейся квалификации, еще и развитой интуиции, воображения, знания людей и футбола в планетарном масштабе.

Кто же должен играть в сборной? Я не возьму на себя смелость дать прямой ответ на этот вопрос, хотя иным читателям он может показаться простым, и они скажут: «Ясно, что самые лучшие». Попробую высказать некоторые свои наблюдения, сделанные на протяжении многих лет, по сути дела, с момента образования нашей сборной в 1952 году. Знаю, что они не бесспорны, но, может быть, дадут все-таки представление о тех сложностях, с которыми сталкиваются тренеры сборной, и о том, какое это тонкое дело.

Из трехсот действующих мастеров высшей лиги надо отобрать пятнадцать, то есть пять процентов. Списки 64, 44 и даже 22 кандидатов составляются больше для проформы, они нереальные — таким количеством футболистов, отвечающих всем требованиям сборной, еще никогда не располагала ни одна страна.

Существует немало способов определения футбольных талантов. Для детей, желающих поступить в специальную школу, разрабатываются тесты. Мастеров оценивают по «методу квадрата», стороны которого суть физическая, техническая, тактическая и волевая готовности. Записывают всю их игровую деятельность, ведут медицинский контроль. Помочь способна и статистика, подсказывающая, какие форварды сколько забили мячей, какие защитники и вратари сколько пропустили. Все это ложится в основу тех характеристик, которые мы даем игрокам, следя за ними не один сезон. Но видим-то мы их постоянно в клубных командах, где они за год проводят полсотни матчей, причем матчи эти неравноценны, требуют неодинаковой отдачи сил. Ведь одни матчи бывают удачными, а другие решительно не удаются, и всем известно, что это более или менее в порядке вещей, ибо таковы уж турнирные будни. Даже известному мастеру мы легко прощаем серенькую, невыразительную игру, учитывая его успехи в предыдущем матче и веря, что он себя покажет в следующий раз. А сборная проводит за сезон примерно десяток матчей, и будние дни в ее расписании не предусмотрены, каждое ее бледное выступление непростительно даже в товарищеской встрече, а уж в официальной и вовсе, потому что может привести к непоправимым последствиям. Выходит, в сборной имеют право состоять только такие мастера, которые все эти десять матчей наверняка сыграют сильно. Кто же они и что может служить гарантией?

Разного рода лестные эпитеты то и дело применяются едва ли не ко всем тремстам мастерам высшей лиги. Каждый имеет какие-то достоинства, сильные стороны, заслуги. Эпитетами этими щедро (подчас чересчур щедро) мы пользуемся и в прессе. И в общем-то к ним привыкли, они вошли в обиход. Но существует термин, употребляемый неофициально, только устно, в разговорах. Говорят так: «Этот — для сборной». Обычно дальше не идут, доказательств не приводят; да и где их взять? Это просто ощущение. И говорят так многоопытные тренеры, бывшие игроки, ветераны сборной. Никакими нормативами утверждение это не проверишь. Во всяком случае, пока не научились. Оно не расшифровано хотя бы словесно, но понятие «игрок для сборной» все же в ходу, и практический смысл в нем есть. А в противовес другой отзыв: «Клубный игрок». В обоих случаях речь идет о хороших мастерах, но на одну доску их не ставят. И правильно. Чувствовать этот нюанс, владеть им необходимо.

Если попытаться разобраться, в чем тут дело, без примеров не обойтись. Еще раз повторю, что те, кого я назову,— отличные футболисты, я им симпатизирую, их искусство сохранится в памяти надолго, но их дарования такого рода, что проявить себя в полной мере они могут на клубном уровне, но не в сборной. Это не изъян — это особенность.

Вот несколько имен: М. Мачаидзе, В. Старухин, В. Газзаев, Ю. Чесноков. В письмах любителей футбола, предлагающих свой состав сборной, они упоминаются часто. Познакомимся же с ними поближе.

Манучар Мачаидзе, центральный полузащитник, много лет вел игру тбилисского «Динамо», с его именем связан ряд успехов этого своеобразного и славного клуба. Он был, ес-

ли хотите, хозяином игры, от него зависели партнеры, к нему они применялись. Он всегда был виден, потому что чаще и дольше других имел в ногах мяч. От него зависели и темп и рисунок игры. Его роль была исключительной, ключевой. Иногда это себя оправдывало. А иногда нет — когда Мачаидзе слишком уж много брал на себя, заигрывался, принимался в одиночку совершать рейды с мячом от ворот до ворот, заставляя простаивать партнеров. В клубной команде к такой его игре попривыкли, приспособились. Но в сборной подчеркнутое своенравие исключено.

Виталий Старухин, форвард «Шахтера», всегда заметный на поле, был избран журналистами лучшим игроком 1979 года (и я ему отдал свой голос), член клуба Г. Федотова. Большой мастер, а в игре головой, вероятно, у нас лучший. В значительной степени команда ему обязана и призовыми местами и выигрышем Кубка СССР. Но если вникнуть в суть игры «Шахтера», то команда на протяжении ряда лет использовала один вариант: «на Старухина». Вариант любопытный, но все же частного значения, таивший в себе слабость однообразия и повторяемости. Сам Старухин изучил все свои «точки», ему этого было достаточно. Для сборной же следование одному и тому же образцу противопоказано, ей обязательно должен быть присущ широкий выбор игровых средств.

Валерий Газзаев, форвард московского «Динамо»,— ловкий искусник, дриблер, чуждый стандартам, в том числе и необходимым. Он словно бы уверен, что футбол придуман для него одного. И преуспел в этом своем упрямом, красивом и наивном заблуждении и научился делать много такого, что другие не умеют. Не так давно он, как иллюзионист, в одиночку обыграв защитников и вратаря «Спартака», забил восхитительный гол, забыть который невозможно, и принес своему клубу победу. Потом он в удивительном рывке забил решающий мяч ЦСКА. Но в промежутке между этими шедеврами его команда проиграла пять матчей, а он, ее главный форвард, был в тени. Вы собьетесь со счета, если приметесь фиксировать свистки судьи на положение «вне игры» у Газзаева. А это все сорванные атаки, пустые хлопоты партнеров. Такое более чем вольное поведение хотя бы одного игрока не для сборной, она не вправе ждать и гадать, удастся ли на сей раз фокус.

Юрий Чесноков — быстрый, резко и метко бьющий по воротам форвард ЦСКА. Провел немало мячей во славу своего клуба. Играл и в сборной. Но он, я бы сказал, загадочный человек, день на день у него не приходится. То в нем пробуждается острый интерес к чужим воротам, и тогда быть голу, а то они ему безразличны, и мы его теряем из виду. Человек настроения? Может быть. А у сборной всегда одно настроение — играя в ней, кукситься не полагается.

Чтобы мои рассуждения не показались дискриминационными, продолжу их, упомянув двух знаменитостей мирового футбола.

В 1966 году в полуфинале чемпионата мира встретились команды Англии и Португалии. Среди португальцев был Эйсебио, его имя тогда гремело, да и вообще эта команда в том году была хороша. Матч удался, стал одним из украшений чемпионата. И все-таки ведущую партию в нем исполняли англичане. Они были команднее, их вел Бобби Чарльтон, обладавший высшим даром звезды — безупречно делать все, что необходимо для общей игры, оставаясь наравне с товарищами. А Эйсебио так играть не умел, он был сам по себе, но, лишенный свободы действий, ничего замечательного не сотворил. Чарльтон же, ведя командную игру, забил в том матче два мяча. Как игрок сборной и ее лидер он оказался выше Эйсебио.

В финале другого чемпионата мира, в 1974 году, играли команды ФРГ и Голландии. Голландцы тогда были открытием, ими восхищались, им предрекали победу, и одним из поручительств этому было присутствие в их рядах Круиффа. А Кубок мира достался не им. Немцы выиграли пусть и трудно, но со знанием дела, проявив и настойчивость, и организованность, и класс. Решающий гол забил Мюллер, и не каким-нибудь чудесным образом, а поставив точку после нескольких энергичных тире, прочерченных его партнерами. От Круиффа в том матче была одна тень. Оставалось удивляться и гадать: почему? Как бы то ни было, в тот день, который мог сделаться для Круиффа самым значительным в его жизни, он — не по таланту, не по мастерству, конечно, а опять-таки как игрок сборной — уступил и Беккенбауэру, и Мюллеру, и Бонхофу, да и некоторым своим товарищам по команде.

Вот уж кто должен быть назван идеальным игроком сборной, так это Пеле. Ничего для себя, все для команды. Он был прост, точен и все, что умел, вносил в общий котел. Пеле не настаивал на своей уникальности, он делал то, что необходимо для игры, для победы. Зритель, ожидавший встречи с «королем», мог даже испытать разочарование, не увидев ни короны, ни мантии. «Король» сражался в одежде простого воина, в одном ряду с партнерами. Но он был сильнее других и потому более всего заботился, чтобы ряд не дрогнул. Таким он запомнился мне на чемпионате мира 1970 года в Мексике.

Думаю, не надо объяснять, что, употребляя выражение «сборные», я имею в виду те из них, которые сложились и играли удачно, оставив о себе долгую память. Все они воспринимаются как футбольная классика. Неспроста именно сборные в гораздо большей мере, чем клубы, становились законодателями мод, новаторами, в их исполнении все прогрессивные игровые идеи представали перед аудиторией в законченном облике. Один из самых чувствительных и тонких моментов футбола, который может быть приравнен к абсолютному музыкальному слуху, заключается в соотношении личного умения каждого игрока с общими, командными интересами. Думаю, что именно мастера, наделенные таким чувством меры, таким тактом (все остальные их умения посчитаем условием обязательным), и имеют преимущественное право состоять в сборной.

Кроме всего прочего, в этом есть и практический смысл, потому что сборные, как правило, не имеют длительных сроков для подготовки, для сыгрывания. Игроки, отвечающие такому требованию, быстро поймут друг друга. Вспомним хотя бы сборную звезд, выступившую в Лужниках на прощальном матче Льва Яшина. В первом тайме она «плавала», а уже с начала второго играла осмысленно и стройно. Так называемое сыгрывание более необходимо клубам, когда они меняют состав, потому что у них футболисты обычно бывают разношерстные и надо добиться того, чтобы сумма общих достоинств перекрыла сумму недостатков. В верно подобранной сборной в такого рода тренерской работе нет нужды. А если нужда появляется, то это означает, что либо совершены промахи в отборе, либо просто не из кого было выбирать.

За 29-летнюю историю нашей сборной через нее прошло немало игроков, которых можно взять за образец. Перечислю некоторых из них: И. Нетто, В. Воронин, В. Иванов, Э. Стрельцов, А. Шестернев, С. Метревели, М. Месхи, И. Сабо, М. Хурцилава, А. Масленкин, Ю. Войнов, А. Ильин, И. Численко, В. Колотов, А. Коньков... Легко вспомнить, чем они отличались друг от друга, но и нетрудно обнаружить общее, что их объединяло,— тот самый абсолютный футбольный слух, природой подаренное понимание законов командной игры. Их разделяют «эпохи», вместе они выступить не могли.

Мне кажется, что нашей сборной вечно недоставало кого-то до искомых одиннадцати, а когда же в начале семидесятых годов под впечатлением неудач сборную принялись в срочном порядке конструировать методом складывания кубиков, пробуя за сезон по нескольку десятков игроков, то это и поставило ее на грань катастрофы. Сейчас же сборная постепенно приобретает тот облик, который у нее некогда был, по крайней мере в принципе формирования. Если совсем недавно мы терялись в догадках, почему так, а не иначе она составлена, то теперь есть линия, есть аргументы.

Было понятно, что тренер К. Бесков для начала делал ставку на игру «Спартака» и, следовательно, на ведущих мастеров этого клуба, тех, которые эту игру создают. Логичность такого курса была несомненна. «Спартак» в 1979 году стал чемпионом страны, переживал подъем, который у него продолжался до середины 1980 года. Вспомним, что в прошлом году яркие игры «Спартака» (4 : 2 с тбилисским «Динамо» на его поле, 1:0 с киевским «Динамо» в Лужниках) и лидерство после первого круга совпали с выигрышем ряда товарищеских матчей сборной: у Болгарии — 3:1, Швеции — 5:1, Франции — 1:0, Бразилии — 2:1, Дании — 2:0. В конце года эту серию принял в расчет «Франс футбол» и поставил нашу сборную в своей классификации на 2—3-е место в Европе, где она давненько не фигурировала.

Пройти мимо поражения от олимпийской команды ГДР нельзя. Оно было единственным в году, но чрезвычайно болезненным. Не знаю, прав ли я, но какой-либо существенной ошибки в тренерской линии тут не улавливаю. Команда, которая вышла в тот день на поле, была в состоянии одолеть своих соперников, выглядевших не более чем средними. Могла, но не смогла. Принято в дни поражения обращать укоризненные взоры на тренера. Это легче всего, но доступность адреса не гарантирует его точности. Мне всегда казалось, что тренер несет ответственность за правильную постановку дела, за режиссуру игры, за то, чтобы руководимая им команда прогрессировала. Ему подвластны результаты ряда матчей, но не какого-то одного. Игра остается игрой. В данном же случае, на мой взгляд, был рецидив той болезни, которой наша сборная стала хронически прихварывать еще лет десять назад,— потеря уверенности в себе в наиболее ответственные моменты. Я вполне доверяю отзывам А. Шестернева и М. Хурцилавы об этом матче, когда они сказали, что в их время сборная так бы легко победу не отдала.

Понятно и то, что после того, как «Спартак» начал сдавать позиции, в сборной была проделана коррекция, причем достаточно осторожная. Досадно, конечно, что в этом сезоне в отличие от прошлого сборная осталась без практики и мы увидели ее сразу в отборочном матче чемпионата мира против команды Уэльса. Об этой нулевой ничьей, где на чужом поле было взято дорогое очко, говорили по-разному. Одни — с удовлетворением, другие — с разочарованием. Словом, как всегда при ничьей. Мне хотелось бы, не вдаваясь в подробности, обратить внимание лишь на одну особенность, которая не могла не порадовать. Наши мастера выглядели более классными, чем их достаточно сыгранные и удачливые соперники. Это хороший признак, обещающий, что игровое согласие может быть быстро достигнуто.

Ничто не дается сразу. Нельзя забывать, что наша сборная не участвовала в финальной стадии двух чемпионатов мира, что тем самым преемственность прервана и футболисты нового поколения идут по неизведанному пути. Несмотря на то, что среди них немало таких, кого мы именуем опытными, все же о чемпионатах мира, турнирах, выше которых ничего нет, они знают только понаслышке. А ведь, кроме всего прочего, игрокам сильной сборной полагается считать, что место среди финалистов — их место и оно не случайное, не дар судьбы, а законное. Игроки прежних поколений так считали, и четырежды им сопутствовал успех. Эту уверенность нужно вернуть. Но чтобы было так, сначала сборной надо будущим летом поехать в Испанию. Мне представляется, что выигрыш Кубка кубков тбилисским «Динамо» должен сыграть вдохновляющую роль. Он наглядное доказательство реальности достижений на международной арене, достаточной квалификации наших мастеров.

Характер претензий меняется в лучшую сторону. Кажется, сейчас уже мало кто сомневается, что в основном группа игроков, соответствующих уровню сборной, выявлена. И молодежь выдвинулась интересная, и ведущие игроки — Блохин, Кипиани, Чивадзе, Буряк, Гаврилов играют в чемпионате страны свежо, умело и азартно. У них есть все основания уловить и закрепить командную игру в сборной и выразить себя в ней сполна. Запас футбольного мастерства в наличии. Остальное — вопрос самолюбия, характера, душевного единства. И не в последнюю очередь чувства подотчетности своей заждавшейся и продолжающей верить в лучшее аудитории.

СВИТОК ЖИЗНИ

ЗАМЕТКИ ОБ «ИЗБРАННОМ» ГРАНТА МАТЕВОСЯНА

В. ЕНИШЕРЛОВ

Оглянемся вначале на некоторые примечательные явления советской литературы последних лет и вспомним хотя бы «Прощание с Матёрой» В. Распутина, «Дом» Ф. Абрамова, «Лад» В. Белова. В этих разных и по жанрам и по писательским взглядам на жизнь и бытие произведениях есть черта, позволяющая не только поставить их в один ряд, но и вывести некоторую закономерность, свойственную прозе конца семидесятых — начала восьмидесятых,— стремление авторов разобраться в своем времени, опираясь на опыт былого, поверить сегодняшний день днем вчерашним, причем не высокомерно (что, увы, случалось и еще нередко случается) взирая на минувшее, а всерьез размышляя о преемственности прошлого и настоящего, о диалектике традиций и современности. Ощущение земли, на которой живут и действуют их герои, как абсолютно реальный географической величины — будь то воображенный писателем, обреченный на затопление речной остров или существующая в действительности далекая пинежская деревня,— уход в глубь истории места, которое в конечном счете точно обозначено понятием «малая родина», — все это для художников-реалистов не литературный ход, а необходимое условие уяснения сложной корневой системы жизни, столь существенное для восстановления в чем-то нарушенных временем и людьми взаимосвязей и закономерностей. Тот на первый взгляд ограниченный четкими пространственными рамками мир, что создается на страницах упомянутых книг, на самом деле расширяется в них до масштабов Вселенной. Время стремится в этих границах то вспять — к предкам, то вперед — к потомкам, верша свой путь по воле художника. Сами герои могут и не ощущать явственно этого маятникового движения, но именно оно устанавливает ту связь, что объединяет отдельные части мира в целое, создает судьбы, определяет характеры.

Свой точно географически очерченный, затерянный в горах Армении мир и у известного современного армянского писателя Гранта Матевосяна. О горных деревнях Цмакуте и Антарамече, где живут его герои, писатель вполне мог бы сказать словами Фолкнера: «...Я обнаружил, что моя собственная крошечная почтовая марка родной земли стоит того, чтобы писать о ней, что моей жизни не хватит, чтобы исчерпать эту тему, и что, сообщая действительному высокий переносный смысл, я получаю полную свободу развить возможности моего таланта, каким бы он ни был. Это открыло мне золотую жилу других людей; я создал собственный космос». Конечно, Фолкнер вспомнился не случайно. Сага американского писателя, в которую складываются романы и рассказы о его «малом космосе», Йокнапатофе,— разве не напоминает ее чем-то цепь матевосяновских рассказов о событиях бывших, свершающихся или грядущих в крохотном Цмакуте, в этом мире простых землепашцев и пастухов, усталых, кажется, вечно озабоченных женщин, детей, рано постигающих жизнь. Горцы Матевосяна изо дня в день занимаются тем же делом, что и их предки, — пасут овец, возделывают землю, строят жилища, и именно этот труд придает осмысленность их существованию, становится этической основой бытия. Именно через труд день сегодняшний связывается с прошлым, сама неразрывность, «эпичность» процесса позволяет писателю выявлять в современниках истинные человеческие ценности, погружаться в «космос» души, противопоставляя разобщенному миру свой противоречивый, но цельный Цмакут, ибо «мир, он приходит, уходит, а мы — крепкий род, мы наше существование продолжаем».

Не в переносном, а в прямом смысле для Матевосяна в Цмакуте сконцентрировались все болевые проблемы мира, и как сам он заявил в одном из интервью: «Убежден: на самые больные вопросы мира можно ответить, не покидая Цмакута, сюжетно, в буквальном смысле не покидая. Уверен — каждый Цмакут вмещает в себя всю сложность мира». Конечно, все дело в способности художника к анализу человеческих отношений и сложившихся психологических структур. Не случайно проза Матевосяна представляется некоторым критикам усложненной — действительно, читая его произведения, ощущаешь то в высшей степени благородное сопротивление материала, которое всегда отличало настоящую литературу от сиюминутных, распахнутых навстречу непритязательному потребительскому вкусу беллетристических поделок. Обостренный психологический подтекст книг Матевосяна зиждется на доскональном знании жизни его героев, на глубоком проникновении в тот тип армянской земледельческой культуры, который складывался веками в союзе и борьбе с природой. Примечательно, что стиль писателя благороден и крайне сдержан. Именно далекая от восточного орнаментализма скупость формы, выверенной в мельчайших деталях, еще более подчеркивает неисчерпаемую глубину проблем бытия, в которые погружается художник. Хроника жизни развертывается им на твердой документальной основе. Но Матевосян не наивный бытописатель, тем более не прямолинейный фиксатор-фотограф. И если в повестях «Мы и наши горы», «Мать едет женить сына», в рассказах цикла «Август» прослеживаются биографические элементы жизни его родного села, а во многих из них действуют одни и те же герои, то это не «рудименты преодоленной документальности, очерковости», как сказано в одном критическом комментарии, а осознанное стремление проследить жизненную цепь, оставить последующим поколениям художественно точный рассказ о живой жизни горного армянского села. А что до биографичности и документализма, то об этом хорошо сказал сам писатель в уже цитированном интервью: «...каждый живой человек — и вы, и я, и мой маленький сын — уже обобщение — плод человечества и... жизнь в ее, так сказать, натуральном виде — уже в какой-то мере литература».

Жизнь героев Матевосяна не подернута романтической дымкой, она часто даже как бы вызывающе, подчеркнуто трагична и противоречива, его герой, упрямо продирающийся по жизни, открывающий пусть уже не раз изведанные, но для него новые тропы, может быть одновременно добродетелен и порочен — и в этом реализм писателя, трезво и прозорливо смотрящего на мир. Вот Симон, добродушный, работящий, покладистый. Симон из повести «Мать едет женить сына»; Симон, заезженный, затюканный своей сварливой женой Агун. Матевосян переносит читателя в их молодость, когда в доме «все предметы, вплоть до ухвата, взамен которых кузнец потребовал у Симона топорище для топора, черенок для лопаты и еще кое-что в придачу — в этом доме каждая вещь, вплоть до последнего щенка... в этом доме все, включая ржавую железку, о которую чистят ноги — все: топор, обручи для бочек, яблони, пчелы, семена укропа, капустная рассада — все в этом доме появлялось с трудом, рождалось, как ребенок рождается, — с болью, с кровью, мучительно, и ничего не далось легко, ничего не снеслось, как яичко...» И при всем том Симон избивал молодую женщину. «В этом доме каждый предмет возник ценою побоев». Чтобы найти место в мире, юной Агун, выброшенной с ребенком в хлев родственниками того самого добродушного Симона из Цмакута, надо было поистине сражаться за свою судьбу. А удары, которые она один за другим раздает теперь, разве они не рождены той злой волей обстоятельств, которые погубили ее молодость? И то, что Матевосян понимает и во многом оправдывает своих далеко не голубых героев, говорит о присутствии в его прозе идеи высвобождения человека из сковывающей цепи, его пусть почти незаметного, но движения вверх из пучины обстоятельств.

Так появился в цмакутской хронике рассказ «Начало» — о мальчике с душой поэта, с недетской серьезностью ощущающем груз семейных забот. Как пристально, как неторопливо и проникновенно вглядывается Араик Карян в мир. В нем уживаются редкое, поэтическое восприятие мира и сознание долга, ответственности. Массу психологически точных деталей, чисто зрительных ассоциаций и духовных откровений встретит читатель этого рассказа о мальчике-горце. Его образ исполнен глубокой душевной силы и чистоты. Защита, в которой нуждается еще сам этот маленький человек, ложится на его плечи, и он с недетской ответственностью несет свою миссию. И в то же время это рассказ о рождении в том же Цмакуте поэта, с его пронзительным, лирическим, своеобразным видением мира и чувством заботы об этом мире.

Маленький человек уже задумывается над сущностью мироздания, над извечными вопросами бытия: «Если бы не было людей — в мире было бы грустно. Было бы много травы. Среди травы бежала бы речка. Белая бабочка носилась бы над травой... Печально и красиво было бы. А сейчас некрасиво и непечально. И не знаешь, что делать. Почему в небе кружит ястреб? Почему стоят деревья? Стоят и стоят. А ястреб покружится, покружится и камнем ринется вниз, ну, скажем, куропатку убьет, ну и что. И снова кружит. Когда кружит — красиво и печально, не знаешь, какой в этом смысл, но какой-то красивый и печальный смысл в этом есть. Как произошла земля, куда текут реки, о чем думает лошадь, когда не пасется и стоит неподвижно? Часами стоит неподвижно. И думает. Из какого моря поднимаются облака и над какими лесами они проходят, почему вечера бывают такими грустными, полными раздумий и тоски, а утра — такими чистыми и бездумными, почему наш армянский народ, когда степи были пустые, ничьи, почему он не дошел до самого океана, а остался в этих ущельях, где иссякает, переходит в камень земля, и почему так бьется, чего хочет наше сердце?» Какая глубокая внутренняя духовная жизнь сконцентрирована в этом характере. Вот еще одна ипостась Цмакута и вот пластическое воплощение раздумий писателя об извечной непрерывности жизни, связующими звеньями цепи которой и становятся такие люди, каким уже видится нам маленький Араик Карян.

Река жизни для героев Матевосяна течет из Цмакута. Здесь исток, начало, сюда устремляются их мысли. Молодой журналист Грант Карян (рассказ «На станции»), застрявший на пути из Еревана в Цмакут на небольшой станции в ожидании лошади из села, думает об односельчанах даже с некоторым высокомерием: «Черт бы их всех побрал... забрались в свои леса и знать не знают, какие дела происходят на свете, не знают и не хотят знать... Косят себе траву, скирдуют, коров держат, овец пасут, сыр и масло выделывают, мясо... И хоть бы к линии железнодорожной поближе были, а то забрались черт-те куда...» А эти темные, забытые богом цмакутцы никак не торопятся броситься на выручку заносчивого столичного гостя, обзаведшегося университетским дипломом и потому считающего их обязанными ему помогать. Мощная корневая система, которая помогает писателю неспешно вести эпическую линию своего повествования, основана на том же сознании первоистока, истинной ценности простого человека, совершающего в жизни, быть может, единственно имеющее смысл дело — сеющего хлеб, пасущего скот, возделывающего землю. Не случайно Л. Теракопян в предисловии к «Избранному» Матевосяна акцентирует внимание на подземной реке народного характера, противостоящей в рассказе «На станции» заносчивому самолюбию и спеси молодого журналиста: «В нервической атмосфере рассказа она представительствует от имени эпоса, от имени вечности. От имени поколений землепашцев, которые отнюдь не считают себя обязанными Гранту Каряну, которым, напротив, он сам обязан».

Не следует думать, что Матевосяна влечет только Цмакут прошлого, что пером писателя движет лишь ностальгия по былому. Он внимателен к сегодняшнему дню своего родного села, он подмечает приметы нового, стремительно ворвавшегося в жизнь горцев, но он же ощущает ту корневую, уходящую в вековую каменистую почву Армении систему, которая властвует над внутренней жизнью села и лишь в союзе с которой может жить настоящий человек, тот, который и является «становым хребтом» бытия. Таков, например, Аветик из рассказа «Твой род», всем всегда делавший добро. Простой крестьянин, плоть от плоти этой земли, беззаветно, по зову сердца и самой сути своей природы отдающий ей свой труд, личность высоких нравственных устоев и высокой ответственности — таким остается в сознании писателя человек, на котором держится мир Цмакута. Но не прост и не однолинеен характер такого героя. Как и Младший дядя (рассказ «Конь мой, конь»), он ощущает власть Цмакута, сознает внутреннюю справедливость этой власти и свое предназначение подчиняться ей, но тистрастно стремится высвободиться из ее тисков (долга младшего брата в семье — остать-

---

Москва. «Художественная литература». 1980. 446 с. Перевод с армянского Анаит Баяндур.

ся в селе и ухаживать за стариками) и уехать в город к любимой девушке. У Матевосяна в извечном конфликте чувства и долга победителем оказывается долг. Этот мотив не раз повторяется у писателя. Душевные драмы, которые развертываются на страницах его книг, часто поднимаются к иносказанию, символике, решаются в метафорическом противопоставлении. Один из символов писателя — оранжевый табун вольных, как огонь, чудо-коней, олицетворяющий нездешнюю, такую заманчивую и загадочную в своей безграничной свободе жизнь. Зов вольной стихии, власть дикой природы — ими живет вожак табуна Оранжевый жеребец. Его антипод в символической системе образов Матевосяна — смиренный конь Алхо, старый трудяга, безропотно влекущий свой сверхгруз. Он тоже ощущает зов вольной, свободной жизни, но он продолжает свой трудный путь служения. Поэтому и смог сказать писатель: «Самое мое в моем Цмакуте — это Алхо. Вернее, те люди, в которых где-то там, внутри, сидит Алхо. Во всех его ипостасях. Те, кого можно назвать становой жилой жизни, ибо на них жизнь-то и держится. Те, кто может сказать о себе: все уходит, а мы остаемся». Надежность и верность долгу отличают этих героев писателя.

Велика и неизбывна сила земли в рассказах и повестях Матевосяна. Взаимоотношение гор и людей приобретает часто символический смысл, природа одухотворяется, но не наивно поэтизируется, ибо «сегодняшний пастух, как и пастух, живший тысячу лет назад, круглый год проводит то в единоборстве с природой, то в дружбе с ней». Гранту Матевосяну чуждо лирическое отстраненное любование. Но с каким пониманием и сочувствием пишет прозаик портреты тех, кто в трудной работе провел жизнь, не успев и почувствовать, что она уже прошла: как жаль ему и согнувшуюся под копной сена сорокалетнюю старуху Мариам, и загубленную молодость Агуник, и героиню рассказа «Твой род», в страстном монологе которой против доброты так много перенесенного в детстве горя. Обращаясь к Цмакуту своей юности, Матевосян не унижает всех их жалостью, он понимает своих героев: его философия позволяет проникнуть в диалектику жизни — трудной, но и прекрасной одновременно,— потому так порой жестка, но и так по сути человечна его проза.

Творчество современного армянского писателя гуманистично в самом высоком смысле этого слова. О будничной тяжести жизни, непростых характерах и сложных человеческих отношениях он пишет, чтобы улучшить мир, в котором живут его герои. Ведь как точно сказал тот же Фолкнер, безусловно, в чем-то предшественник Матевосяна: «Нельзя постоянно говорить... о добре и красоте. Я думаю, что писатель, поэт, романист не может быть простым хроникером человеческих поступков — он должен дать человеку какое-то понятие о том, что человек может быть лучшим, чем он есть. Если писатель вообще к чему-нибудь призван — так это сделать хоть немного лучшим тот мир, который застал... И не только описанием приятных вещей, он должен открыть истоки — указать на зло, которое способен совершить человек, и ненавидеть себя за это и потом все-таки восторжествовать, выстоять, выдержать и всегда верить, что он может быть лучшим, чем он сам есть, и лучшим, чем он, может быть, будет на самом деле».

На эти слова как бы откликнулся Матевосян, когда в не столь давнем интервью журналу «Вопросы литературы» говорил, что учится у Льва Толстого «мужеству, с каким он умел смотреть в глаза правде. Мужеству не позволять себе быть чересчур добрым, ибо быть добрым, только добрым — значит сдаться». Поэтому так далек от идеализации его мир, поэтому так внимателен писатель к законам будней.

Правду жизни проносят по страницам книг герои Матевосяна. Не модное ныне у некоторых писателей стремление к патриархальному пейзанству заставляет его и в эпической неторопливости бытия находить вечные этические ценности, обращаться в произведениях к таким древним, но вечно живым понятиям, как совесть, честь, милосердие, а боль художника, ищущего в прошлом, постоянном основы движения вперед.

Ведь вместе с такими людьми, как Аветик из «Твоего рода», считает писатель, «ушла особая — кустарная, ручная культура труда, которая была куполом, завершением многовекового опыта. И когда я думаю о своем писательском долге и перед этой великой земледельческой культурой, и перед могиканами старого Лори (местность в Армении), где еще во времена Туманяна не было ни сантиметра не возделанной, не превращенной в земной рай земли и где теперь нет даже диких ореховых деревьев, то я его—то есть свой писательский и сыновний долг, понимаю так: Лори (и как понятие географическое и как духовно-нравственный мир) не должен исчезнуть с лица земли...»

Сберечь этот мир — одухотворенная, благодарная задача.

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЁК» — СТРОКА В БИОГРАФИЮ СТРАНЫ

УЛИЦА ИМЕНИ ОТВАЖНОЙ ЛЕТЧИЦЫ

Москва. Тушино. Улица имени Фомичевой. Когда я переехал сюда, то заинтересовался человеком, чьим именем улица названа.

Однажды во время очередного отпуска (который обычно провожу в родных местах — на Дону) зашел в краеведческий музей города Данкова и среди знатных людей края увидел портрет милой женщины с серьезными глазами. Под ним подпись — Герой Советского Союза Клавдия Яковлевна Фомичева.

Оказалось, что К. Я. Фомичева родилась в Москве, но детские годы провела на родине родителей, в деревне Знаменка Данковского района. Местная школа носит ее имя.

По путевке комсомола в 1936 году Клавдия поступила в аэроклуб, после окончания которого была инструктором-общественником Реутовского аэроклуба, позже перешла на штатную должность инструктора-летчика, подготовила более пятидесяти летчиков.

Когда началась Великая Отечественная война, Клава проходит переподготовку на военного летчика, и с декабря 1942 года она уже в составе бомбардировочного авиаполка.

В должности заместителя командира, потом командира эскадрильи Фомичева сражается на многих фронтах: Донском, Сталинградском, Северо-Кавказском, Западном и других. За отважные боевые действия гвардии капитану Клавдии Яковлевне Фомичевой было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вот только некоторые данные из ее наградного листа.

30 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА. Со звеном бомбардировщиков в районе поселка Сталинградского тракторного завода с трех заходов уничтожила два дзота и пять пулеметных точек противника.

2 ИЮНЯ 1943 ГОДА. Гвардии капитан Фомичева в составе девятки самолетов Пе-2 бомбардировала скопления пехоты, танков и артиллерии противника. Над целью девятка была атакована 10 истребителями противника. Завязался жестокий воздушный бой. В результате были сбиты 5 истребителей противника. Наша группа потерь не имела.

17 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА. В районе деревни Сашино, что 24 километра западнее Ельни, над целью девятка встречена сильным заградогнем противника. Задание выполнено, бомбы сброшены точно по цели, что подтверждено фотоснимками. Осколками снарядов пробит центральный бензобак самолета Фомичевой и повреждено управление, штурман экипажа тяжело ранена. Сознавая всю опасность положения и сложность посадки плохо управляемого самолета, Фомичева, перетянув линию фронта, все же решила произвести посадку. В конце пробега самолет Фомичевой попал в воронку, скапотировал и загорелся. В результате гвардии капитан Фомичева получила ожоги II степени и перелом шести ребер. Экипаж был спасен зенитным расчетом, находившимся невдалеке от места посадки.

После войны Клавдия Яковлевна — летчик-инструктор, потом преподаватель в Борисоглебском авиаучилище. В запас отважная летчица ушла в звании подполковника, а в октябре 1958 года ее не стало. Похоронена К. Я. Фомичева в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Н. ХАРЛАМОВ,
полковник запаса

Москва.

ВИНОВНЫЕ НАКАЗАНЫ

ПОЧТА «ОГОНЬКА»

Редакция получила жалобу от читателя Москвы т. Вороновой, в которой она сообщала о безобразном случае на платформе Беговая. Когда она садилась в вагон, проводник Б. А. Шпаковский, не убедившись в полной посадке пассажиров, подал сигнал на отправление поезда, и автоматические двери захлопнулись, защемив руку пассажиру. За грубое нарушение инструктивных указаний о порядке обслуживания пассажиров помощник машиниста В. В. Минченко и проводник Б. А. Шпаковский строго предупреждены и лишены месячной премии.

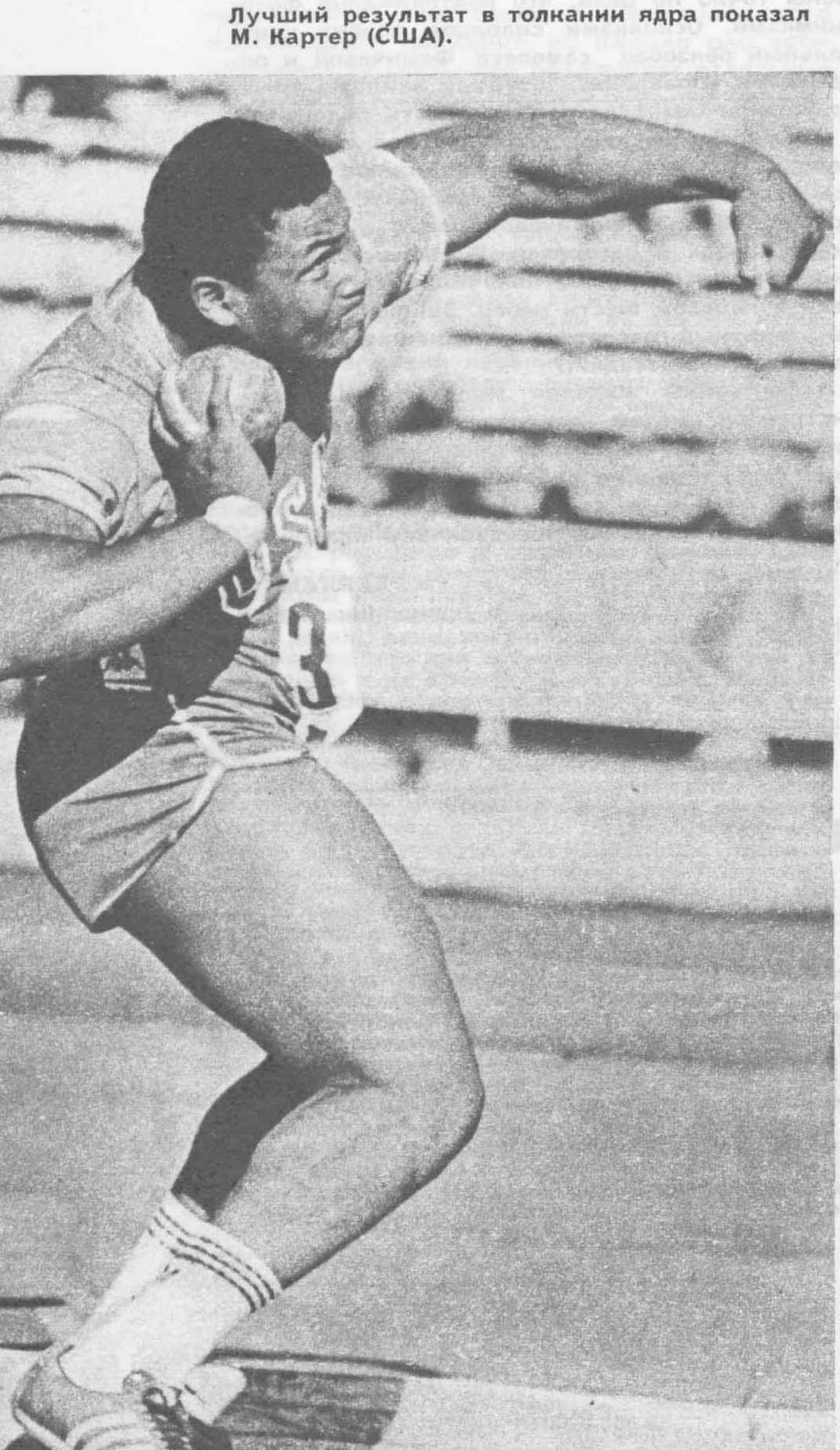
Другой читатель, П. Ткачук, сообщил о продаже киоскером «Союзпечати» журнала «Огонек» с «нагрузкой». Письмо было опубликовано в № 14 «Огонька». Случай этот был рассмотрен в управлении «Союзпечать» Министерства связи УССР, и киоскер Е. В. Морозова, допустившая продажу товаров с «нагрузкой», уволена.

Эстафету 4×100 метров выиграли советские спортсмены.

С ПОБЕДОЙ!

Лучший результат в толкании ядра показал М. Картер (США).

В тройном прыжке победу одержал Г. Валюкевич.

В эстафете 4×400 метров первыми на финише были американские бегуны.

Молот метает победитель матча Ю. Седых.

О. ПЕТРИЧЕНКО

Фото Ю. ЩЕННИКОВА

...Давно уже королева спорта не собирала на свои старты в Ленинграде столько зрителей — ведь встречались сильнейшие легкоатлетические команды мира. В шестнадцати предыдущих матчах команда СССР побеждала 12 раз, три раза выигрывали легкоатлеты США, и один раз их встреча закончилась вничью. Теперь предстоял семнадцатый по счету матч, начало которым было положено почти четверть века назад.

И вот Ленинград. Первый после Московской Олимпиады, в которой американцы не участвовали, поединок давних соперников на столь высоком уровне.

...Когда до финиша женского пробега на 800 метров оставалось сто шагов, трудно было усомниться в победе американки Мэнниг-Мимз. Уж больно уверенно вышла она на финишную прямую, в то время как советская бегунья О. Минеева была последней. Но — тем и прекрасен спорт — именно она совершила, казалось бы, невозможное, нашла в себе силы для мощного заключительного рывка и обошла грозную соперницу.

Это был, наверное, самый драматический забег, и, не рискуя предсказывать будущее О. Минеевой, тем не менее смело можно утверждать, что характером она уже сейчас обладает поистине чемпионским. По схожему сюжету развивались события и у мужчин в забеге на 5 тысяч метров. Спурт американца Д. Падильи, обошедшего В. Абрамова и А. Федоткина, вроде бы уже обеспечивал ему победу, и все же В. Абрамов не сдался, сумел еще больше взвинтить темп и финишировал первым. В свою очередь, неудержимая американская школьница М. Гловер «отомстила» нашим девушкам в эстафете 4×100, вырвав у них победу буквально на последнем метре.

Вообще матч был богат примерами настоящего спортивного мужества. Особенно это относится к Геннадию Валюкевичу. Слишком долго преследовали его травмы, была пропущена Московская Олимпиада — ну как тут не впасть в уныние, однако минчанин не смирился с обстоятельствами, продолжал упорно тренироваться и вот во встрече с героем сезона У. Бэнксом вновь продемонстрировал и волю и отточенную технику. Их захватывающая дуэль на время заставила зрителей позабыть о всех остальных стартах: Бэнкс прибавлял от попытки к попытке, но, не выдержав напряжения, уступил 8 сантиметров Валюкевичу, прыгнувшему на 17 метров 18 сантиметров.

Дискобол Г. Колноотченко и толкатель М. Гусев не смогли победить, но все же делали все от них зависящее, чтобы добыть для своей команды драгоценные очки. Перед заключительной попыткой Г. Колноотченко проигрывал несколько сантиметров шедшему вторым А. Бернсу. Долго и отрешенно готовился он к тому, чтобы использовать свой последний шанс, и, великолепно исполнив бросок, сумел занять второе место, не дав, таким образом, американцам набрать в этом виде максимум очков. Столь же драматичен был спор за третье место М. Гусева с Б. Олдфилдом. Всего один сантиметр выиграл наш толкатель, но мы знаем истинную цену этому сантиметру...

Да, командная борьба — борьба особенная, у нее свои законы, и не рекорды, а интересы коллективов определяют ее тактику. Дружба, взаимная поддержка — вот качества, позволяющие опровергнуть любые расчеты соперников.

Прекрасно прыгали наши шестовики — мировой рекордсмен В. Поляков, К. Волков и выступавшие вне конкурса С. Кулибаба и А. Крупский. С первых попыток они предприняли столь мощный штурм высоты, что у соперников Э. Бэлла и С. Смита просто не выдержали нервы. Смит не взял даже начальной высоты, Бэлл довольствовался весьма скромным результатом 5 метров 45 сантиметров, а наши ребята были буквально неудержимы, и все четверо покорили 5 метров 60 сантиметров. Затем К. Волков и С. Кулибаба подняли планку до 5 метров 70 сантиметров и наконец смело атаковали мировой рекорд. Тут, правда, вмешался сильный невский ветер, но оба атлета тем не менее были близки к успеху.

Можно перечислить еще немало очень высоких результатов, ставших подлинным украшением матча: лучшее время сезона в мире Т. Поздняковой в беге на 3 тысячи метров (8 минут 34,8 секунды), рекордный для истории этих встреч прыжок бронзового призера Московской Олимпиады Т. Скачко в длину — 6 метров 72 сантиметра и хороший результат В. Граненкова в высоту — 2 метра 30 сантиметров и т. д. Но куда важнее другое — в поединках с очень сильной заокеанской командой (по мнению специалистов, самой сильной из всех противостоявших нам в таких встречах до сих пор) наша молодежь показала себя с самой хорошей стороны. А значит, растет надежная смена чемпионам и курс в подготовке к следующей Олимпиаде выбран правильный.

204 : 178 — с таким ощутимым перевесом выиграла советская сборная.

Ленинград (по телефону).

Олимпийский спорткомплекс ЦСКА в дни автофестиваля.

Копия «фиата» 1899 года, сделанная Спартаком Григоряном, участвовала в съемках четырех художественных фильмов.

АВТОФЕСТИВАЛЬ ▸

Г. РОЗОВ,
фото автора

— А ваш мотоцикл ездит?

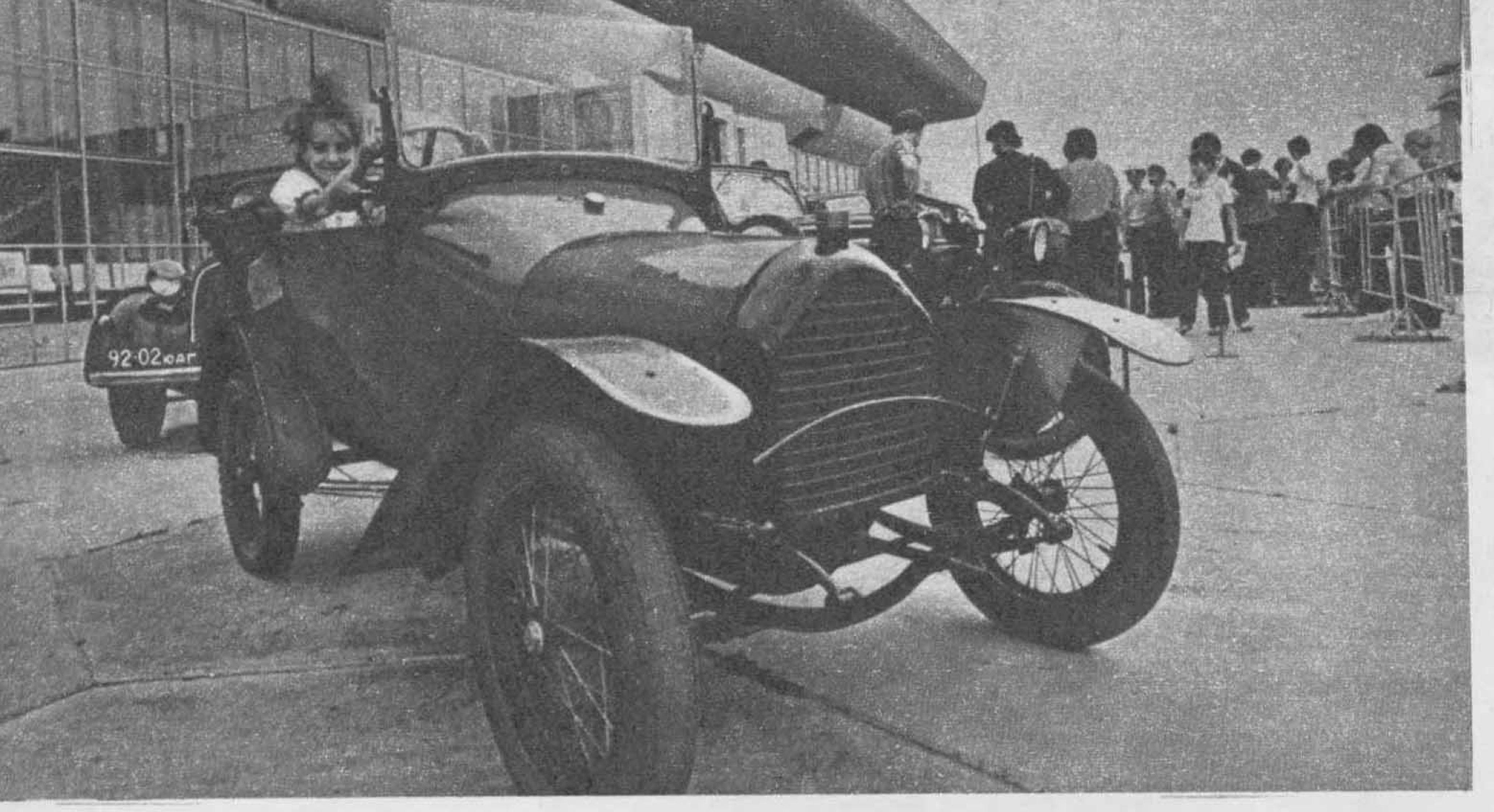
— Если бы он ездил, я бы уже не улыбался, а смеялся. А пока он летает на самолетах и ездит на мне,— шутит одессит Генрих Намит. Он привез на первый московский автофестиваль самый старый мотоцикл в мире, выпущенный в 1893 году мюнхенской фирмой «Хилдебрандт и Вольмюллер». Когда-то, еще задолго до революции, на нем ездил скрипичный мастер Петр Овчар.

— Терпеливый был человек! Чтобы завести этот «примус», ему надо было сначала основательно прогреть его паяльной лампой, а потом найти добровольца, чтобы подтолкнули. Холостого хода у мотоцикла нет, и если уж надумал остановиться, то глуши скорее мотор, а не то взорвешься...

Выставку старинной автомототехники организовал московский клуб «Следопытов автомотостарины». В ней приняли участие подобные

Амфибия под парусом.

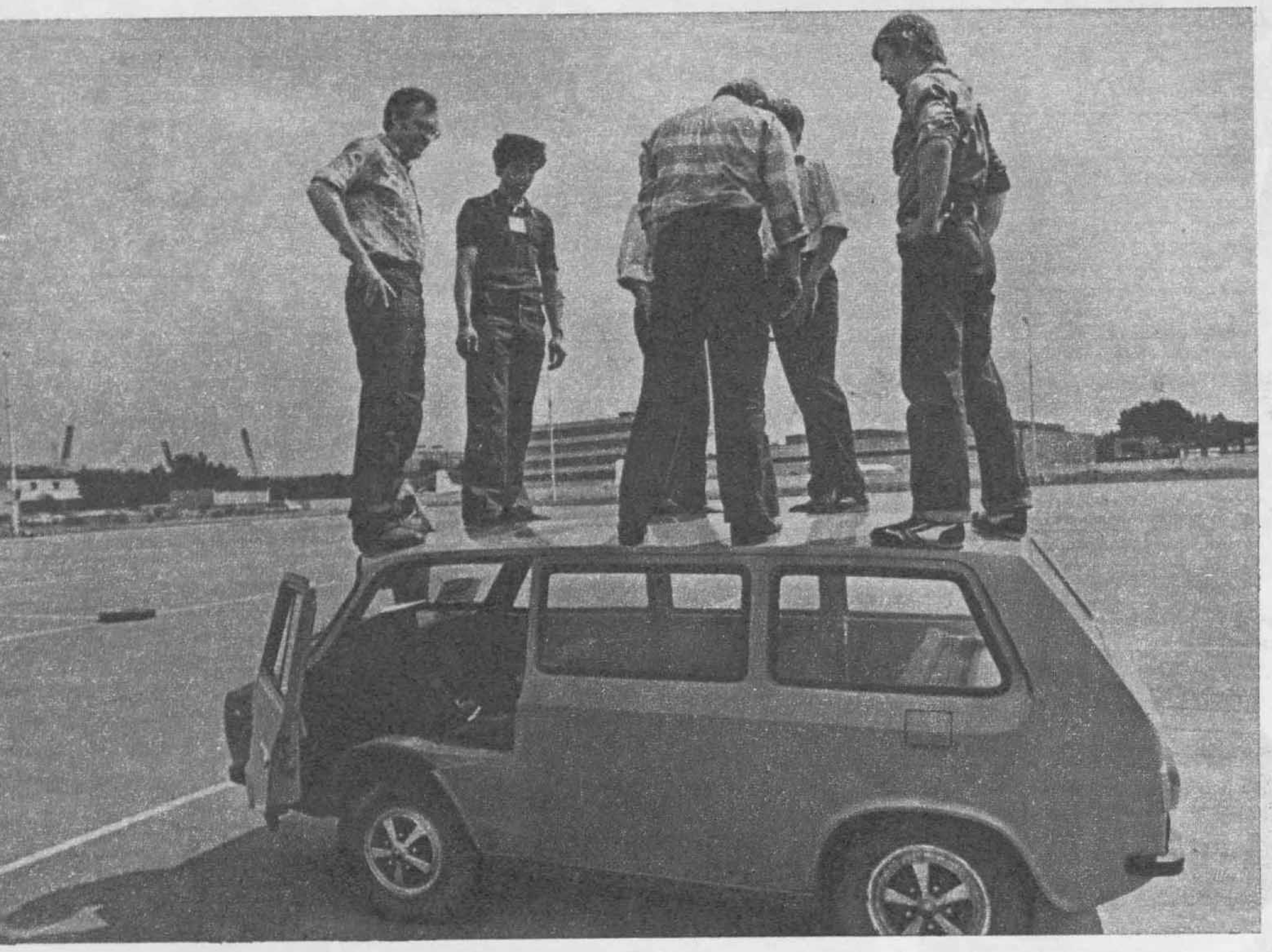

Малютка «Пежо-бе-бе» 1913 года рождения.

Этот велосипед с ручной тягой создан в Англии в 1896 году.

Таким образом рекламировали прочность этой самоделки.

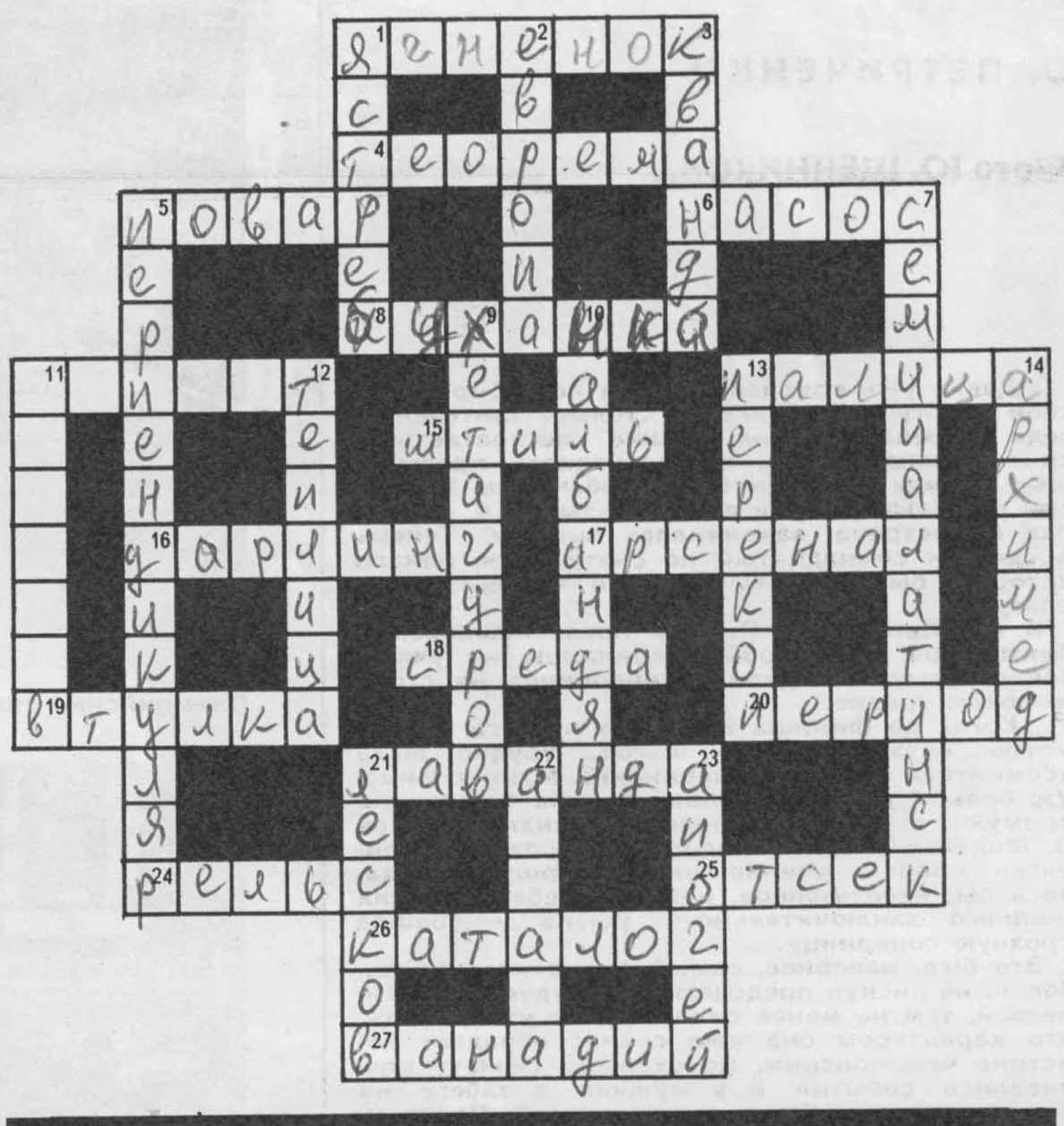

клубы еще из двенадцати городов нашей страны. Среди экспонатов первые советские автомобили — работяги довоенных пятилеток: «ГАЗ-А», «ГАЗ-АА», «ЗИС-5», эмки, первый наш представительский автомобиль «ЗИС-101».

Организаторы автофестиваля: газета «За доблестный труд», Главмосавтотранс и Мосавтолегтранс — устроили также и выставку самых современных грузовых машин, работающих в столице. Огромные молоковозы, контейнеровозы, панелевозы, бензовозы, стекловозы, снегоуборочная техника, машины скорой технической помощи, автомобильное подъемное устройство финской фирмы «Нумми», которое позволяет водителю в считанные минуты нагружать и разгружать свой грузовик...

В программу фестиваля входили гонки на картингах, соревнования по фигурному вождению и показательные выступления владельцев самодельных машин.

Генрих Намиот со своим «Хилдебрандтом и Вольмюллером».

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Басня И. А. Крылова. 4. Математическое положение, устанавливаемое доказательством. 5. Работник общественного питания. 6. Гидравлическая машина для перемещения жидкости. 8. Формовой хлеб. 11. Строфа в песне. 13. Древнее оружие. 15. Безветрие. 16. Река в Австралии. 17. Опера Г. И. Майбороды. 18. День недели. 19. Цилиндрическая деталь машины с осевым отверстием. 20. Промежуток времени. 21. Декоративное эфиромасличное растение. 24. Стальная балка железнодорожного пути. 25. Помещение на корабле, в самолете. 26. Перечень, составленный в определенном порядке. 27. Химический элемент, металл.

По вертикали: 1. Хищная птица. 2. Часть света. 3. Река в Анголе. 5. Линия, пересекающая другую под прямым углом. 7. Областной центр в Казахстане. 9. Осетинский поэт, революционный демократ. 10. Народный художник СССР, Герой Социалистического Труда. 11. Советский космонавт. 12. Оранжерея. 13. Роман О. Гончара. 14. Древнегреческий механик и математик. 21. Русский писатель XIX века. 22. Город в Эфиопии. 23. Наиболее удаленная от Земли точка орбиты Луны.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 5. Интерпретация. 8. Баталист. 9. Самойлов. 11. «Буревестник». 13. Фара. 14. Овца. 15. Дрейф. 17. «Тамара». 18. Иловля. 19. Туника. 20. Журнал. 22. Риони. 23. Трио. 26. Иена. 27. «Неизвестная». 28. Экспресс. 30. Леонидов. 31. Эффективность.

По вертикали: 1. Селитра. 2. Опыт. 3. Рейс. 4. Гармонь. 6. Балласт. 7. Нотация. 10. Селекционер. 11. Бадминтон. 12. Конвенция. 15. Дакар. 16. Фиджи. 19. Тарелки. 21. Луноход. 24. Либерец. 25. Антонов. 29. Соты. 30. Лавр.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Полет — так невольно хочется назвать упражнение с лентами, которое исполняет юная гимнастка из Вильнюса Даля Куткайте. Фото А. Бочинина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ценнейшую продукцию дает первенец горнометаллургической промышленности республики — комбинат «Тувакобальт» * Чабан совхоза «Моген-Бюрен», депутат Верховного Совета Тувинской АССР Ирина Иргитовна Чамый * Жатва * Студентка Красноярского медицинского института Света Ховалыг проводит каникулы у родителей в селе Тэсли * Владимир Шамбул — самодеятельный художник из поселка Кызыл-Даг * Резные фигурки из камня прославили тувинских художников-камнерезов. Работа Владимира Шамбула. (См. в номере материал «В центре Азии».) Фото А. Маслова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 29.06.81. Подписано к печати 14.07.81. А 01197. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1541. Заказ № 787.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137. ГСП, улица «Правды», 24.

В чаду военного угара,
Освоив агрессивный стиль,
Под барабан танцует пара
Небезопасную кадриль.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Ракетному маньяку Пентагону
На севере Европы места нет!
Народы за безъядерную зону,
Народы против натовских ракет!

В поту недаром члены НАТО:
Тащить мешок тяжеловато.
Но босс желаньем одержим
Усилить «дружеский нажим».

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 78463

